

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 1 (7)

Ярославль
2020

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».
Юго-Западный университет КНР.
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries :
научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 1 (7). – 125 с. – ISSN 2658-7866. –
DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7
2021, № 1 (7). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Заке Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021

© Юго-Западный университет КНР, 2021

© Авторы статей, 2021

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky», Southwest University of the People's Republic of China, The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论: scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2021. – № 1 (7). – 125 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7
2021, № 1 (7). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2021

© Southwest University of the People's Republic of China, 2021

© Authors of articles, 2021

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ	
ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Чжоу Синью</i> «Сетевая» образность в китайском политическом дискурсе (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) _____	5
<i>Чжао Жун, Сюй Фэнцай</i> Преимущества китайской модели: опыт Китая в борьбе с коронавирусом в русской прессе _____	17
<i>Чжэн Вэньдун, Ван Луяо</i> О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху _____	33
ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Коу Сюохуа, Калинина Т. Ж.</i> «Калечина-Малечина» не может стать умницей»: мотивные и сюжетные переклички в романах о девочках-подростках Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя _____	44
<i>Букарева Н. Ю.</i> Тема взаимоотношений художника и власти в дилогии Сергея Максимова «Денис Бушуев» и «Бунт Дениса Бушуева» _____	62
<i>Янь Куань</i> Буддизм в мировоззрении персонажей в произведениях Гайто Газданова _____	73
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Азеева И. В., Перфилов А. А.</i> Постсоветская новая драма: макро- и микровселенная Константина Стешика _____	82
<i>Летин В. А., Добрынин Г. А.</i> Король в художественном универсуме Шекспира: метафизический аспект _____	93
<i>Александрова М. В.</i> Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) _____	111
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____	119
Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей _____	123

THE CONTENT	
POLITICAL SCIENCE	
<i>Zhou Xinwu</i> «Network» imagery in Chinese political discourse (based on speeches of Chinese President Xi Jinping) _____	6
<i>Zhao Rong, Xu Fengcai</i> The advantages of the Chinese model: China's experience in fighting the coronavirus in the Russian press _____	18
<i>Zheng Wendong, Wang Luyao</i> On the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange in the new era _____	34
PHILOLOGY	
<i>Kou Xiaohua, Kalinina T. J.</i> «Kalechina-Malechina» cannot become a smart girl»: motive and plot parallels in the novels about teenage girls by Evgeniya Nekrasova and Huang Beijia _____	45
<i>Bukareva N. Y.</i> The theme of relations between the artist and power in Sergey Maximov's dilogy Denis Bushuyev and Denis Bushuyev's Rebellion _____	62
<i>Yan Kuan</i> Buddhism in the worldview of the characters in Gaito Gazdanov's works _____	73
CULTURAL SCIENCE	
<i>Azeeva I. V., Perfilov A. A.</i> Post-Soviet new drama: macro- and microcosm of Konstantin Steshik _____	83
<i>Letin V. A., Dobrynin G. A.</i> The King in Shakespeare's artistic universe: a metaphysical aspect _____	94
<i>Aleksandrova M. V.</i> The image of the Russian province in the travelogues of the XIX century foreign travelers (on the materials of the Yaroslavl province) _____	111
INFORMATION ABOUT AUTHORS _____	121
Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts _____	125

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316

Чжоу Синью

<https://orcid.org/0000-0002-8650-6648>

**«Сетевая» образность в китайском политическом дискурсе
(на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина)**

Для цитирования: Чжоу Синью «Сетевая» образность в китайском политическом дискурсе (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 5–16. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-5-16

Политический дискурс представляет собой многомерное языковое явление. С постоянным расширением сферы политической коммуникации анализ этого явления становится все более важным. По мере роста международного статуса Китая все больше внимания политологов и лингвистов привлекают выступления китайских лидеров, прежде всего Председателя КНР Си Цзиньпина. Точность и выразительность высказывания обеспечивают результативность политической инициативы. Интересный ресурс речевой выразительности в выступлениях политика – использование популярных образов, закрепившихся в практике сетевого общения. Параллельно развитию интернет-технологий политики все чаще берут на вооружение отдельные слова и образы, рожденные в интернет-дискурсе, поскольку сфера применения подобных выражений постоянно расширяется, проникая в экономику, дипломатию, культуру. В данной статье предпринята попытка исследовать особенности употребления наиболее частотных «сетевых» слов в выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина и раскрыть связанные с этими словами глубокие социально-политические смыслы. Сделан вывод о том, что Си Цзиньпин мастерски использует разные типы «сетевой» образности, подчиняя ее выражению политических идей. Предложена рабочая типология «сетевой фразеологии» в речах Си Цзиньпина, опирающаяся на тематику выступлений. Выделены политический, экономический, дипломатический и бытовой типы «сетевого дискурса». Целевая аудитория речей Председателя КНР чрезвычайно широка и многослойна (по этнокультурным, возрастным и интеллектуальным особенностям), но именно «сетевые» ресурсы образности помогают донести до самых разных людей важную общественно-политическую информацию.

Ключевые слова: политический дискурс, сетевые популярные выражения, выступления Си Цзиньпина, социально-политическая информация.

© Чжоу Синью, 2021

Zhou Xinwu

**«Network» imagery in Chinese political discourse
(based on speeches of Chinese President Xi Jinping)**

Political discourse is a multidimensional linguistic phenomenon. With the constant expansion of political communication, it is becoming more and more important to analyse it. As China's international position is strengthening, political scientists and linguists pay more attention to the speeches of Chinese leaders, especially President Xi Jinping. Accurate and expressive language ensures the effectiveness of a political initiative. An interesting resource of verbal eloquence in a politician's speeches is the use of images popular in the networks communication practices. Alongside the development of Internet technologies, politicians often use certain words and images from Internet discourse, as the scope of using such expressions is constantly expanding, entering economy, diplomacy and culture. This article attempts to analyse the use of the most frequent 'network' words in President Xi Jinping's speeches and to identify the underlying social and political connotations associated with these words. The conclusion is that Xi Jinping makes skilful use of various types of 'network' imagery, adjusting it to the expression of political ideas. This article presents a typology of «network phraseology» in Xi Jinping's speeches, based on the subject matter of the speeches and outlines political, economic, diplomatic and everyday types of «network discourse». The target group for the Chinese President's speeches is extremely numerous and diverse (in terms of ethnic-cultural, age and intellectual characteristics), but it is the «network» imagery resources that help convey important social and political information to a wide variety of people.

Key words: political discourse; popular network expressions; Xi Jinping's speeches; social and political information.

Введение

В настоящее время процесс глобальной геополитики активно интенсифицируется, и политика играет все более важную роль в общественной жизни. Соответственно, значение политического дискурса становится все более заметным, и большое значение в нем уделяется лингвистическому полю. Как нам известно, большинство исследователей в области российской лингвистики придерживаются широкого понимания термина «политический дискурс». По мнению Е. И. Шейгал, до тех пор, пока один из трех элементов говорящего, восприни-

мающего и коммуникативного содержания связан с политикой, он принадлежит политическому дискурсу [Шейгал, 2000]. В связи с этим мы полагаем, что в соответствии со статусом говорящего речь руководства страны можно рассматривать как особый тип политического дискурса. В силу особого статуса субъекта дискурса, значимости и функции коммуникативного субъекта, речь руководства страны занимает важное место в современной политической коммуникации. Именно поэтому его лингвистический анализ имеет

большое теоретическое и практическое значение.

Особым социальным феноменом в этом смысле являются популярные выражения. Имея непосредственную связь с конкретной социальной жизнью и общественными изменениями, популярные выражения отражают современную социально-политическую ситуацию. С точки зрения носителя, популярные выражения можно разделить на устные и письменные; в то время как последние могут быть подразделены на газетные, сетевые популярные выражения и другие типы. Начиная с 1990-х годов, новым лингвистическим феноменом стали сетевые популярные выражения. «Сетевые популярные выражения представляют собой слова и фразы, которые широко используются и распространяются для общения и непосредственно влияют на выразительные средства лексики в современном китайском языке в определенное время и регионах с применением интернета в качестве средства коммуникации» [罗倩, 2018, с. 62]. Исследование показывает, что возникновение сетевых популярных выражений является неизбежным результатом развития эпохи интернета. Сетевые популярные выражения – это не только лингвокультурный феномен, но и социальный феномен, который может своевременно и ярко отражать социальные и языковые изменения. С непрерывным развитием интернет-технологий в последние годы

влияние сетевых популярных выражений стало более значительным, и сфера их применения также стала более обширной, включая политический дискурс.

С постепенным повышением международного статуса Китая и расширением его участия в международных делах изучение выступлений китайских лидеров, несомненно, имеет большое значение. В данной статье предпринята попытка, основываясь на выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина с 2012 по 2015 год, исследовать особенности применения сетевых популярных выражений в выступлениях Си Цзиньпина и раскрыть стоящее за ними глубокое социальное и политическое значение.

Из-за сложности сетевых популярных выражений, как по форме, так и по их содержанию, в настоящее время в научном кругу отсутствует единая классификация популярных сетевых слов. Политический дискурс широко используется в сфере общественно-политической жизни, которая включает внутреннюю и внешнюю политику, экономику, дипломатию, науку и технику, спорт и др. В соответствии с характером тематики и содержания сетевых популярных выражений в настоящей статье мы предлагаем их классификацию в речи Си Цзиньпина. Она включает в себя четыре основных типа: политические, экономические, дипломатические и бытовые.

**Политические сетевые
популярные выражения**

要坚持“老虎”，“苍蝇”一起打，既坚决查处领导干部违纪违法案件，又切实解决发生在群众身边的不正之风和腐败问题。要坚持党纪国法面前没有例外，不管涉及到谁，都要一查到底，决不姑息 [习近平, 2014, с. 388] – Нужно убивать и «тигров», и «мух», решительно расследовать дела нарушения дисциплины и законов руководящими кадрами и одновременно по-настоящему решать вопросы пагубного разложения, возникающего у народа. Кто бы их ни нарушил, непременно нужно расследовать это до конца, без всякой пощады) [习近平, 2014, с. 525].

Слова «тигры» и «мухи», используемые в этом примере, имеют глубокие социальные и политические коннотации. «Нельзя ослаблять прием наказания кадров, строго управляя партией», заявил Си Цзиньпин. «Мы должны быть решительны в искоренении коррупции и проявлять к ней терпение», подчеркнул он. Десятки чиновников на уровне министров были уволены после XVIII съезда Коммунистической партии Китая (КПК), что демонстрирует беспрецедентную борьбу Китая с коррупцией. На втором пленарном заседании Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) Компартии Китая 18-го созыва Си Цзиньпин выступил с важной речью, в которой были обозначены коррупцио-

неры при помощи слов «тигры» и «мухи». Это продемонстрировало решимость и смелость Центрального комитета КПК во главе с Генеральным секретарем Си Цзиньпином по борьбе с коррупцией и наказанию коррупционеров, что помогло завоевать народную поддержку и тем самым реализовать функцию и запланированную цель политического дискурса.

开展第二批教育实践活动，要坚持主题不变、镜头不换，贯彻“照镜子、正衣冠、洗洗澡、治治病”的总要求，以严的标准、严的措施、严的纪律坚决反对四风…… – Чтобы осуществить вторую волну образовательной практики, мы должны придерживаться темы и нужного ракурса, выполнять общие требования «посмотреть в зеркало, поправить одежду, принять душ и вылечить болезни» и решительно противостоять «четырем пагубным поветриям» (формализм, бюрократизм, гедонизм и расточительство)...[感悟习总书记的“主题不变，镜头不换”].

Когда речь заходит о борьбе с коррупцией и управлении партией, г-н Си искусен в использовании различных выражений, в том числе сетевых популярных выражений, например, «Чтобы ковать железо, необходимо и самому быть крепким как сталь». В данном случае на первом итоговом заседании по проведению воспитательной практической деятельности в массах Генеральный секретарь Си Цзиньпин

выступил с важной речью, в которой были использованы такие сетевые модные слова, как «Посмотреть в зеркало, поправить одежду, принять душ и вылечить болезни», широко распространившихся среди народных масс. Благодаря этому его выступление стало более интересным, что способствовало легкому усвоению смысла речи всеми социальными слоями населения и получению их поддержки. Употребление вышеприведенных сетевых популярных выражений позволяет народу страны на глубоком интуитивном уровне почувствовать и воспринять отношение Си Цзиньпина к борьбе с коррупцией, что свидетельствует о настойчивости и решимости партии уделять пристальное внимание собственному совершенствованию. Таким образом, были реализованы функции социальной интеграции и стимулирования политического дискурса.

Экономические сетевые популярные выражения

我国发展仍处于重要战略机遇期,要增强信心,从当前我国经济发展的阶段性特征出发,适应新常态,保持战略上的平常心态。— Развитие Китая все еще находится в важном периоде стратегических возможностей. Мы должны укреплять доверие, исходя из особенностей периодичности экономического развития Китая на современном этапе, приспособливаться к **«новому нормальному состоянию»**, сохранять нормальный стратегиче-

ский настрой [第二节 保持战略定力与平常心—理论...].

Одной из важнейших характеристик сетевых популярных выражений является своевременность, обладающая яркими чертами эпохи. В данном случае термин «новое нормальное состояние» первоначально относится к экономической сфере, отражающей вступление Китая в период социальных изменений. Си Цзиньпин впервые упомянул о «новом нормальном состоянии» во время своего визита в провинцию Хэнань в мае 2014 года. 9 ноября того же года он выступил с программной речью на саммите глав государств АТЭС, полностью объяснив основные черты «нового нормального состояния» экономического развития Китая, когда темпы экономического роста изменились с высоких на средние и высокие скорости, экономическая структура постоянно модернизировалась и развитие экономики перешло от составляющих частей производства и инвестиций к инновациям. Си Цзиньпин отметил, что ключом адаптации к «новой нормальности» является интенсивность всесторонне углубляющихся реформ. Сетевое популярное выражение «новое нормальное состояние» имеет яркую китайскую специфику. Оно не только легко запоминается, но и, вероятно, будет использоваться на международном уровне. Термин «новое нормальное состояние» постепенно распространился из экономической в по-

литическую, дипломатическую и другие сферы, что было тепло воспринято как отечественными, так и международными средствами массовой информации.

有人说, 现在北京的蓝天是“АРЕС藍”, 美好而短暂, 过了这一阵就没了。我希望并相信, 经过不懈努力, “АРЕС藍”能保持下去。 – Некоторые говорят, что голубое небо в Пекине сейчас – это «**голубое небо АТЭС**», которое красиво, но недолговечно. Через некоторое время оно исчезает. Я надеюсь и верю, что при неустанных усилиях «**голубое небо АТЭС**» будет сохранено [让“АРЕС藍”永驻晴空...].

Мы никогда не будем стремиться к временному экономическому росту ценой ухудшения состояния окружающей среды, заявил Си Цзиньпин. В приведенном примере первое «голубое небо АТЭС» отражает чаяния общественности и ее взгляды на экологические проблемы, а второе «голубое небо АТЭС» выражает позицию Си Цзиньпина по этому вопросу. На торжественном банкете для приветствия почетных гостей, приняв участие в неофициальной встрече лидеров стран АТЭС, перед лицом международного сообщества председатель КНР Си Цзиньпин показал полную искренность, вовсе не скрывая проблемы смога. Он использовал сетевое популярное выражение «голубое небо АТЭС» для описания экологической проблемы, что означает значительное возрастание сознательного отношения китайского народа к охране окружающей среды,

с одной стороны, а также демонстрирует большое значение, придаваемое китайским правительством решению экологической проблемы. Данное выражение легче понять и принять международному сообществу, что позволит достигнуть необходимого эффекта воздействия политического дискурса на адресата.

Дипломатические сетевые популярные выражения

要做好一带一路总体布局, 尽早确定今后几年的时间表、路线图, 要有早期收获计划和领域。 – Нам нужно составить общий план «**Одного пояса и одного пути**», как можно раньше определить график и схему его реализации на ближайшие годы, а также подготовить план и районы сбора раннего урожая [习近平: 尽早确定“一带一路”时间表...].

Сетевые популярные выражения часто связаны с социальными событиями и могут выступать в качестве зеркала, отражающего общество. В данном случае инициатива «Один пояс и один путь» в адрес международного сообщества претерпела определенные изменения. В сентябре 2013 года Си Цзиньпин во время своего визита в Казахстан предложил построить Экономический пояс Шелкового пути. В Октябре 2013 года во время своего участия в совещании лидеров экономик-членов АТЭС Си Цзиньпин заявил, что Китай готов проводить со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии

(АСЕАН) совместное строительство «морского Шелкового пути XXI века». В «Постановлении ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», принятом на третьем пленарном заседании ЦК КПК 18-ого созыва, который состоялся с 9 по 12 ноября 2013 года в Пекине, была принята инициатива «Один пояс и один путь», официально ставшая государственной стратегией. В этом случае заявление Си Цзиньпина о плане и схеме «Один пояс и один путь» поможет завоевать поддержку других стран мира и еще больше укрепить сотрудничество между Китаем и международным сообществом.

Этот мир, где страны более взаимосвязаны и взаимозависимы, чем когда-либо прежде. Мы живем в одной и той же глобальной деревне, в одном и том же времени и пространстве, где встречаются история и реальность. Мы все больше становимся **сообществом единой судьбы**, где мы все переплетены [人类命运共同体的现实与未来...].

«Сообщество единой судьбы» – одна из важных концепций, выдвинутых председателем КНР Си Цзиньпином. Подобно концепции содействия взаимовыгодному сотрудничеству между Китаем и ми-

ром, сообщество единой судьбы постепенно стало одной из ключевых концепций китайской дипломатии, а также важной целью строительства «Одного пояса и одного пути». В своих выступлениях Си Цзиньпин неоднократно разъяснял данную концепцию, которая подчеркивает целостное мышление, соотношение сосуществования и общего процветания, а также стремление к прочному миру и общему процветанию.

Бытовые сетевые популярные выражения

你知道, 承担我这样的工作, 基本上没有自己的时间。今年春节期间, 中国有一首歌, 叫《时间都去哪儿了》。对我来说, 问题在于我个人的时间都去哪儿了? 当然是都被工作占去了。 – Знаешь, с такой работой, как у меня, не так много времени для себя. Во время Праздника весны в этом году в Китае была песня под названием «**Куда ушло время**». Для меня вопрос заключается в том, куда ушло мое личное время? Конечно, все оно было занято работой [习近平受访提春晚歌曲: 我的时间都被工作占去了...].

Одной из особенностей сетевых популярных выражений является то, что они близки к жизни. В своих выступлениях господин Си часто переворачивает мифический образ главы страны и откровенно выражает свое отношение к жизни, например, перенимая элементы

народной эстрады. В интервью средствам массовой информации в Сочи Си Цзиньпин использовал сетевое популярное выражение «Куда ушло время» для выражения своего личного представления о времени. «Куда ушло время» – это название хорошо известной песни. Поэтому данный ответ оказался и искренним, и юмористическим, что позволило людям почувствовать сердечность и помогло сократить расстояние между говорящим и понимающим, тем самым вызвав сильный резонанс и реализовав эмоциональную функцию политического дискурса.

Это就像穿衣服扣扣子一样，如果第一粒扣子扣错了，剩余的扣子都会扣错。人生的扣子从一开始就要扣好。 – Это как с застегиванием пуговиц на одежде: если первую пуговицу застегнуть неправильно, то и остальные пуговицы будут застегнуты неправильно. **Пуговицы жизни** необходимо застегнуть с самого начала [习近平: 人生的扣子从一开始就要扣好...].

Исследование показывает, что при конструировании политической идентичности необходимо придавать большое значение значимым ценностям. Си Цзиньпин подчеркивает важность ценностной ориентации молодежи. Он считает, что ценностные ориентации молодежи определяют ценностные ориентации всего общества в будущем. В данном примере Си Цзиньпин использовал простое сетевое выра-

жение «Кнопка жизни» и его метафорическое значение, напомнив молодым людям о важном периоде формирования ценностей. Данное выражение характеризуется яркостью и образностью, что легко понять и принять молодым людям. Вместе с этим, оно также подчеркивает искренние ожидания председателя Си Цзиньпина в отношении молодого поколения, тем самым реализуя эмоциональную функцию политического дискурса и вдохновляя их на формирование правильных ценностей.

为了做好这些工作，我们的各级干部也是蛮拼的。当然，没有人民支持，这些工作是难以做好的，我要为我们伟大的人民点赞。 – Для того, чтобы хорошо выполнить эти работы, наши кадры на всех уровнях тоже **«работали очень усердно»**. Конечно, без поддержки народа эти работы и не были бы хорошо выполнены. Я хочу **«поставить лайк»** нашему великому народу [“时代文明”需要“蛮拼的”...].

В этом примере Си Цзиньпин использовал сетевое популярное выражение, такие как «работать очень усердно» и «поставить лайк» в своем поздравлении с китайским 2015 Новым годом. Эти сетевые популярные выражения соответствуют языковому стилю массового народа, что способствует сокращению расстояния с аудиторией и более легкому восприятию широкой публикой. Таким образом, данное выражение поможет достичь резонанса с адресатом и реализовать

функцию стимулирования политического дискурса. Об этом свидетельствуют то, что пограничники, китайцы за рубежом, представители этнических меньшинств, все слои общества дали свои новогодние обещания, что в новом году будут продолжать «работать очень усердно».

每个人都有理想和追求，都有自己的梦想。现在，大家都在讨论中国梦，我以为，实现中华民族伟大复兴，就是中华民族近代以来最伟大的梦想。[【摘编】习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述] – У каждого человека свои идеалы и устремления, у каждого и своя мечта о будущем. Сейчас, когда все вокруг говорят о китайской мечте, мне думается, что для китайского народа его величайшей мечтой с Нового времени является осуществление великого возрождения китайской нации [习近平, 2014, с. 390].

Сетевое популярное выражение «Китайская мечта» когда-то было предметом дискуссии во всем Китае. В ноябре 2012 года при посещении выставки «Путь к возрождению» Си Цзиньпин дал комплексную интерпретацию понятия «Китайская мечта». В данном случае Си Цзиньпин изложил свое понимание и взгляды на китайскую мечту. Он замечательно объединил личную мечту с мечтой китайской нации, полагая, что эта мечта отражает совокупные интересы всей китайской нации и всего китайско-

го народа. Таким образом, каждый адресат смог глубоко почувствовать, что судьба каждого человека неразрывно связана с судьбой всей страны и нации. Благодаря применению сетевого популярного выражения «Китайская мечта» была сформирована эмоциональная связь между адресантом и адресатом, что способствовало одобрению со стороны адресата. Таким образом, была реализована функция социальной интеграции политического дискурса, то есть побуждение широких народных масс к борьбе за великое возрождение китайской нации.

Можно видеть, что председатель Си Цзиньпин достаточно хорошо умеет использовать бытовые сетевые популярные выражения для формулировки своих мыслей. Адресатами вышеупомянутых сетевых популярных выражений служат как студенты, так и журналисты. Использование этих сетевых популярных выражений показывает одну из наиболее отличительных лингвистических особенностей речей председателя Си Цзиньпина – склонность к разговорной образности. Вместе с этим, в отличие от некоторых шаблонных фраз в политическом дискурсе, эти сетевые выражения близки к жизни и легко воспринимаются и принимаются огромным количеством адресатов. Поэтому они всегда оказывают положительное воздействие на адресата и способствуют более эффективной реализации функции поли-

тического дискурса и достижению запланированной цели речи.

Заключение

Таким образом, рассмотрев в данной статье особенности использования сетевых популярных выражений в речи председателя КНР Си Цзиньпина, можно сделать следующие выводы: 1) Си Цзиньпин хорошо умеет использовать все типы сетевых популярных выражений в своих выступлениях по разным поводам. 2) По характеру их тематики и содержания сетевые популярные выражения в речи Си Цзиньпина делятся на четыре основных типа, а именно: политические, экономические, дипломатиче-

ские и бытовые. 3) Вышеупомянутые сетевые популярные выражения имеют широкую аудиторию, включая как отечественную, так и международную. 4) Эти сетевые популярные выражения близки к жизни и легко понимаются и принимаются большинством адресатов. 5) Сетевые популярные выражения, используемые Си Цзиньпином в своей речи, содержат богатую общественно-политическую информацию, и их конечная цель заключается в завоевании поддержки адресатов и реализации соответствующих функций политического дискурса.

Библиографический список

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
2. 罗倩著. 模因论视阈下的应用翻译研究与实践[M]. 汕头 : 汕头大学出版社. 2018: 62.
3. 习近平著. 习近平谈治国理政 第1卷[M]. 北京 : 外文出版社. 2014.
4. 习近平著. 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政 俄文[M].北京 : 外文出版社.2014.
5. 《感悟习总书记的“主题不变、镜头不换”》, 群众路线网. URL: <http://qzlx.people.com.cn/n/2014/0122/c364918-24197408.html> (дата обращения: 20.11.2020).
6. 《第二节 保持战略定力与平常心--理论-人民网》, 人民网. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0129/c392798-26472996.html> (дата обращения: 20.11.2020).
7. 《让“АЕСС蓝”永驻晴空》·中国文明网. URL: http://www.wenming.cn/wmpl_pd/yczl/201411/t20141115_2292216.shtml (дата обращения: 20.11.2020).
8. 《习近平 : 尽早确定“一带一路”时间表》·人民网. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/1107/c70731-25990006.html> (дата обращения: 20.11.2020).

9. 《人类命运共同体的现实与未来》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0611/c40531-30048863.html> (дата обращения: 20.11.2020).
10. 《习近平受访提春晚歌曲：我的时间都被工作占去了》，凤凰网。 URL: https://ent.ifeng.com/idolnews/mainland/detail_2014_02/10/33647141_0.shtml (дата обращения: 20.11.2020).
11. 《习近平：人生的扣子从一开始就要扣好》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0608/c40531-29327157.html> (дата обращения: 20.11.2020).
12. 《“时代文明”需要“蛮拼的”》，中国文明网， http://www.wenming.cn/wmpl_pd/yczl/201501/t20150102_2380298.shtml (дата обращения: 20.11.2020).
13. 《【摘编】习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1205/c40555-23756883.html> (дата обращения: 20.11.2020).

Reference list

1. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Volgograd : Peremena, 2000. 368 s.
2. 罗倩著. 模因论视阈下的应用翻译研究与实践[M]. 汕头：汕头大学出版社. 2018: 62.
3. 习近平著. 习近平谈治国理政 第1卷[M]. 北京：外文出版社. 2014.
4. 习近平著. 俄文翻译组译. 习近平谈治国理政 俄文[M].北京：外文出版社.2014.
5. 《感悟习总书记的“主题不变、镜头不换”》，群众路线网。 URL: <http://qzlx.people.com.cn/n/2014/0122/c364918-24197408.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).
6. 《第二节 保持战略定力与平常心--理论-人民网》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0129/c392798-26472996.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).
7. 《让“APEC蓝”永驻晴空》，中国文明网。 URL: http://www.wenming.cn/wmpl_pd/yczl/201411/t20141115_2292216.shtml (data obrashhenija: 20.11.2020).
8. 《习近平：尽早确定“一带一路”时间表》，人民网。 URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/1107/c70731-25990006.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).
9. 《人类命运共同体的现实与未来》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0611/c40531-30048863.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).
10. 《习近平受访提春晚歌曲：我的时间都被工作占去了》，凤凰网。 URL: https://ent.ifeng.com/idolnews/mainland/detail_2014_02/10/33647141_0.shtml (data obrashhenija: 20.11.2020).

11. 《习近平：人生的扣子从一开始就要扣好》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0608/c40531-29327157.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).
12. 《“时代文明”需要“蛮拼的”》，中国文明网， http://www.wenming.cn/wmpl_pd/yczl/201501/t20150102_2380298.shtml (data obrashhenija: 20.11.2020).
13. 《【摘编】习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述》，人民网。 URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1205/c40555-23756883.html> (data obrashhenija: 20.11.2020).

УДК 332.021

Чжао Жун

<https://orcid.org/0000-0002-8993-8219>

Сюй Фэнцай

<https://orcid.org/0000-0002-1648-1991>

Преимущества китайской модели: опыт Китая в борьбе с коронавирусом в русской прессе

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства Образования КНР в рамках научного проекта «Оценка исследования социализма с китайской спецификой в российском научном сообществе» (№ 18YJC710101) и в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Чжао Жун, Сюй Фэнцай. Преимущества китайской модели: опыт Китая в борьбе с коронавирусом в русской прессе // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 17–32. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-17-32

Коронавирусная эпидемия подвергает государственную систему и способность управления разных стран современного мира огромному испытанию. В то время как западные страны по-прежнему страдают от эпидемии, Китай не только эффективно контролирует ее распространение в короткие сроки, но и обеспечивает экономический рост. Разница между успехами Китая и бессилием Запада в борьбе с эпидемией привлекла внимание российских СМИ к китайской модели. Они считают, что по сравнению с западными странами, представленными США, китайские власти после вспышки эпидемии продемонстрировали быструю реакцию и высокую организованность, всегда ставили жизнь народа на первое место, и как следствие обеспечили себе народное доверие. В результате сочетания действий Компартии, дисциплинированности населения и доверия между народом и властью Китай эффективно мобилизовал все общественные силы на борьбу против коронавируса. Как для своих граждан, так и для остальных стран мира Китай в полной мере продемонстрировал гуманистическую стратегию. Всё это наглядно показало огромные преимущества китайской модели, то есть социализма с китайской спецификой. Несомненно, российские СМИ дают более объективную оценку мер и результатов Китая в борьбе с эпидемией, чем западные СМИ, что, по мнению авторов статьи, тесно связано с русской особой геополитической особенностью «Востока + Запада» и особым историческим процессом развития «социализма + капитализма» в России. В заключение авторы выражают уверенность, что России удастся найти свою подходящую для русского народа модель развития в сравнении между китайской и западной моделью.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирусная эпидемия, борьба с эпидемией, модель строя, китайская модель, опыт Китая, социальная мобилизация, русская пресса, российские СМИ.

© Чжао Жун, Сюй Фэнцай, 2021

Zhao Rong, Xu Fengcai

The advantages of the Chinese model: China's experience in fighting the coronavirus in the Russian press

The coronavirus epidemic is putting the state system and governments of different countries around the world on trial. While Western countries are still suffering from the epidemic, China is not only keeping its spread effectively under control, but also ensuring current economic growth. The difference between China's success and the West's helplessness in fighting the epidemic has drawn the attention of the Russian media to the Chinese model. They believe that, compared to Western countries, namely the United States, the Chinese authorities were quick to react and highly organised after the outbreak, always putting people's lives above everything else and, as a result, securing the people's trust. As a result of joint actions of the Communist Party, public discipline and people's trust towards the authorities, China has effectively mobilised all social forces in the fight against the coronavirus. China has clearly demonstrated its humanistic strategy both to its own citizens and to the rest of the world. All this clearly showed the great advantages of the Chinese model, i.e. of the specific Chinese socialism. Undoubtedly, the Russian media give a more objective assessment of China's measures and results in fighting the epidemic than the Western media. According to the authors of the article, this is closely linked to the Russian «East + West» special geopolitical situation and the special historical process of «socialism + capitalism» development in Russia. In conclusion, the authors are confident that Russia will be able to find a model of development suitable for the Russian people, comparing the Chinese model with the Western one.

Key words: COVID-19, coronavirus epidemic, the fight against the epidemic, the model system, the Chinese model, Chinese experience, social mobilization, Russian media.

Неожиданно распространившаяся пандемия COVID-19 стала жестоким вызовом и суровым испытанием для каждой страны в современном мире. Перед одними и теми же испытаниями разные страны демонстрируют различные проявления и результаты в процессе борьбы с коронавирусом, что показывает преимущества разных политико-экономических моделей, способности управления разных государств и менталитет населения разных стран.

Китай, как известно, является страной с самой большой численностью населения в мире. Учитывая, что такие китайские демографические особенности, как большое количество населения, сверхвысокая плотность и высокая степень мо-

бильности населения только ускоряют распространение вируса, в Китае определенно должно быть больше трудностей в борьбе с эпидемией. Однако Китай смог практически лишь за неполных три месяца эффективно справиться с эпидемией. Несмотря на то, что вторая волна эпидемии в начале 2021 г. принесла незначительные проблемы, несомненно, КНР уже одержала поэтапную победу в борьбе с эпидемией. В то время как коронавирус ещё терроризирует весь мир, жизнь китайцев уже вернулась в нормальное русло, даже вновь начался экономический рост; во всём мире Китай стал первой страной, достигнувшей положительного роста в экономике с момента эпидемии. Достигнутые

Китаем двойные успехи: и подавление распространения коронавируса, и возвращение экономического роста, в очередной раз были названы российскими СМИ «Китайским чудом» [Самоделова, 2020].

Почему Китай сумел сотворить такое чудо? Этот вопрос привлекает большое внимание со стороны таких российских СМИ, как «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Столетие» и др. Несмотря на различие аспектов наблюдения и направления внимания различных средств массовой информации и сделанные ими неоднозначные выводы, в целом, сравнивая отношение и меры, предпринятые Китаем и западными странами в лице США в борьбе с эпидемией, русские СМИ почти единодушны в том, что китайская система управления и модель политического строя имеют особое уникальное преимущество.

Итак, в каких случаях проявились преимущества китайской модели в борьбе против коронавируса в глазах русской прессы? В целом эти преимущества включают в себя следующие аспекты.

Во-первых, это различная реакция на эпидемию. «Сравнивая реакцию властей США и КНР на эпидемию, в Китае отмечают, что власти КНР центрального и местного уровней подчинили свои действия защите населения от вреда вируса даже в ущерб экономическим интересам, а в США политики больше заботятся о том, могут ли они быть переиз-

браны или нет, и всегда ставят свои личные интересы выше здоровья, и даже жизни американцев. Поэтому в либеральной политической модели США задабривание избирателей оказывается для политиков важнее ликвидации конкретной угрозы их стране» [Пироженко, 2021]. Действительно, ещё в начале эпидемии председатель КНР Си Цзиньпин четко выдвинул требование о том, что партийные комитеты и правительства всех уровней должны «поставить на первое место безопасность жизни и физическое здоровье народных масс» [把人民..., 2020].

Принцип «жизнь народа превыше всего» позволил Китаю принять более строгие меры, чтобы сдержать распространение эпидемии. В Китае наладили уникальную систему мониторинга и жесткой изоляции не только в масштабах домов и кварталов, но и городов и провинций. Эти жесткие меры в самом деле получили очевидный успех. Совместная комиссия, включающая в себя 25 национальных и международных экспертов, полагает, что «в истории человечества не было столь эффективно проведенной операции по временной массовой изоляции территорий городов и районов с общей численностью в несколько сот миллионов человек. Вполне вероятно, что в противном случае число заболевших и умерших не только в Китае, но и по всему миру было бы на порядки большим» [Ларина, 2020]. Усилия Китая в борьбе с коронавирусом даже заслужили высокую

оценку генерального директора Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедроса Аданом Гебрейесуса. По сообщению ИТАР-ТАСС, Тедрос Аданом Гебрейесус утверждает, что опыт Китая говорит о том, что распространение болезни можно остановить, следовательно, он призвал все государства, как и Китай, действовать быстро, масштабно и с осознанной решительностью [Глава ВОЗ, 2020]. Но интересно, что на Западе ещё в январе 2020 года страшно ругали Китай за применение «средневековых методов карантина в XXI веке», а вскоре после этого в ЕС чиновники срочно прекратили перемещение людей между крупными городами, блокировали аэропорты и границы, запирая свои государства за замок [Зотов, 2020].

В скорости реакции на эпидемию между Китаем и США также наблюдается огромная разница. В США Дональд Трамп, оказавшийся под давлением президентской гонки, в то время оказался перед дилеммой: продолжение распространения вируса грозит потерей доверия к нему избирателей, но и крайние меры для взятия эпидемии под контроль также могут ослабить поддержку президента из-за их ущерба для экономики. «Данное обстоятельство объясняет медленную и непоследовательную реакцию американских властей на эпидемию» [Пироженко, 2021]. А в Китае, как утверждают российские учёные М. С. Кованова, Ю. В. Елохина,

представители научной сферы связывают современное «китайское чудо» с быстротой реакции, с которой правительство Поднебесной взяло под контроль ситуацию. Они ссылаются на слова советника главы ВОЗ, доктора Брюса Эйлворда: «В Китае мы обнаружили, что все дело в скорости. Респираторное заболевание, по крайней мере такое, можно взять под контроль, если очень-очень быстро выявить зараженных, изолировать их, выявить их контакты и тоже изолировать, – рассказал он ВВС. – Население должно понять, с чем мы имеем дело. Они должны осознать серьезность ситуации и сотрудничать с властями в выполнении этих мер» [Кованова, 2020, с. 51].

Во-вторых, важным аспектом различия китайской и западной стратегий борьбы с коронавирусом является комплекс гуманитарных мероприятий. При сравнении с западными странами китайские власти в ходе борьбы с эпидемией реализовали более эффективные гуманитарные меры и программы помощи как своим гражданам, так и другим странам мира. Внутри государства Китай как одна из развивающихся стран осуществляет бесплатное лечение для всех пациентов, зараженных коронавирусом. По данным русской газеты «Аргументы и Факты», Китай не пожалел денег на качественное медицинское обслуживание пациентов. Медицина в КНР платная (и недешёвая), но больных госпитализировали без де-

нег. А главное – всем желающим делали тесты на коронавирус бесплатно, хотя анализ обходится в 370 юаней (примерно 4 000 рублей). Китай выделил гигантскую сумму – 15 миллиардов долларов [Зотов, 2020]. Однако в самой развитой в мире Америке этого не произошло.

Кроме этого, в условиях нехватки медицинских ресурсов, таких, например, как аппараты ИВЛ и др., критерии отбора приоритетных получателей помощи в полной мере свидетельствуют о гуманистическом характере китайской модели. Например, в ЕС и США в ситуации выбора между двумя тяжелобольными спасают более молодого как имеющего большие шансы на выживание, а старикам оказывается помощь по остаточному принципу. В Великобритании по отношению к гражданам своей страны безответственно выдвинули принцип «коллективного иммунитета нации», и даже равнодушно-жестко призывали семьи готовиться к «потере своих близких». Но в КНР, наоборот, власти и медики исходили из максималистской установки – не считаясь с затратами, остановить эпидемию и спасти всех тяжелобольных любой ценой. Хотя в первое время, пока не хватало аппаратов ИВЛ, критерий выбора был иной, чем в ЕС – спасти самого немощного, то есть стариков, чей организм, скорее всего, не может сам сопротивляться болезни, а значит, и шансы выжить меньше, чем у более молодых. «Сравнение действий властей КНР и

стран Запада в условиях эпидемии в очередной раз опровергли расхожий тезис либеральной пропаганды о ценности отдельного человека и человеческой жизни, как исключительном свойстве либеральной модели устройства общества» [Пироженко, 2021].

Не только к своим гражданам, но и по отношению к другим пострадавшим странам, действия Китая по оказанию гуманитарной помощи также хорошо известны всему миру. Это освещалось в различных российских средствах массовой информации. Как сообщило агентство ТАСС в интервью послу КНР в России Чжан Ханьхуэю, вплоть до 17 апреля 2020 г. Китай оказал помощь в борьбе с коронавирусом 120 странам и четырем международным организациям, предоставив им медицинские маски, защитную одежду и аппараты ИВЛ [Посол в РФ, 2020]. В «Столетии» тоже говорится, «что более того, нелиберальная модель оказалась более гуманной по отношению к другим пострадавшим странам. Именно КНР, Россия и ряд других («авторитарных» на либеральном жаргоне) стран поспешили на помощь наиболее пострадавшим, среди которых сейчас на слуху Иран, Италия, Сербия, Пакистан. Да и те же США» [Пироженко, 2021]. Но в то же время США, закрыв границы от ЕС и оказывая им минимальную помощь, показала свою неготовность к новому мировому устройству [Кованова, 2020, с. 51–53]. Точно так же, на этом фоне так

называемое «единство ЕС» является лишь мифом. Как президент Сербии Вучич, получив помощь от Китая, искренне сказал: «Европейское единство это лишь сказка, написанная на бумаге. В это время нам помогает только Китай» [唯一能帮助..., 2020].

Здесь необходимо отметить, что Китай помогает другим странам, отнюдь не как утверждали некоторые СМИ, чтобы «бороться за политическое влияние в мире», чтобы «быстро приспособиться к меняющимся условиям и добиваться преимуществ, используя ошибки Соединенных Штатов и позиционируя себя как мирового лидера в борьбе с пандемией» [Лебедев, 2020]. На самом деле международная гуманитарная помощь Китая, с одной стороны, осуществляется в знак благодарности, в соответствии с китайской поговоркой: «Если ты мне даешь персик или сливу, в ответ я дам тебе чудесный напиток» («投之以桃李，报之以琼瑶»选自：《诗经·卫风·木瓜》）。 Китайский народ – народ, понимающий благодарность. В начале эпидемии Китай получил помощь от других стран мира, и поэтому в ответ, одержав поэтапную победу, Китай оказывал помощь другим странам. С другой стороны, Китай выполняет своё обещание о «Создании сообщества человеческих судеб». Китай всё время подчеркивает, что пандемия не имеет границ. Перед лицом пандемии все страны должны объединяться, и только совместными уси-

лиями могут добиться всеобъемлющей победы. С этой целью Китай не только оказывал другим странам медицинскую материальную помощь, но и вовремя опубликовал информацию о природе, распространении и методах лечения коронавируса, поделился расшифровкой генома, помогал нуждающимся странам выстраивать тактику борьбы с эпидемией и пожертвовал ВОЗ \$20 млн на поддержку международного сотрудничества в борьбе с COVID-19. Эти подходы Китая получили высокую оценку и одобрение множества русских СМИ и экспертов. Например, заместитель директора Санкт-Петербургского НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Пастера, доктор биологических наук Александр Семенов, неоднократно приезжавший в Китай во время эпидемии как член российской делегации и международной миссии, организованной ВОЗ, в интервью «Российской газеты» рассказал, как китайские власти и специалисты сотрудничают с другими государствами и международными организациями в борьбе против COVID-19 и выразил одобрение: «Это очень правильный, очень благородный и разумный шаг» [Невинная, 2020]. В газете «Комсомольская Правда» тоже рассматривают способность Китая «не бояться взаимодействовать с миром» как «один из семи секретов, которые помогли победить эпидемию коронавируса в Китае» [Чесноков, 2020].

В-третьих, важной характеристикой китайской стратегии борьбы с коронавирусом – сильная и эффективная социальная мобилизация.

После вспышки эпидемии в Китае в кратчайшие сроки быстро мобилизовали человеческие, материальные, финансовые, технические и информационные ресурсы во всех сферах общества в целях оказания поддержки городу Ухань. Благодаря совместным действиям центра и различных регионов, совместным усилиям тысяч медицинских работников и даже всего населения страны, в Ухане в течение более 10 дней были построены временные инфекционные госпитали на 2600 койко-мест, множество выставочных и спортивных центров перестроены в лечебные заведения для пациентов с легкими симптомами, в Хубэй со всей страны было командировано более 40 тысяч человек медперсонала, множество заводов было преобразовано в фабрики по производству медицинских масок, что в конечном итоге максимально остановило распространение эпидемии. Эта интенсивность мобилизации, сосредоточение всех сил на самом важном деле – вот заметное преимущество китайской модели.

Об этом преимуществе подробно говорилось в российской газете «Завтра». 25 марта 2020 г. в «Завтра» была опубликована статья под названием «Китайская мобилизация на пути пандемии». В статье говорится: «Важнейшим достижением в борьбе с эпидемией стало установ-

ление непрерывной коммуникации китайского руководства с населением, а также мобилизация на борьбу с коронавирусом не только профильных структур, но и частного сектора, армии и т. п., вносящими свой вклад в диагностику, терапию, разработку и производство лекарств и медицинской техники» и считается «...Но всё могло быть ещё более страшным и трагичным, если бы Китай, принявший первый удар этого зла, не осуществил беспрецедентный в человеческой истории мобилизационный проект по сдерживанию пандемии» [Ларина, 2020]. В другой статье «Борьба с коронавирусом: китайская мобилизация и российская «оптимизация»», опубликованной в «Накануне», кандидат философских наук Андрей Коряковцев рассуждает, то, что Китай с коронавирусом справляется блестяще, а ЕС и США – нет, это преимущество общества, воспитанного в условиях «мобилизационной экономики», и недостатки социальной системы, «оптимизированной» (в том числе и идейно и психологически) неолиберализмом. Депутат Госдумы Алексей Куринный в данной статье даже считает, что России сейчас угрожает не столько пресловутая оптимизация медицины, сколько отсутствие такой системной работы, как в КНР, в частности возможности быстро мобилизовать систему для тотального контроля [Мартынов, 2020].

Почему же Китай обладает такой мощной способностью социальной

мобилизации? На этот вопрос российские СМИ дают разные ответы, называя разные социальные факторы.

1) Роль Компартии. В вышеназванной статье в «Накануне» сказано: почему же Пекину удалось справиться? Всё ли дело только в героизме врачей и строителей, оперативно возводивших больницы? Нет, весьма велика оказалась роль партии. В статье цитируются слова Си Цзиньпина: «Коммунистическая партия Китая, в которой насчитывается 90 млн членов партии, действительно является основой единства и лидером широких народных масс. В великолепной борьбе по предотвращению эпидемии и борьбе с ней она продемонстрировала обязанность и ответственность большой партии». И напротив, несогласованность действий бюрократии легко заметить и в Европе, и в США, где никаких коммунистов нет и близко [Мартынов, 2020]. В статье «Семь секретов, которые помогли победить эпидемию коронавируса в Китае» тоже утверждается, что в Китае есть не только правительство, но и Компартия, которая является по сути главной скрепой общества. Так вот, на пике эпидемии партийцы не затаились по углам, а, наоборот, включились в борьбу. Огромные полномочия получили райкомы КПК, они стали своего рода центрами антикризисного управления и позволили Пекину не «потерять» страну [Чесноков, 2020]. Кроме того, некоторые российские СМИ ссылаются на то, что атипичная

пневмония 2002-2003 года, землетрясения в провинции Сычуань в 2008 года, а также сезонный грипп и др. дали КПК богатый опыт мобилизации общества и реагирования на эти угрозы. Например, по сообщению одного из СМИ, опыт широко применяемого на государственном уровне механизма «взаимной помощи» (对口帮扶) позволил в кратчайшие сроки наладить каналы помощи городам провинции Хубэй. В соответствии с этим механизмом при координации Компартии и китайского правительства после начала эпидемии COVID-19 почти все города в Хубэе сразу же получили помощь со стороны других провинций Китая. А эта схема «взаимопомощи» применялась в Китае после землетрясения в провинции Сычуань в 2008 г., что позволило справиться с последствиями катастрофы в трехлетний срок [Кулинцев, 2020].

2) Дисциплинированность населения. Каким образом Китай победил коронавирус? По мнению «Аргументов и Фактов», китайцы – очень дисциплинированный народ. Им дали распоряжение от властей сидеть дома на карантине – они и сидят. Никаких попыток правдами и неправдами покинуть провинцию Хубэй зафиксировано не было, да они бы и не удались: перекрыли все дороги, закрыли аэропорты, отменили поезда [Зотов, 2020]. В другом СМИ тоже опубликовали статью под названием «Привычка к послушанию и тотальная слежка: что говорят эксперты о китайском опыте

борьбы с коронавирусом», в которой утверждается, что китайцы в подавляющем большинстве привыкли исполнять указания властей и сидели дома, когда им это велели [Привычка к ..., 2020]. Китайское население так дисциплинировано, по словам некоторых западных стран, потому что власти приняли draconianские меры по контролю распространения коронавируса. Но по мнению автора статьи «Почему Китай победил коронавирус, а мы – нет», «соблюдение ограничений обеспечивали не камеры или дроны, а волонтеры и соседи. Многим не нравилось чрезвычайное положение, но все подчинялись, и не из-за страха перед властями, а из-за веры в то, что государство знает, что делает» [Стефанички, 2020]. С этой точки зрения очевидно, что дисциплинированность китайского населения обусловлена не насильственной силой государственных властей, а полным доверием к партии и правительству.

3) Доверие между народом и властью как основа мобилизации. В статье «Семь секретов, которые помогли победить эпидемию коронавируса в Китае» было сказано: «В январе-феврале, когда распространение вируса, казалось, стало неуправляемым, социальная обстановка грозила взорваться. Но потом люди увидели: чиновники (врачи, военные, инженеры) обещают – и действительно делают, называют конкретные сроки (строительства больницы или спада эпидемии) – и

сроки соблюдаются. Всё это заставляет людей верить, что меры государства, пусть и такие жёсткие, как тотальный карантин, – действительно оправданы и им нужно следовать. Хорошим подспорьем оказалась и соцподдержка, например, повышение зарплаты медработникам» [Чесноков, 2020]. Из этого нетрудно заметить, что Китай обладает такой мощной силой социальной мобилизации именно потому, что между властью и народом существует полное и совершенное доверие: в определенном смысле можно сказать, что «история КПК – это история социальной мобилизации» [贺治方, 2019, с. 83]. Китайское руководство всё время твердо убеждено в том, что народ является корнем основания, базой управления и источником силы Компартии. Поэтому китайская власть всегда заявляла, что борьба с эпидемией – это народная война. В то же время обязанности и ответственность, бескорытность и самоотверженность, проявленные партией и правительством в ходе борьбы с эпидемией, более убедили народ в том, что КПК – это партия, которая всем сердцем служит народу. Поэтому народ сознательно подчиняется его приказам. Известно, что в октябре 2020 г. в городе Циндао 13 человек заболели коронавирусом. После этого инцидента в целях максимального контроля за дальнейшим распространением вируса в Китае за считанные дни было проведено поголовное тестирование на нуклеиновую кислоту для 11 млн.

граждан по всему городу. По мнению газеты «Комсомольская Правда», такие меры Китая в странах Запада с трудом можно себе представить. Невозможно, например, в США взять и протестировать город или штат с 11-миллионным населением. Это вызовет массовое недовольство, беспорядки и протесты части населения. А в Китае это работает в силу особенностей политического устройства и дисциплинированности населения, которое беспрекословно подчиняется распоряжениям властей и хорошо помнит предыдущие пандемии опасных респираторных вирусов [Коробатов, 2020].

Обобщая вышеуказанное, перед угрозой коронавирусной пандемии китайские власти продемонстрировали быструю реакцию и высокую организованность, как пишет Виктор Пироженко в статье «Китайский опыт: о преимуществах нелиберальной модели» в интернет-газете «Столетие», они «позволили в короткий срок мобилизовать практически всё население КНР для участия в борьбе с эпидемией, использовать вертикаль государственного управления для чёткого исполнения решений центральной и местной власти, быстро разработать точные противоэпидемические меры, направить массовую инициативу «снизу» на те участки борьбы с эпидемией, где она дала наилучший результат» [Пироженко, 2021]. Именно в этом заключается преимущество китайской модели. Срав-

нив результативность мер борьбы с эпидемией в Китае и как называемом «либеральном» Западе, можно сделать вывод о том, что успешный опыт Китая в борьбе с коронавирусной эпидемией убедительно показывает, что «либеральный» Запад сегодня справляется с пандемией намного хуже, чем «авторитарный» Китай. Именно чрезвычайная ситуация с пандемией наглядно показала преимущества нелиберальной (в данном случае, китайской) модели. Она же разрушила некоторые западные мифы о Китае. Слагаемые успешного китайского опыта преодоления эпидемии определяются преимуществами китайского варианта нелиберальной модели («социализм с китайскими характеристиками») Действительно, преимущества китайской модели не только разрушили западные мифы о Китае, но и опровергли абсурдный миф об «огромных миграционных потоках китайцев» в РФ, даже вызвали беспокойство российской прессы о том, что «эпидемия вызвала патристический подъём китайцев и явное нежелание какой-либо миграции в Россию» [Пироженко, 2021].

В чём же заключается китайская модель, обладающая такими преимуществами? Она не является ни «авторитаризмом», ни «по-китайски государственным капитализмом» ни «социо-демократизмом» или «конфуцианским социализмом», а именно «социализмом с китайской спецификой»! Китай уже бесчисленными практиками в развитии исто-

рии доказал, что только социализм с китайскими характеристиками, руководимый Коммунистической партией, является наиболее подходящей моделью для китайского народа. Только эта модель может максимально завоевать доверие китайского народа, мобилизовать силы всего общества, вместе преодолеть разные кризисы и трудности. Именно поэтому председатель КНР Си Цзиньпин уточнил: «Наша партия всегда подчеркивала, что социализм с китайской спецификой, как придерживаясь основных принципов научного социализма, так и придавая ему ярко выраженную китайскую специфику в соответствии с условиями времени. То есть социализм с китайской спецификой – это социализм, а не какая-то другая доктрина» [十八大以来..., с. 109].

Конечно, помимо преимуществ модели политического строя, в Китае очевидны серьезные научные разработки и применение новых технологий в процессе борьбы с коронавирусом, например, «Код здоровья» разных цветов в программе мобильного телефона, в общественных местах автоматическая система измерения температуры тела с помощью распознавания лиц и исследования и разработки вакцин коронавируса, необходимость здорового образа жизни, пропагандируемое в общественном сознании китайцев, а также определённые рецепты из китайской традиционной медицины, обладающие антибактериальными свойствами и противовирусной ак-

тивностью, особенно против COVID-19 и др. сыграли важную роль в борьбе с эпидемиями. Все эти факторы тоже привлекли внимание некоторых российских СМИ.

Необходимо отметить, что, в отличие от сообщений некоторых западных СМИ об эпидемии в Китае, таких, как «Китайский вирус», «Больной из Восточной Азии» и т. д., которые игнорируют факты, намеренно критикуют, очерняют и даже дискредитируют Китай, большинство российских СМИ, основываясь на собственных наблюдениях и научных суждениях, на принципе объективности и беспристрастности, могут более объективно и правдиво освещать эпидемию Китая и сформировать реальный и настоящий образ Китая по борьбе с эпидемией в международном поле общественного мнения. В процессе освещения они обычно придерживаются реалистичного журналистского профессионализма и интернационалистического подхода, действительно рассматривают эту эпидемию как кризис в области здравоохранения, с которым необходимо бороться всему человечеству, предлагают относительно справедливый анализ и оценку различных мер и достигнутых результатов стран Востока и Запада.

Российские СМИ уделяют большое внимание проблеме «Востока и Запада» в специфике российской государственной системы. С одной стороны, «Восток + Запад» – это особое географическое положение

России. Восток или Запад? Всем известно, этот вопрос уже стал «загадкой Сфинкса» всего процесса развития российской истории. По мнению русского известного мыслителя, философа Н. А. Бердяева, «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [Бердяев, с. 30]. И именно в постоянном передвижении и борьбе между двумя началами Востока и Запада в России сформировалась особая уникальная геополитическая особенность – «соединение цивилизаций Востока и Запада». Данная особенность в какой-то степени, придала России право быть «судьей цивилизаций Востока и Запада». В связи с этим перед такими глобальными проблемами, как коронавирусная эпидемия, этот «судья» может вынести относительно беспристрастное суждение.

С другой стороны, исторический процесс развития «социализма + капитализма» в России имеет особый характер. Как известно, СССР был первым социалистическим государством в мире. После распада СССР либерально-капиталистические реформы в России также серьезно пострадали. Со-

циализм или капитализм? На сегодняшний день это важная проблема для кризисной России. Противопоставление преимуществ и недостатков двух систем в борьбе с эпидемией, и, следовательно, поиск модели развития, более подходящей для России, также является основной задачей российских СМИ.

Следует указать, что России следует воспринять многое из китайского положительного опыта в борьбе против коронавируса. Однако попытки воспроизвести в России преимущества китайской модели, в свою очередь, довольно затруднительны, несмотря на то что, по мнению российских учёных, между Китаем и Россией существует ряд сходств, как например, циклы исторического развития, опыт социалистического строительства и основные идеи культурных традиций [赵荣, 2019. с. 124–125]. Поэтому самый существенный опыт китайской модели заключается в том, что он не имитирует модель любой другой страны, а развивается исходя из собственных условий. Поэтому хотелось бы надеяться, что Россия тоже, исходя из собственных условий и особенностей, должна как можно скорее найти подходящую модель развития для российского народа.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008.
2. Глава ВОЗ: опыт Китая свидетельствует о том, что коронавирус можно остановить // ТАСС.сайт. 06 Март. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7910901> (Дата обращения: 06.11.2020).
3. Зотов Г. Мертвая зона, халява, диктатура. Каким образом Китай победил коронавирус? // Аргументы и Факты. сайт. 17 Март. 2020. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/mertvaya_zona_halyava_diktatura_kakim_obrazom_kitay_pobedil_koronavirus (дата обращения: 15.10.2020).
4. Кованова М. С., Елохина Ю. В. Влияние пандемии Covid-19 на внешнюю политику Китая и результаты борьбы с эпидемией // Молодой учёный. 2020. № 39 (329). С. 51–53.
5. Коробатов Я. Почему коронавирус терроризирует весь мир, а Китай, где он появился, живет спокойно // Комсомольская Правда, сайт. 04 дек. 2020. URL: <https://pda.kp.ru/daily/21712095/4332910/> (дата обращения: 21.01.2021).
6. Кулинцев Ю. Опыт Китая в борьбе с эпидемией COVID-19: хронология событий и предпринимаемые меры // сайт: 02. Апрель. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiey-covid-19-khronologiya-sobytyi-i-predprinimaemye-mery/> (Дата обращения: 21.12.2020).
7. Ларина Е., Овчинский В. Китайская мобилизация на пути пандемии // Завтра, сайт. 25 мар 2020. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mobilizatsiya_na_puti_pandemii (Дата обращения: 21.02.2021).
8. Лебедев. И. США, Китай и коронавирус. Как Пекин и Вашингтон борются за политическое влияние // ТАСС, сайт. 25 мар. 2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8076987> (дата обращения: 25.02.2021).
9. Мартынов П. Борьба с коронавирусом: китайская мобилизация и российская «оптимизация» // Сайт: 17 мар. 2020. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/115922/> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Невинная И. Когда снимают маски : Чему должен научить нас опыт Китая в борьбе с коронавирусом // Российская газета, сайт. 18 мар. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/18/chemu-dolzhen-nauchit-nas-opyt-kitaia-v-borbe-s-koronavirsom.html> (дата обращения: 02.02.2021).
11. Пироженко В. Китайский опыт : О преимуществах нелиберальной модели // Столетие. сайт. 17 янв. 2021. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/kitajskij_opyt_709.htm (дата обращения: 19.01.2021).
12. Посол в РФ: Китай оказал помощь 120 странам в борьбе с коронавирусом // Сайт. 17 апр. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8267073> (дата обращения: 17.12.2020).
13. Привычка к послушанию и тотальная слежка: что говорят эксперты о китайском опыте борьбы с коронавирусом // сайт. 23 марта 2020. URL: <https://rtvi.com/stories/how-and-why-china-wins-coronavirus/> (дата обращения: 08.11.2020)

14. Самоделова С. Китайское чудо: как в стране подавили распространение коронавируса // Московский комсомолец. сайт. 18 окт. 2020. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/10/18/kitayskoe-chudo-kak-v-strane-podavili-rasprostranenie-koronavirusa.html> (дата обращения: 28.12.2020).

15. Стефанички Р. Почему Китай победил коронавирус, а мы – нет // Ino Pressa. сайт. 22 мая 2020. URL: <https://www.inopressa.ru/article/05Nov2020/lefigaro/china.html> (Дата обращения: 22.01.2021).

16. Чесноков Э. Семь секретов, которые помогли победить эпидемию коронавируса в Китае // Комсомольская Правда. сайт. 21. Мар. 2020. URL: <https://pda.kp.ru/daily/27107.5/4182089/> (дата обращения: 28.11.2020).

17. 把人民群众生命安全和身体健康放在第一位 // 人民日报 · 2020-01-28. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1656936442929571256&wfr=spider&for=pc> (访问日期: 2020-12-10)

18. 贺治方:《社会动员在国家治理中的功能及其合理边界》[J]//学术界,2019年第7期,第83页.

19. 《十八大以来重要文献选编》〈上〉·北京:中央文献出版社·2014年.

20. 唯一能帮助我们的只有中国//中国搜索:2020-03-17. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1661354376238266895&wfr=spider&for=pc>(访问日期: 2021-03-03)

21. 赵荣·赵静:《中国确实是一个社会主义国家》——析弗·尼·舍甫琴科的中国特色社会主义观》[J]//当代世界与社会主义, 2019年第3期,第116-125页.

Reference list

1. Berdjaev N. A. Russkaja ideja = The Russian idea. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2008.

2. Glava VOZ: opyt Kitaja svidetel'stvuet o tom, chto koronavirus mozhno ostanovit' = Head of WHO: China's experience shows that coronavirus can be stopped // TASS.sajt. 06 Mart. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7910901> (data obrashhenija: 06.11.2020).

3. Zotov G. Mertvaja zona, haljava, diktatura. Kakim obrazom Kitaj pobedil koronavirus? = A dead zone, freebies, dictatorship. How did China defeat the coronavirus? // Argumenty i Fakty. sajt. 17 Mart. 2020. URL: https://aif.ru/health/coronavirus/mertvaya_zona_halyava_diktatura_kakim_obrazom_kitaj_pobedil_koronavirus (data obrashhenija: 15.10.2020).

4. Kovanova M. S., Elohina Ju. V. Vlijanie pandemii Covid-19 na vneshnjuju politiku Kitaja i rezul'taty bor'by s jepidemiej = The impact of the Covid-19 pandemic on China's foreign policy and the results of dealing with the epidemic // Molodoj uchjonyj. 2020. № 39 (329). S. 51–53.

5. Korobatov Ja. Pochemu koronavirus terroriziruet ves' mir, a Kitaj, gde on pojavilsja, zhivet spokojno = Why the coronavirus is terrorising the world and China, where it emerged, is living peacefully // Komsomol'skaja Pravda, sajt. 04 dek. 2020. URL: <https://pda.kp.ru/daily/21712095/4332910/> (data obrashhenija: 21.01.2021).

6. Kulincev Ju. Opyt Kitaja v bor'be s jepidemiej COVID-19: hronologija sobytij i predprinimaemye mery = China's experience in tackling the COVID-19 epidemic: chronology of events and actions taken // sajt: 02. Aprel'. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opyt-kitaya-v-borbe-s-epidemiey-covid-19-khronologiya-sobytyi-i-predprinimaemye-mery/> (data obrashhenija: 21.12.2020).

7. Larina E., Ovchinskij V. Kitajskaja mobilizacija na puti pandemii = Chinese mobilisation in the way of the pandemic // Zavtra, sajt. 25 mar 2020. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mobilizatsiya_na_puti_pandemii (data obrashhenija: 21.02.2021).

8. Lebedev. I. SShA, Kitaj i koronavirus. Kak Pekin i Vashington borjutsja za politicheskoe vlijanie = The US, China and the coronavirus. How Beijing and Washington vie for political influence // TASS, sajt. 25 mar. 2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8076987> (Data obrashhenija: 25.02.2021).

9. Martynov P. Bor'ba s koronavirusom: kitajskaja mobilizacija i rossijskaja «optimizacija» = Fighting coronavirus: Chinese mobilisation and Russian 'optimisation' // Sajt: 17mar. 2020. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/115922/> (data obrashhenija: 12.04.2021).

10. Nevinnaja I. Kogda snimajut maski : Chemu dolzhen nauchit' nas opyt Kitaja v bor'be s koronavirusom = When masks are taken off : What China's experience in fighting coronavirus should teach us // Rossijskaja gazeta, sajt. 18 mar. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/18/chemu-dolzhen-nauchit-nas-opyt-kitaia-v-borbe-s-koronavirsom.html> (data obrashhenija: 02.02.2021).

11. Pirozhenko V. Kitajskij opyt : O preimushhestvah neliberal'noj modeli = The Chinese experience: On the benefits of a non-liberal model // Stoletie. sajt. 17 janv. 2021. URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/kitajskij_opyt_709.htm (data obrashhenija: 19.01.2021).

12. Posol v RF: Kitaj okazal pomoshh' 120 stranam v bor'be s koronavirusom = Ambassador in RF: China has assisted 120 countries in fighting coronavirus // Sajt.17 apr. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8267073> (data obrashhenija: 17.12.2020).

13. Privychka k poslushaniju i total'naja slezhka: chto govorjat jeksperty o kitajskom opyte bor'by s koronavirusom = The habit to obey and total surveillance: what experts say about China's experience of fighting the coronavirus // sajt. 23 marta 2020. URL: <https://rtvi.com/stories/how-and-why-china-wins-coronavirus/> (data obrashhenija: 08.11.2020)

14. Samodelova S. Kitajskoe chudo: kak v strane podavili rasprostranenie koronavirusa = China's miracle: how the country stopped spreading the coronavirus // Moskovskij komsomolec. sajt. 18 okt. 2020. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/10/18/kitayskoe-chudo-kak-v-strane-podavili-rasprostranenie-koronavirusa.html> (data obrashhenija: 28.12.2020).

15. Stefanicki R. Pochemu Kitaj pobedil koronavirus, a my – net = Why China has defeated the coronavirus and we have not // Ino Pressa. sajt. 22 maja 2020. URL: <https://www.inopressa.ru/article/05Nov2020/lefigaro/china.html> (data obrashhenija: 22.01.2021).
16. Chesnokov Je. Sem' sekretov, kotorye pomogli pobedit' jepidemiju koronavirusa v Kitae = Seven secrets that helped defeat the coronavirus epidemic in China // Komsomol'skaja Pravda. sajt. 21. Mar. 2020. URL: <https://pda.kp.ru/daily/27107.5/4182089/>(Data obrashhenija: 28.11.2020).
17. 把人民群众生命安全和身体健康放在第一位, // 人民日报, 2020-01-28. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1656936442929571256&wfr=spider&for=pc> (访问日期: 2020-12-10)
18. 贺治方:《社会动员在国家治理中的功能及其合理边界》[J]//学术界,2019年第7期,第83页.
19. 《十八大以来重要文献选编》〈上〉,北京:中央文献出版社,2014年.
20. 唯一能帮助我们的只有中国//中国搜索:2020-03-17. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1661354376238266895&wfr=spider&for=pc>(访问日期: 2021-03-03)
21. 赵荣、赵静:《中国确实是一个社会主义国家”——析弗·尼·舍甫琴科的中国特色社会主义观》[J]//当代世界与社会主义, 2019年第3期,第116-125页.

УДК 327

Чжэн Вэньдун

<https://orcid.org/0000-0002-7577-556X>

Ван Луяо

<https://orcid.org/0000-0003-1527-6141>

**О механизме китайско-российского гуманитарного обмена
в новую эпоху**

Данная статья является предварительным результатом проекта под председательством Чжэн Пина – «Исследование стратегии развития имиджа механизма обмена гуманитарными науками между Китаем и зарубежными странами» (номер проекта: 19GBQY005), финансируемого Национальными и региональными исследовательскими специальными фондами Министерства образования КНР

Для цитирования: Чжэн Вэньдун, Ван Луяо О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 33–43. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-33-43

Гуманитарный обмен является важным средством укрепления взаимного доверия и играет важную роль в установлении прочных добрососедских и дружеских отношений между двумя странами. Механизм китайско-российского гуманитарного обмена – это первый механизм внешнегуманитарного обмена, созданный Китаем, и он считается творческим шагом китайского правительства. В данной статье изложен механизм китайско-российского гуманитарного обмена в вертикальном и горизонтальном измерениях, проанализированы его многосторонность, многоярусность и широкомасштабность. В вертикальном измерении механизм российско-китайского гуманитарного обмена можно разделить на три уровня: государственный, институциональный и народный. В горизонтальном измерении механизм российско-китайского гуманитарного обмена в новую эпоху обеспечивает двустороннее сотрудничество во многих областях, таких как культура, спорт, наука и технология, а также здравоохранение, и позволяет достигнуть плодотворных результатов. В статье делается особый акцент на том, что внезапная вспышка эпидемии коронавируса создала беспрецедентные проблемы для китайско-российского научно-технического сотрудничества, и рамках «годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества» Китай и Россия будут и дальше укреплять научно-техническое сотрудничество в области общественного здравоохранения и биобезопасности: сотрудничество в области медицинских исследований, медицинская помощь России со стороны Китая, сотрудничество Китая и России в рамках ООН, Всемирной организации здравоохранения, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и других международных организаций, укрепление сотрудничества в области традиционной медицины, профилактики инфекционных заболеваний, исследований и разработок вакцин. Подробный анализ механизма китайско-российского гуманитарного обмена также может послужить примером для гуманитарного обмена между Китаем и другими странами.

Ключевые слова: Китай, Россия, гуманитарный обмен, механизм обмена.

© Чжэн Вэньдун, Ван Луяо, 2021

Zheng Wendong, Wang Luyao

**On the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange
in the new era**

Humanitarian exchange is an important means of building mutual trust and plays an important role in establishing long-lasting friendly relations between the two countries. The Chinese-Russian humanitarian exchange mechanism is the first foreign exchange mechanism of its kind initiated by China and is considered to be a creative step of the Chinese government. This article outlines the mechanism of Chinese-Russian humanitarian exchange in its vertical and horizontal dimensions, analysing its multilateralism, complex structure and large scale character. In its vertical dimension, the mechanism of Russian-Chinese humanitarian exchange can be divided into three levels: state, institutional and public. In its horizontal dimension, the mechanism of Russian-Chinese humanitarian exchange in the new era ensures bilateral cooperation in many areas, such as culture, sports, science and technology, as well as healthcare, and enables to achieve beneficial results. The article emphasises that the sudden outbreak of coronavirus created unprecedented challenges for Chinese-Russian scientific and technological cooperation, and as part of the «years of Russian-Chinese sci-tech cooperation», China and Russia will continue to strengthen their scientific and technological cooperation in the areas of public health and biosecurity: cooperation in medical research, Chinese medical assistance to Russia, cooperation between China and Russia through the UN, the World Health Organisation, the Shanghai Cooperation Organisation, BRICS and other international organisations, strengthening cooperation in traditional medicine, infectious disease prevention, and vaccine research and development. A detailed analysis of the Chinese-Russian humanitarian exchange mechanism could also serve as a model for humanitarian exchange between China and other countries.

Key words: China, Russia, cultural exchanges, exchange mechanism.

Введение

Гуманитарные обмены обычно включают обмен кадрами, обмен мнениями и культурный обмен с целью улучшения взаимопонимания народов разных стран и формирования региональной культурной идентичности и ценностной идентичности. «Механизм гуманитарного обмена – это рабочий метод, который использует административные средства для координации различных звеньев обмена запланированным способом в процессе культурного обмена между различными международными

участниками, чтобы заставить их работать» [许利平, 2014, с. 121].

С 2000 года Китай выстроил механизмы гуманитарного обмена высокого уровня с девятью странами и регионами, включая Россию, США, Великобританию, Европейский Союз, Францию, Индонезию, Южную Африку, Германию и Индию. Гуманитарные обмены и сотрудничество осуществляются в областях спорта, науки и технологий, СМИ, туризма и т. д.

«Политическое взаимное доверие, экономические и торговые обмены и культурные обмены составляют три важных столпа китайско-российских отношений»

[张西平, 张朝意, 2020, с. 4]. Механизм гуманитарного обмена между Китаем и Россией представляет собой двусторонний механизм гуманитарного сотрудничества, реализуемый на уровне вице-премьеров обоих государств. В 1996 году главы государств Китая и России объявили о создании механизма ежегодных встреч между двумя премьер-министрами. В декабре 2000 года создана Российско-китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. В июле 2007 года эта Комиссия переименована в Российско-китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству, в которую входят девять подкомиссий по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации, кино, молодежи и архивов. По состоянию на конец сентября 2020 года Комиссия провела 20 регулярных заседаний. Последнее очередное заседание (20-е заседание Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству) состоялось в Санкт-Петербурге 16 сентября 2020 года.

Китайско-российское гуманитарное сотрудничество положительным образом сказывается на восприятии друг друга населением РФ и КНР, способствует лучшему пониманию национальных особенностей, истории и культуры: «...На современном этапе российско-китайских отношений уровень не-

доверия к Китаю в России существенно снизился. Динамика международных отношений последних лет, конфронтация России с Западом, форсирование её поворота на Восток, надежды россиян, связанные с российско-китайским сближением – всё это усилило в обществе симпатии к Китаю» [Ларин, 2017, с. 52–65].

После многолетних исследований механизм российско-китайского гуманитарного обмена обрел четкую структуру.

Вертикальное измерение механизма российско-китайского гуманитарного обмена

В вертикальном измерении механизм российско-китайского гуманитарного обмена можно разделить на три уровня: государственный, институциональный и народный.

Что касается государственного уровня механизма российско-китайского гуманитарного обмена, то надо подчеркнуть, что гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией неотделимо от заботы и внимания руководителей государств к этому сотрудничеству. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин с момента вступления в должность посещал Россию 8 раз и проводил около 30 встреч с президентом Путиным в двусторонних и многосторонних случаях. В 2017 году Путин наградил Си Цзиньпина медалью Андрея Первозванного – высшей национальной медалью России. В 2018 году Си Цзиньпин

наградила Путина первой китайской «Медалью дружбы». Две медали свидетельствуют о дружбе между главами двух государств и символизируют тесные отношения между Китаем и Россией.

Помимо механизма обмена визитами на высоком уровне, Китай учредил Российско-китайскую комиссию по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта (в 2007 году переименована в Российско-китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству), Российско-китайский центр гуманитарного обмена при Министерстве образования, Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития и другие комитеты национального уровня. Эти механизмы сыграли ведущую роль в создании различных проектных платформ, самой известной из которых являются мероприятия тематического года, проводимые двумя странами. Совместное проведение серии национальных «тематических лет» между Китаем и Россией – это новаторская форма культурного обмена между странами. С 2006 года обе страны проводят Национальный год Китая и России (2006–2007), Год китайско-российского языка (2009–2010), Год китайско-российского туризма (2012–2013) и Год китайско-российских молодежных обменов (2014–2015), Год китайско-российского обмена СМИ (2016–2017), Год китайско-российского сотрудничества и об-

мена на региональном уровне (2018–2019), Год китайско-российских инноваций в области науки и технологий (2020–2021). Опираясь на основную платформу тематического года, две страны осуществили много личных и культурных обменов в областях науки, образования, культуры, здравоохранения и спорта, создавая большое количество возможностей для контактов между народами двух стран, укрепляя традиционную дружбу между двумя народами и укрепляя основу общественного мнения об отношении между Китаем и Россией.

Помимо механизма государственного уровня, такие учреждения, как университеты, институты Конфуция и центры русского языка, также являются важными субъектами культурного обмена.

Между университетами обеих сторон было подписано множество проектов сотрудничества, таких как обмен студентами, приглашенными учеными, совместное обучение магистрантов и докторантов, создание совместных лабораторий или исследовательских центров. Что касается межвузовских обменов, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина установил межвузовские связи с 9 китайскими университетами, включая Университет Цинхуа, Пекинский университет иностранных языков и Харбинский политехнический университет. Шанхайский университет иностранных языков подписал

соглашение о сотрудничестве с Российским университетом дружбы народов, Санкт-Петербургским университетом и другими университетами. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне является одним из образцов китайско-российского совместного образования последних лет. Ключевой задачей стала подготовка в Китае на основе лучших российских образовательных программ молодых высококвалифицированных специалистов, которые будут востребованы не только в России и Китае, но и во всем мире. Русский ученый считает: «Пользующийся поддержкой на высшем уровне, проект МГУ является инструментом продвижения в КНР российского высшего образования в целом» [Распертова, 2019, с. 152].

Кроме университетов, важными учреждениями, способствующими культурному обмену, являются Институты Конфуция и Центры русского языка. Институт Конфуция – это культурная визитная карточка Китая, целью которой является продвижение китайского языка и распространение китайской культуры, улучшение понимания Китая людьми всех стран и развитие дружественных отношений между Китаем и зарубежными странами. В декабре 2006 года на базе Дальневосточного федерального университета был открыт первый в России Институт Конфуция. На сегодняшний день Китай открыл 19 Институтов Конфуция и 4 класса Конфу-

ция в России. Центр русского языка – важная организация, созданная Россией для продвижения русского языка за рубежом. В настоящее время более 20 университетов Китая открыли Центры русского языка, включая Пекинский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков и Хэйлунцзянский университет.

Основная часть межличностных обменов между Китаем и Россией на неправительственном уровне – это в основном частные лица, в том числе иностранные студенты, туристы и китайцы, проживающие за рубежом.

В последние годы из-за тесных двусторонних отношений между Китаем и Россией и высокой рентабельности высшего образования в России число китайских студентов, обучающихся в России, постоянно увеличивается. Подкомиссия по сотрудничеству в области образования Китайско-российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству провела видеоконференцию в начале сентября 2020 года. Выяснилось, что количество китайских студентов в российских вузах за последние пять лет увеличилось на 100 %. Согласно сообщению, опубликованному Подкомиссией по сотрудничеству в области образования Китайско-российской комиссии по сотрудничеству, в настоящее время в российских университетах обучаются 48000 китайских студентов [新浪财经...]. Конечно, Ки-

тай и Россия могут укрепить сотрудничество в сфере образования: «России и Китаю стоит расширять взаимодействие в области среднего профессионального образования, взаимное признание документов об образовании, продвигать новые методы преподавания и изучения китайского и русского языков как иностранных» [Песцов, 2020, с. 162].

В последние годы сотрудничество между двумя странами в сфере туризма продолжает углубляться. С 2012 по 2013 год Китай и Россия совместно провели «Год туризма» и серию мероприятий по обмену, которые укрепили взаимопонимание и традиционную дружбу между людьми, а количество туристов из двух стран продолжало расти. В 2018 году количество китайских туристов в России достигло 2,037 миллиона, что сделало Россию крупнейшим объектом для туристов из Китая. В то же время число российских туристов в Китае достигло 2,411 миллиона человек, что делает Китай шестым по величине источником для российских туристов.

Горизонтальное измерение механизма российско-китайского гуманитарного обмена

В горизонтальном измерении механизм российско-китайского гуманитарного обмена в новую эпоху обеспечивает двустороннее сотрудничество во многих областях, таких как культура, спорт, наука и технология, а также здра-

воохранение, и позволил добиться плодотворных результатов.

Во-первых, это сотрудничество в сфере культуры. Формы и содержание такого сотрудничества разнообразны. В рамках проекта высшего уровня отдела культуры Китая и Россия осуществили серию практического сотрудничества в области музеев, библиотек, литературы, кино, театра и т.д., включая проведение культурных мероприятий, таких как китайско-российские культурные фестивали, кинофестивали и выставки картин, обмен делегациями писателей, взаимный перевод китайских и русских литературных произведений, взаимные визиты и выступления музыкальных коллективов. В 2019 году, отмечая 70-ю годовщину установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, председатель КНР Си Цзиньпин и президент В. Путин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». В «Совместном заявлении» указано, что необходимо поддерживать и продвигать установление прямых контактов и углублять сотрудничество между профессиональными творческими коллективами, театрами, библиотеками, музеями и другими культурными учреждениями двух стран, а также способствовать развитию и обмену талантами в культурной и

художественной областях двух стран. Таким образом, благодаря совместным усилиям Китая и России будущие обмены между двумя странами в области культуры будут более разнообразными и перспективными.

Во-вторых, это сотрудничество в сфере спорта. И Китай, и Россия являются крупными державами со своими выгодными проектами и возможностями развития спорта. Обе страны придают большое значение обменов и сотрудничеству в области спорта. Важной особенностью китайско-российского спортивного сотрудничества является то, что глава государства лично участвует в обменах. В 2008 году президент России В. Путин присутствовал на церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине. В 2014 году председатель КНР Си Цзиньпин присутствовал на церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи. В 2018 году председатель КНР Си Цзиньпин и президент России В. Путин смотрели товарищеский матч китайско-российской молодежи по хоккею с шайбой в Тяньцзине. Помимо дипломатии глав государств, правительства двух стран также начали ряд мероприятий, таких как открытие китайско-российского форума спортивного образования, создание китайско-российских тренировочных сборов по баскетболу для молодежи и проведение мероприятий высокого уровня, таких как Российско-китайские молодежные игры. В

2022 году 24-е зимние Олимпийские игры пройдут в Пекине и Чжанцзякоу. Спортивное сотрудничество, несомненно, станет новой важной областью для контактов между людьми и культурных обменов, а сотрудничество между Китаем и Россией в зимних и ледовых видах спорта будет еще более укрепляться. 24 сентября 2020 года в формате видеоконференции состоялось 20-е заседание Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области спорта Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Мероприятие прошло под председательством заместителя Министра спорта РФ Ксении Машковой и заместителя Министра Главного государственного управления по физической культуре и спорту КНР Гао Чжидэна. По итогам заседания был подписан Протокол. В ходе переговоров стороны обменялись мнениями и достигли консенсуса по вопросам, представляющим общий интерес, таким как совместное реагирование на вызов эпидемии, Российско-Китайские молодежные игры, зимние виды спорта и сотрудничество в области футбола, международные спортивные отношения и борьба с допингом. Стороны высоко оценили дружественные отношения между Китаем и Россией в области спорта и договорились продолжать углублять практическое сотрудничество в области спорта, способствовать общему повышению спортивного уровня двух

стран, укреплять взаимопонимание и дружбу между спортивными кругами и народами двух стран.

В-третьих, это сотрудничество в области науки и технологий. Это сотрудничество является важной частью китайско-российского партнерства, а также одним из наиболее важных, долгосрочных и активных направлений китайско-российского практического сотрудничества. Китай и Россия имеют взаимодополняющие преимущества в области науки и технологий. С 1997 года Китай и Россия реализовали более 400 проектов по обмену научно-техническим персоналом. С 2017 года две страны совместно отобрали и поддержали 17 совместных научно-исследовательских проектов. В июне 2019 года председатель КНР Си Цзиньпин и президент России В. Путин совместно объявили 2020-2021 годы «годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества», что в полной мере продемонстрировало важный статус сотрудничества в области науки и технологий в китайско-российских культурных обменах в новую эпоху.

Внезапная вспышка эпидемии коронавируса создала беспрецедентные проблемы для китайско-российского научно-технического сотрудничества. В рамках «годов российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества» Китай и Россия будут и дальше укреплять научно-

техническое сотрудничество в области общественного здравоохранения и биобезопасности. 10 сентября 2020 года по видеосвязи прошла Китайско-российская конференция по сотрудничеству в области биомедицины и здравоохранения, а также инновационных технологий в области здравоохранения, и на ней был учрежден Китайско-российский альянс по натуральным продуктам и открытию новых лекарств (CRAND). Альянс ориентирован на платформу Китайской международной конференции по обмену талантами, чтобы продвигать китайско-российское сотрудничество в области биомедицины от быстрого развития до высококачественного развития, а также предоставлять эффективные решения в случае серьезных чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, таких как эпидемия коронавируса.

В-четвертых, это сотрудничество в области здравоохранения. Китай и Россия провели плодотворную работу в области здравоохранения. Содержание сотрудничества между двумя сторонами в основном включает следующие аспекты. Во-первых, это сотрудничество в области медицинских исследований, например, создание китайско-российского альянса медицинских университетов, Санкт-Петербургского центра китайской медицины, Пекинского университета китайской медицины и проведение научных конференций. 10

июля 2020 года в формате видеоконференции прошел китайско-российский симпозиум по коронавирусу, инициированный Институтом микробиологии Китайской академии наук и в котором участвовали многие китайские и российские научно-исследовательские учреждения. Коллеги из двух стран поделились результатами своих исследований коронавируса и обсудили дальнейшее сотрудничество. Во-вторых, это медицинская помощь. Например, в 2008 году члены Центральной спасательной команды России и десятки врачей отправились в пострадавший от землетрясения Вэньчуань для спасения людей. В апреле 2020 года китайское правительство направило в Россию группу врачей и специалистов по профилактике эпидемий для проведения противоэпидемического сотрудничества. В-третьих, важным аспектом сотрудничества в области здравоохранения является координация работы. Китай и Россия являются важными государствами-членами ООН, Всемирной организации здравоохранения, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС и других международных организаций. Обе страны полагаются на международные организации для постоянного углубления взаимодействия и сотрудничества в области здравоохранения и обмена опытом сотрудничества с другими государствами – членами вышеназванных организаций. В ситуации пандемии коронавируса,

в рамках Года российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества, Китай и Россия обязаны укреплять сотрудничество в области традиционной медицины, профилактики инфекционных заболеваний, исследований и разработок вакцин, содействовать совместной разработке лекарств и вакцин, а также развивать международное противоэпидемическое сотрудничество.

Заключение

Гуманитарный обмен является важным средством укрепления взаимного доверия и играет важную роль в установлении прочных добрососедских и дружеских отношений между двумя странами. Механизм китайско-российского гуманитарного обмена – это первый механизм внешнегуманитарного обмена, созданный Китаем, и он считается творческим и инновационным шагом китайского правительства. После многих лет исследований механизм гуманитарного обмена между Китаем и Россией сформировал всеобъемлющую, многоуровневую и разностороннюю структуру. В вертикальном измерении механизм можно разделить на три уровня: государственный, институциональный и народный. В горизонтальном измерении механизм включает в себя двустороннее сотрудничество в девяти областях, включая культуру, спорт, науку и технологии, а также здравоохранение. На 20-м заседании

Китайско-российского комитета по гуманитарному сотрудничеству, состоявшемся 16 сентября 2020 г., вице-премьер Госсовета Сунь Чуньлан сказала, что Комиссия кита-тайско-российского гуманитарного сотрудничества вступила в зрелый период здорового и стабильного развития [人民网...].

Библиографический список

1. Ларин А. Г. Новый этап российско-китайского партнёрства и проблема доверия // Современные российско-китайские отношения. Москва : ДеЛи плюс, 2017. С. 52–65.
2. Распертова С. Ю. О некоторых аспектах интернационализации образовательного сотрудничества России и Китая. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 4(833). С. 146–158.
3. Песцов С. К. Стратегическое партнерство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества. Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2020 (4). С. 137–165.
4. 许利平.中国与周边国家的人文交流: 路径与机制,《新视野》, 2014, №5.
- 5.张西平、张朝意. 中外人文交流年鉴2017-2018. 北京: 中国社会科学出版社, 2020.
6. 邢丽菊、张骥. 中外人文交流与新型国际关系构建. 北京: 世界知识出版社, 2019.
- 7.新浪财经: 俄媒: 越来越多中国学生选择俄罗斯作为留学目的地.URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1678952649870558894&wfr=spider&for=pc>(дата обращения: 27.09.2020)
- 8.环京津新闻网: 疫情下申请赴俄的中国留学生数量仍出现增长. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1668621191465097275&wfr=spider&for=pc>(дата обращения: 27.09.2020)
- 9.人民网: 中俄人文合作委员会第二十次会议举行. <http://world.people.com.cn/n1/2019/0918/c1002-31358494.html>(дата обращения: 28.09.2020)

Reference list

1. Larin A. G. Novyj jetap rossijsko-kitajskogo partnjorstva i problema doverija = The new phase of the Russian-Chinese partnership and the issue of trust // Sovremennye rossijsko-kitajskie otnoshenija. Moskva : DeLi pljus, 2017. S. 52–65.
2. Raspertova S. Ju. O nekotoryh aspektah internacionalizacii obrazovatel'nogo sotrudnichestva Rossii i Kitaja = On some aspects of internationalization of educational cooperation between Russia and China // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2019. Vyp. 4(833). S. 146–158.
3. Pescov S. K. Strategicheskoe partnerstvo Rossii i Kitaja: mesto i rol' gumanitarnogo sotrudnichestva = The Russian-Chinese strategic partnership: the place and role of humanitarian cooperation // Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN, 2020 (4). S. 137–165.

4. 许利平. 中国与周边国家的人文交流：路径与机制, 《新视野》, 2014, №5.
5. 张西平、张朝意. 中外人文交流年鉴2017-2018. 北京：中国社会科学出版社, 2020.
6. 邢丽菊、张骥. 中外人文交流与新型国际关系构建. 北京：世界知识出版社, 2019.
7. 新浪财经：俄媒：越来越多中国学生选择俄罗斯作为留学目的地. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1678952649870558894&wfr=spider&for=pc> (data obrashhenija: 27.09.2020)
8. 环京津新闻网：疫情下申请赴俄的中国留学生数量仍出现增长. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1668621191465097275&wfr=spider&for=pc> (data obrashhenija: 27.09.2020)
9. 人民网：中俄人文合作委员会第二十次会议举行. <http://world.people.com.cn/n1/2019/0918/c1002-31358494.html> (data obrashhenija: 28.09.2020)

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

Коу Сяохуа

<https://orcid.org/0000-0001-6969-7836>

Т. Ж. Калинина

<https://orcid.org/0000-0002-6823-2313>

**«Калечина-Малечина» не может стать умницей»:
мотивные и сюжетные переключки в романах о девочках-подростках
Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран
Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Коу Сяохуа, Калинина Т. Ж. «Калечина-Малечина» не может стать умницей»: мотивные и сюжетные переключки в романах о девочках-подростках Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 44–61. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-44-61

Статья посвящена сравнительному анализу образов и мотивов романов Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» и Хуан Бэйцзя «Я буду умницей», посвященных девочкам-подросткам. Данные тексты обнаруживают сходства на уровне системы образов, архетипических мотивов и внутреннего развития мифологического сюжета посвящения-инициации ребенка во взрослую жизнь. Однако многие сходные мотивы в романах выступают в противоположных функциях: в романе Е. Некрасовой создается безрадостный мир нелюбимого никем ребенка, а в романе Хуан Бэйцзя – мир полноценного и любимого ребенка, тяжело переживающего собственные неуспехи в учебе. В связи с наличием мифологических мотивов рассматривается художественный метод романов. Китайский текст тяготеет к традициям социалистического реализма, реализуя одну из его функций, наиболее свойственную подростковой литературе – дидактизм. Роман Хуан Бэйцзя можно назвать дидактической авторской сказкой, основанной на биографическом материале. Русский текст причислен исследователями к «магическому» реализму и является чем-то большим, чем просто романом-инициацией или дидактической повестью. В нем реализован непреходящий философский смысл влияния любви или ее отсутствия на человеческую судьбу, онтологическая заброшенность человеческой души в условиях безразличия или агрессии со стороны окружающего ее мира. Главным в романе русской писательницы становится не инициация героини, а ее способность «выстоять», не утратив себя.

Ключевые слова: Евгения Некрасова, Хуан Бэйцзя, китайская система образования, подростковая литература, «женская» литература, детский роман, роман-инициация, дидактическая сказка, магический реализм, мифологический сюжет, иррациональное

начало, образ куклы, образ «волшебного помощника», детство, инициация, Калечина-Малечина.

PHILOLOGY

Kou Xiaohua, T. J. Kalinina

«Kalechina-Malechina» cannot become a smart girl»: motive and plot parallels in the novels about teenage girls by Evgeniya Nekrasova and Huang Beijia

The article is devoted to comparative analysis of images and motifs in the novels Kalechina-Malechina by Evgeniya Nekrasova and I Will Be a Smart Girl by Huang Beijia, about teenage girls. These texts reveal similarities at the level of the image system, the archetypal motifs and the inner development of the mythological plot about the initiation of a child into adulthood. However, many similar motifs in the novels appear in contrasting functions: E. Nekrasova's novel shows the joyless world of an unloved child, while in Huang Beijia's novel we see the world of a wholesome and well-loved child, suffering from her own school failures. The artistic method of the novels is examined in relation to their mythological motifs. The Chinese text gravitates towards the traditions of socialist realism, performing one of its functions most characteristic of teenage literature – didacticism. Huang Beijia's novel can be described as a didactic auteur tale based on biographical material. The Russian text has been described by scholars as «magical» realism and is more than just an initiation novel or a didactic tale. It realises the eternal philosophical sense of the impact of love or its absence on human fate, the ontological abandonment of the human soul facing indifference or aggression from the world around it. It is not the protagonist's initiation but her ability to «survive» without losing herself that is central to the Russian novel.

Key words: Evgeniya Nekrasova, Huang Beijia, Chinese educational education system, teenage literature, «women's» literature, children's novel, initiation novel, didactic tale, magic realism, mythological plot, irrational beginning, doll image, image of «a magic helper», childhood, initiation, Kalechina-Malechina.

В конце девяностых годов 20 века известная китайская писательница, начинавшая как детский автор, вернулась в детскую литературу из многолетней «командировки» во взрослую. Роман «Я буду умницей» взорвал китайскую читательскую аудиторию и упрочил славу Хуан Бэйцзя [钟名诚, 徐琼, 2009; 谭旭东, 2011; 周舒暢, 2012; 孙琼, 2012]. Никакого большого литера-

турного открытия писательница не сделала, но проникновенно описала выпускной год собственной дочери. Образ девочки-выпускницы начальной школы и перипетии ее подготовки к экзамену в среднюю школу настолько точно совпали с «наболевшими» проблемами китайских школьников и их родителей, а степень типизации была такова, что практически каждая

«Калечина-Малечина» не может стать умницей»: мотивные и сюжетные переклички в романах о девочках-подростках Евгении Некрасовой и Хуан Бэйцзя 45

школьница узнавала в главной героине Цзинь Лин себя. «Впоследствии, во время встреч с юными читателями, мне не раз приходилось слышать удивленные вздохи девочек: «Как же Цзинь Лин на меня похожа! Тетя-писательница, а как вы все-все обо мне узнали?» – признается Хуан Бэйцзя [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 269]. Этот роман затронул многолетнюю боль китайского общества, вынужденного в условиях жесткой конкуренции лишать детей простых радостей детства, приносить родительскую любовь в жертву гонке за предполагаемой лучшей долей в жизни чада. Поэтому роман «Я буду умницей», написанный в реалистической манере, доступным детской аудитории языком, без чрезмерных литературных изысков в стиле или организации повествования, можно считать достоверной копией существующей до сих пор действительности. В современном китайском образовании мало что поменялось с тех пор, текст не утратил своей актуальности. Об этом свидетельствуют многочисленные переиздания, переводы и экранизации.

Русский читатель увидел книгу только в 2017 году. А в 2018-м мы смогли познакомиться с русской версией повести о девочке-подростке в исполнении Евгении Некрасовой [Некрасова, 2018]. Несмотря на разницу в целевой аудитории и абсолютно непохожую работу писательниц с языком и стилем, произведения обнаруживают

удивительное сходство на уровне мотивных и сюжетных переключек, композиции образов. Начнем с того, что главные героини почти одного возраста: Кате 10 лет, Цзинь Лин – 11, обе учатся в начальной школе, не обладают выдающейся внешностью и имеют похожие проблемы с успеваемостью – у обеих есть гуманитарные способности, но при этом «западает» математика. Причем, их переживание этой самой математики описано похожим образом – через физиологические ощущения: «Стоит взглянуть на эти примеры, сразу начинает кружиться голова [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 16]; «мастерили примеры по математике <...> Катя слышала, вместо учительских объяснений в голове гул» [Некрасова, 2018, с. 19–20].

Обе девочки подвергаются буллингу в школе, переживают из-за оценок и нуждаются в поддержке родителей и учителей. У них даже цель одинаковая – не попасть в «плохую» школу, доказать свою состоятельность в интеллектуальном плане. Каждая из них изо всех сил старается быть «умницей» для окружающих ее взрослых. Однако сразу бросается в глаза разница характеров: Катя – забитая, неуверенная в себе «серая мышка» с «серыми» волосами, заброшенная учителями и родителями, живущая «самостоятельной» замкнутой жизнью, в которой лучшее время – ночь, когда можно либо разглядывать пятна на потолке, либо просто ничего не делать [Некрасова, 2018,

с. 16]. Участие в других событиях приносит страдание: это или преодоление тяжести школьного существования, или вечернее время с родителями, которые скорее осложняют жизнь девочки, нежели помогают ей справиться с трудностями. Катя определенно умственно и эмоционально отсталый ребенок, только ее, в отличие от Цзинь Лин, никто не водил к врачу, чтобы поставить диагноз. Цзинь Лин, в этом отношении, ее полная противоположность: жизнерадостная, общительная и эмоционально открытая, любознательная и одаренная. Ее внешность соответствует характеру: не «серая мышка», а «сладкая пышка», у которой «круглые, пухлые щечки, за которые всем так и хочется ущипнуть» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 13]. Цзинь Лин любит принимать участие в разных мероприятиях, заводить знакомства, увлекаться новыми хобби. Ее жизнь наполнена реальными событиями, потому что она сама – источник активности. Но гнет ответственности за результаты обучения и никак не поддающиеся исправлению предметы: музыка (с которой пришлось расстаться), математика и физкультура у Цзинь Лин и почти все учебные предметы, за исключением литературы у Кати («...в музыкальную школу ее так и не взяли – она не достала до ноты» [Некрасова, 2018, с. 42]), сближают образы девочек, заставляют писательниц обращаться к общей проблематике, использовать неожиданно схожие мотивы и даже выстраивать зеркальную систему образов.

В обоих романах самые близкие люди для героинь – их родители и бабушки. В обоих текстах матери занимаются воспитанием дочерей, отцы – своими делами, их участие эпизодично. Однако вмешиваясь, отец Кати тиранит ее, а отец Цзинь Лин – всегда ласков и защищает дочь. Бабушки Цзинь Лин одаривают внучку любовью и вниманием, пытаются решать ее проблемы или просто балуют ребенка, снимая с него груз ответственности. В случае в Катей возникает сомнение, что бабушка смогла бы дать ребенку ту любовь, в которой она нуждалась, поскольку даже не разглядела интересы внуки: «Катя любила лепить, но в художественную школу проситься стеснялась, а пластилин в доме запретила еще бабушка» [Некрасова, 2018, с. 42]. Но даже в этой бабушкиной заботе автор отказывает Кате, т.к. бабушка «вскороности» умирает. Тем не менее на фоне остальных взрослых воспоминание о бабушке остается у Кати светлым: «Катя с тех пор очень скучала по ней, заново не приучилась смотреть телевизор и иногда хотела червячков в молоке» [Некрасова, 2018, с. 14].

Показательно, как по-разному представлена в романах общая и извечная функция старшего поколения – кормить ребенка. В романе «Калечина-Малечина» даже любимое многими детьми блюдо теряет

свой привлекательный вкус: «Если бабушка задерживалась на полдник, она делала очень полезное и кислое яблочное пюре. Катя тайно записывала себе под язык кусок сахара, чтобы пережевать эту кислоту. Если бабушка обнаруживала это мухлевание, она таскала Катю за уши: внучке нельзя было сладкое из-за диатеза. Уши потом были красные и стучали» [Некрасова, 2018, с. 13]. А для Цзинь Лин бабушки и дедушка «разбиваются в лепешку», чтобы побаловать внучку: «Все эти блюда Цзинь Лин готова есть хоть каждый день. А бабушка – мастерица жарить лепешки, хочешь с начинкой, хочешь пустые – одинаково вкусные, Цзинь Лин от ее лепешек за уши не оттянешь» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 100]. Хотя вторая бабушка – мамина мама – обнаруживает некоторое сходство с Катинной: «К примеру, когда Цзинь Лин смотрит телевизор, бабушка делает замечания: «Не сутулься!» или «Отодвинься от экрана на два метра!». И во время еды бабушка тоже одергивает Цзинь Лин: «Не клади локти на стол!», «не ковырайся палочками в общей тарелке и не выбирай лучший кусок!», «Не указывай палочками на людей»... Только и слышно – «это нельзя, то не делай» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 102], но еда хотя бы вкусная, и телевизор смотреть все же можно.

Мать Цзинь Лин, как и старшее поколение, одержима проблемами дочери, она фактически живет ее

жизнью, очевидно, что готова на любые жертвы ради нее. Мать Кати тоже жертвует ради дочери – бросает университет, так как с ребенком некому сидеть: бабушка умерла, соседка требует платы. Иногда кажется, что ее участие в жизни дочери ограничивается словом «Молодец», которым она отвечает на сообщения Кати. Но мать по-прежнему любит Катю, целует ее по утрам, но так замотана работой и бедностью, что ей с трудом хватает сил на собственную жизнь, которая предстает как череда безрадостных однотипных моментов.

Окружающий внешний мир представлен учителями и одноклассниками, а также случайными встречными – соседями, знакомыми родителей. Школьная среда агрессивна по отношению к обеим героиням. Но в «Калечине-Малечине» – это объективная реальность: куда бы ни попала Катя, начинается буллинг, причем не только со стороны сверстников (одноклассников, детей в лагере), но и взрослых, как будто Катя сама является причиной этой неприязни окружающих. Те немногочисленные люди, которые разглядели в ребенке какие-то задатки или хотя бы пожалели Катю, безжалостно вырываются из ее жизни. Кстати, романы связывает мотив переписки героинь с утраченными «друзьями»: Ольгой Митиевной (у Кати) и учительницей Ван (у Цзинь Лин). Вот только Цзинь Лин сразу после разлуки начинает переписываться с

учительницей, стараясь сохранить ее поддержку. А Катя стесняется написать, пишет лишь спустя долгое время, когда обретает хоть какую-то уверенность в себе. Цзинь Лин нужна поддержка учительницы Ян, потому что ей кажется, что новая учительница ее не любит, однако это заблуждение. Учительница Сунь не отказывает Цзинь Лин ни в одаренности, ни в перспективности. Поэтому агрессивность школьной среды – это субъективное восприятие Цзинь Лин. На самом деле у нее есть и верные друзья, и группа приятелей, и поддержка учителей, даже конфликтные отношения рано или поздно гармонизируются.

В обоих романах встречается один из устойчивых образов «школьной» подростковой литературы – образ туповатого толстяка в классном коллективе, но обыгрывается этот образ в романах по-разному. Хотя и толстяк Юй, и толстяк Курин являются инструментами буллинга, в итоге их роль не одинакова: Юй клеветает на Цзинь Лин и ее друга, но она находит способ справиться с этой проблемой, а толстяк Курин со спущенными штанами навсегда остается шокирующим воспоминанием Кати, который она не может забыть и как-то преодолеть: «Катя обернулась и увидела перед собой Курина – медведя-одноклассника с полинявшей квадратной головой. Курин тяжело дышал гайморитным носом и держал в руках задранную рубашку,

как на приеме у врача. Катя спустила взгляд ниже и под круглым животом с грязной кнопкой пупка увидела что-то совершенно ужасное. Штаны Курина ползали по полу» [Некрасова, 2018, с. 82]. Поэтому ее еще более пугает вероятность оказаться в той школе, куда перевели «недоумка». Одноклассники Цзинь Лин вообще не имеют злой воли издеваться над ней или другими ребятами. Они делают это под влиянием эмоций: страха, зависти, желания самоутвердиться, похвастаться. Одноклассники, преследующие Катю, представлены однозначно в негативном свете. Они издеваются над девочкой просто так, наслаждаются ее унижением. Какие-то другие мотивы или цели автором не обозначены. Все окружающие Цзинь Лин люди, даже незнакомцы на улице, доброжелательны к героине. Среди окружения Кати можно по пальцам пересчитать тех, кто к ней добр: тетя Оля дает Кате и Кикиморе конфеты, да случайная встречная девушка оплачивает их проезд. Но эта забота поверхностная, а порой продиктована вовсе иными мотивами: например, тетя Оля, несмотря на набожность, не проявила своей доброты, когда нужно было посидеть с маленькой Катей. Поэтому ее конфеты, скорее, способ загладить вину, успокоить себя. Таким образом, сходная система образов в романах оказывается с противоположными знаками: все прописанные персонажи китайского романа

на поверку являются положительными (исправляется даже главный «злодей» – отличник Ни Чживэй), а все герои романа «Калечина – Малечина» – отрицательные.

Субъективность переживания Цзинь Лин не отменяет искренности ее эмоций. Ей, действительно, тяжело. Тяжело глотать обиды одноклассника, подчеркивающего ее полноту, тяжело терпеть клевету, тяжело смиряться с неудачами на контрольных и признавать свою посредственность в учебе, тяжело, наконец, слышать укоры матери. Поэтому у обеих героинь возникает в результате одинаковый вопрос: «Почему плохих людей считают хорошими, если они хорошо учатся?» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 145]; «Вот бывают очень плохие люди, а их все любят. Как это так?» – удивляется Катя [Некрасова, 2018, с. 195]. Тем самым обе героини демонстрируют нравственную чистоту: для них важны преданность, честность, доброжелательность, ответственность. Чистота Кати многократно подчеркивается ее неискушенностью в вопросах пола. Ее шокирует и отталкивает все, что с этим связано. Только однажды она путает сочувствие и соучастие с похотью и извращением. Но путает в силу своей неопытности и тоски по участию. Для Цзинь Лин вопросы пола еще не существуют: ее никто не преследует сексуально. Несмотря на то, что она старше Кати, она как будто совсем не доросла до подобных мыслей. Возможно,

это отражает реальное положение вещей в китайском обществе, где на государственном уровне регулируются вопросы брака и деторождения. Половое созревание китайских подростков происходит позже, чем российских. Но и Цзинь Лин приходится задуматься о себе-будущей, когда у ее лучшей подруги наступают «месячные». Через слова повзрослевшей подруги прорывается самая драматичная мысль романа: «...Ты не понимаешь, Цзинь Лин, ты вправду не понимаешь! Когда у девочки появляются месячные, она становится взрослой, понимаешь? Я целыми днями только и делаю, что учусь, учусь, даже в компьютерную приставку вволю не поиграла! Ни разу! Я вообще не знаю, что такое счастливое детство, честно, не знаю. У меня и детства не было, а я уже взрослая. И потому мне очень грустно, Цзинь Лин, ты понимаешь? Вот о чем я горюю...» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 256]. Но этот драматизм тут же снимается впечатлениями от теплой атмосферы домашнего ужина, радости от подарков, любви и внимания родителей и ночной прогулки Цзинь Лин. Поэтому героиня счастливо вздыхает: «Как прекрасна жизнь! Как мне хочется поскорее стать взрослой!» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 258]. Проблема взросления, взрослости является внутренним смысловым центром романов, к нему сводятся все поступки и мысли главных героинь. Катя делит весь мир людей на «выросших» и

«невзросших». Ее самые безотрад-ные переживания, доводящие ее до мыслей о самоубийстве, связаны с осознанием того, что она не сможет стать «хорошей выросшей». Она, как и Цзинь Лин, старается найти в себе силы повзрослеть, то есть со-ответствовать ожиданиям окружа-ющих. В этом пограничном состоя-нии героинь между миром детей и взрослым миром особым смыслом наполняются атрибуты детства и взросления.

Одним из самых архетипичных атрибутов в обоих романах являет-ся образ куклы: «Именно кукла яв-ляется одним из самых узнаваемых атрибутов детства». [Шиповская, 2012, с. 29]. В романе Е. Некрасо-вой мы имеем дело с самой настоя-щей обрядовой куклой, которая несет изначальные сакрально-магические смыслы, превращаясь в «волшебного помощника» Кикимору, заключая в себе утраченную человеческую душу. Она также «амбивалентна», как и образ Кики-моры, равна ему по иррациональ-ному содержанию. Кукла-Кикимора берет на себя те поступ-ки, которые не может сделать де-вочка, не утратив своей детской души: выполняет вынужденные страшные вещи, противостоит злу, направленному на ребенка, ответ-ным действием. Кукла в романе Бэйцзя утратила свое магическое содержание, но не душу. Со своей сакральной функцией она справля-ется: «У Барби руки и ноги гнутся, как будто она живая» [Хуан Бэйцзя,

2017, с. 82]. Поэтому достается она «сиротке» Синьсин, которую бро-сили мать и отец, для нее кукла – волшебный оберег Василисы Пре-красной: «Синсин прижимала к груди куклу Барби, словно самое бесценное сокровище на свете» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 92]. «Кукла – проводник между миром детства и миром взрослых» [Салаева, 2016, с. 99], поэтому расставание с кук-лой (дарение, уничтожение) знаме-нует инициацию ребенка. С одной стороны, «в куклы Катя давно уже не играла» [Некрасова, 2018, с. 96], что говорит о том, что Катя уже лишена детства, но «год назад, ко-гда она прочла о приключениях Гулливера, ей очень сильно захоте-лось себе настоящих и живых, но маленьких, размером с ее указа-тельный палец, людей. С ними иг-рать гораздо интереснее» [Некрасо-ва, 2018, с. 113]. Неразличение кук-лы и человека в сознании Кати от-зывается многоголосым эхом кук-лы-Кикиморы, Калечиной-Малечиной, самой Кати-куклы с ее «деревянной» косой: «Катя перево-рачивалась туда-сюда, как тряпич-ная кукла» [Некрасова, 2018, с. 139] и «Весь подъем Катя буратиной (выделено авторами статьи) прови-села на держащей ее за капюшон руке» [Некрасова, 2018, с. 265].

Еще одним атрибутом взросле-ния становится мотив денег и фи-нансовой состоятельности. Родите-ли девочек не являются богатыми людьми, в романах подчеркивается, что в определенные моменты денег

не хватает, деньги являются ценностью, которую можно обменять на «светлое будущее». Два неудачных с точки зрения денег момента жизни сюжетно связывают романы: у Катиных родителей деньги обманом отнял дядя Юра, а у родителей Цзинь Лин мать пострадавшего в несчастном случае мальчика вымогает приличную сумму, добиваясь этого угрозами и шантажом. Каждая героиня принимает решение «ввязаться» в финансовые вопросы своей семьи: Катя возвращает деньги, причитающиеся за бабушкину дачу: «Катя прижала деньги ближе к прыгающему сердцу и ощутила свою абсолютную всесильность» [Некрасова, 2018, с. 241], а Цзинь Лин пытается целый месяц вести домашнее хозяйство, распоряжаясь семейным кошельком и распределяя семейный бюджет. Тем не менее, каждая девочка терпит в этой попытке финансовой состоятельности неудачу. Деньги, добытые Катей, родители не признают и возвращают. А Цзинь Лин очень скоро понимает, что не справляется с расходами, и передает полномочия назад родителям. Однако, если попытку Кати никто так и не оценил, то опыт Цзинь Лин признается ее родителями вполне удачным и достаточным, чтобы вознаградить ее, несмотря на провал: «На семейном совете родители решили, что дочь, хотя и не продержалась месяц, тем не менее приобрела кое-какой опыт ведения хозяйства, поэтому заслуживает вознаграждения. Посове-

щавшись, она дали Цзинь Лин сто юаней» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 91].

В этих перипетиях с деньгами не последнюю роль играет еще один персонаж: Кикимора в «Калечиной-Малечиной» и сиротка Синсин в романе Хуан Бэйцзя. Этих персонажей многое объединяет: Кикимора по определению – это душа никому не нужного ребенка, который погиб от этой ненужности и заброшенности, а Синсин – девочка, взятая на воспитание престарелым дедушкой, который умирает от инсульта. Она не нужна родителям, мать, появляясь в ее жизни, сразу отвозит ее в деревню и сдает бабушке. Катя проявляет заботу о Кикиморе и создает для нее образ младшей сестренки: «Она решила, что раз Кикимора как бы ее младшая сестра, то Катя сможет научить ее каким-нибудь полезным вещам» [Некрасова, 2018, с. 244–245]. Цзинь Лин также опекает Синсин и почти сразу вживается в роль старшей сестры, а девочку именуется «названной младшей сестренкой». Любопытно, что образы «младших сестер» связывает мотив одевания-раздевания, расчесывания и омовения (в древности – ритуальные действия!). Катя одевает Кикимору в свою детскую одежду, как бы уподобляя существо младшей сестре, расчесывает удивительные колтунные волосы Кикиморы, распутывая тем самым «колтун» собственной жизни. А Цзинь Лин раздевает «сестренку», приведенную из садика, моет ее, как мама мыла в свою очередь саму Цзинь Лин. Но

на самом деле обретенные «младшие сестры» делают для героинь гораздо больше, чем те для них. Из-за Кикиморы Катя «выныривает» из состояния бессознательного мрачного прозябания, которое она описывает действием «Катя катится-колошматится». Катя перестает «колошматиться». Для Цзинь Лин Синсин также огромный стимул к необратимым изменениям: она страшно боится потерять свою репутацию старшей сестры, запрещает матери обсуждать при Синсин свои недостатки. Она, наконец, исправляет оценки по математике. Образ «младшей сестры» заставляет главных героинь собрать свои силы, приложить максимальные усилия, чтобы выбраться из привычной ситуации невезения, неудачи.

Образы «младших сестер» в обоих романах многослойны. С одной стороны, это «мотиваторы» для начала активных действий по самосовершенствованию и преодолению девочками ситуации неудачи и стагнации. С другой стороны, Кикимора, очевидно, является alter ego Кати, отражает ее душу, умирающую без любви и внимания: «Вдруг Катя заговорила, запричитала, что она поняла, что ее никто не любит и не хочет слушать, и понимать, и помогать» [Некрасова, 2018, с. 162]. В романе с помощью эпизода с девушкой, которая пытается покончить с собой, сбросившись с крыши (праобраз финальной сцены попытки суицида самой Кати), даже показан путь, как Катя

может превратиться в Кикимору. Синсин также можно считать alter ego Цзинь Лин, поскольку неудачи в учебе причиняют девочке страдание только в том плане, что лишают ее материнской любви, безусловности приятия родителями самой Цзинь Лин. «Мать поучала дочь: «Оставь, пожалуйста, свой дух противоречия. Я и так стараюсь тебя не перегружать. Посмотри на нашего соседа Вэнь Фэна, он ежедневно помимо уроков играет на пианино, ходит в изостудию, и ведь все успевает, отлично учится, его родителям не приходится переживать». После короткой паузы добавила: «Если бы у матери было право выбирать ребенка, я бы предпочла такого умницу и отличника, как Вэнь Фэн». <...> Скажи, а если ты вправду собираешься выбирать ребенка, ты выберешь Вэнь Фэна или меня?» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 120–121] – вопрошает Цзинь Лин. Поэтому сиротка-Синсин, которую теперь никто не любит, так трогает душу девочки. Обе девочки направляют свою любовь и заботу, которую недополучили, на более слабое существо, «удочеряя» его в младшие сестры именно потому, что сами так нуждаются в подобной беспрекословной заботе. Встреча с «младшей сестренкой» в обоих романах происходит в чрезвычайной ситуации: смерть дедушки и неприютность Синсин, попытка самоубийства Кати. И сюжетно данный момент в обоих романах является самым неправдопо-

добным: вряд ли одиннадцатилетнему ребенку в Китае доверили бы пятилетнюю малышку, только что осиротевшую, ну а вопрос правдоподобия появления Кикиморы не обсуждается. Очевидно, что данный сюжетный момент восходит к структурному эпизоду волшебной сказки, когда главный герой получает «волшебного помощника». В случае с Катей это происходит буквально, по мотивам сказки, а в случае в Цзинь Лин – метафорически. Синсинь, действительно, становится палочкой-выручалочкой на пути преодоления девочкой себя и своих недостатков. Таким образом, появление «волшебного помощника» – это момент, который отмечает инициацию детей, превращение их в более взрослых, сознательных и ответственных людей, преодолевших свою главную трудность.

Более того, фигура Кикиморы, помимо образа куклы, актуализирует еще один образ – образ мышки. Мышь также часто является в сказках «помощницей» попавшей в тяжелое положение девочки. Место Кикиморы на кухне за плитой – это «законное» место мыши, шуршание Кикиморы, ее попытка прятаться, похищение Кикиморой хозяйских вещей, можно принять за проделки мышонка. Но в «заплить» женщины обнаруживают соломенную куклу. Мышонок есть и в романе Х. Бэйцзя. Мышь помогла Цзинь Лин избавиться от многочисленных пособий по самоподготовке, не боялась кота, досаждала семейству до

тех пор, пока чрезмерное давление на девочку не ослабло, как только ее мать согласилась, что и мышка заслуживает пощады. В этом зверьке, обречённом на несостоявшееся съедение котом, Цзинь Лин видит себя: «Потому что несчастная мышь – это я, а соседский Вэнь Фэн, мои одноклассники-отличники Ху Мэй, Лю Яжу, Ни Чживэй – это коты, которых все любят!» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 127]. Выполнив свою функцию, мышонок также внезапно исчезает, как появился. Чрезмерное внимание к Катиным «серым» волосам, ее «крысиный хвостик» [Некрасова, 2018, с. 14], ее перекусы «холодной» едой, оставшейся в холодильнике (разогреть еду Кате запрещали) наводят на мысль, что мышь является еще одним символическим alter-ego самой Кати. То, что Кикимора «поживилась» мышонок и откусила от него половину, показывает двойственность образа: Кикимора может не только помочь, но также и погубить – «съесть мышонка-Катю».

Таким образом, сюжетные и мотивные переклички, сходство проблематики, практически идентичная система образов говорит о том, что перед нами структурно похожие романы – это романы-инициации о девочках-подростках. В начале героини находятся в до-рефлекторном «детском состоянии», сталкиваются с тяжелой психологической ситуацией, с помощью «волшебного помощника» –

«младшей сестры» и/или куклы/мышки переходят к действиям, в процессе которых взрослеют и проходят обряд посвящения во взрослую жизнь: Цзинь Лин становится «умницей», а Катя хорошей «невывросшей», чтобы потом стать хорошей «выросшей». Есть в романе Хуан Бэйцзя еще один «волшебный помощник» – старая учительница Син. Цзинь Лин попадает к ней как по сказочному сюжету: залезает в чужой сад, чтобы добыть листья шелковицы для своих гусениц шелкопряда, встречает строгую старушку, которая не дает ей уйти: «Цзинь Лин вовсе не собиралась следовать за старушкой, но ноги, не слушая приказы головы, двигались сами собой, будто старуха их заколдовала» [Хуан Бэйцзя, 2017, с. 213]. И старушка, подвергнув Цзинь Лин разным испытаниям (допрашивает, заставляет рассказывать веселые истории из школьной жизни), заключает с ней договор: она помогает с математикой, а Цзинь Лин никому не говорит о ее существовании. Старички и старушки – сказочный образ, связанный с волшебной помощью главному герою. И хотя часто главный герой не проходит испытания, он все равно получает эту помощь. Так и с Цзинь Лин: она все же проболталась об учительнице Син, и утратила возможность встретиться с ней, но помощь учительницы не прошла даром: та как будто поделилась с девочкой успехом в изучении математики. Помощи стра-

ной учительницы достаточно, чтобы завершить историю хэппи-эндом. В роли «старушки-помощницы» в «Калечиной-Малечиной» выступает та же Кикимора. Многократно подчеркивается, что Кикимора совмещает в себе и сущность ребенка, и сущность старушки. Даже в ипостаси телесной Кикиморы этот образ многолик: порой беззащитный ребенок, порой опытная мифологическая старушка, хранящая утраченные секреты, порой животное-монстр.

Однако в романе русской писательницы, где почти все герои – враги-изверги, противопоставленные Кате, на счастливый финал рассчитывать не приходится. С той легкостью, с которой Е. Некрасова вырывает с жизни героини надежду на понимание и заботу, она также «зачищает» финал романа от самых вредных антагонистов: отправляет Веронику Евгеньевну в больницу, а затем на пенсию, Сомова делает увлеченным астронавтикой инвалидом, рассеивает подсомовцев, отправляет Лару с семьей жить за границу, а дядю Юру в психушку, избавляет Катю от отца через развод родителей. Но и этого оказывается недостаточным, чтобы сгладить неприятное, безрадостное и бескатарсисное послевкусие романа. Даже переезд Кати с мамой в Гулливерию (Москву?), и их новая, более налаженная жизнь вдвоем не убеждает читателя в позитивности созданной действительности: «Катя

больше никогда не взяла. По капельке она стала общаться с другими невыросшими, но друзей не заводила. Решила, что ей нужно много думать, чувствовать, слушать, понимать, вспоминать и воображать, а потом уже действовать, чтобы из нее получилась хорошая невыросшая, а следом выросшая. И ничего необычного с ней больше не происходило, только после того дня у нее постепенно исчезли все родинки и пока не появилось новых» [Некрасова, 2018, с. 279]. А финальные, прорывающиеся из глубин Катиного подсознания строчки из песни Кикиморы опять возвращают нас к тому иррациональному началу, нежити, нечистой силе, которая захлестывает Катину жизнь: «Иногда только, во время скучного однообразного труда, к примеру, мытья посуды, она вдруг начинает напевать:

У Калечины одна – деревянная нога,

У Малечины одна – деревянная рука.

«Не покличет ли кто Калечину погадать о вечере?» [Некрасова, 2018, с. 280].

Автор, казалось, расчистил путь хоть для какого-то светлого будущего девочки, но тут же подчеркнул ее аутичность и даже инаковость, грозящие в любой момент сломать «настроенную» нормальную реальность. Финал забирает тот светлый лучик, который возник, когда героиня осознала свою зна-

чимость: «Невыросшая подумала, что стала теперь везучая, как Лара.

«Нет, я везучая, как я!» – это подумала Катя». [Некрасова, 2018, с. 243].

«– У тебя, что ли, праздник? – это спросила кассирша, пропуская через красный сканерский глаз всю эту Катину мечту.

– Да! – совсем как счастливая невыросшая ответила Катя» [Некрасова, 2018, с. 255–256]. Строя с детьми снежную крепость, Катя, становится похожа на нормального ребенка: «Катя не представляла до этого вечера, что можно быть счастливой, просто делая что-нибудь вместе со всеми» [Некрасова, 2018, с. 258].

Почему ощущение чуда, которое, кажется, случилось все-таки с Катей, когда она почувствовала счастье от своей состоятельности, нужности, проявившейся в совместной игре с детьми во дворе, сменяется безысходностью и отчаянием, попыткой самоубийства? Да, инициация, может закончиться плачевно, но Катя ее прошла! Возникает вопрос, почему история Цзинь Лин, не имеющая таких глубоких мифологических корней, как история Кати, тем не менее, получает вполне закономерный сказочный финал и отчетливые очертания романа-инициации, а повествование о Кате – нет?

Конечно же, ни одному китайскому исследователю не пришло в голову интерпретировать роман Хуан Бэйцзя как «реинкарнацию»

сказки, хотя доля сказочности и вымысла, однозначно, в повествовании присутствует. Наша трактовка подразумевает более глубокое погружение в мифологическую основу текста и, как нам кажется, через сравнение с романом Е. Некрасовой, доказывает наличие этой глубинной основы в романе Хуан Бэйцзя. Но инобытие не прорывается в реальность в повествовании китайской писательницы. Все повествование выдержано в реалистической манере, и это традиционный для китайской литературы реализм, берущий начало в соцреализме. Китайские исследователи и читатели романа «Я стану умницей» видят в нем, прежде всего, правдивый слепок с действительности, удачную типизацию образов и сюжета, затем ценную своим поучительным смыслом дидактическую сказку для детей, родителей и учителей. И даже художественное новаторство романа служит этой цели: «Цель повествовательной стратегии Хуан Бэйцзя – научить читателей – родителей и учителей обращать внимание на окружающих их детей и понимать их внутренний мир» [钟名诚, 2009, с. 46]. Как ни странно, рассмотренный в последнем аспекте роман Хуан Бэйцзя вновь обнаруживает художественное сходство и контраст с романом русской писательницы. Почти все события романа Е. Некрасовой показаны через призму сознания Кати. Создается особая сказовая манера, стремяща-

ся отразить ментальность девочки, ее своеобразное восприятие мира, которое отчасти соответствует восприятию аутичных детей [Павлов, 2016]. Роман Хуан Бэйцзя также частично создает внутренний мир Цзинь Лин (наряду с другими точками зрения и повествователями). Но этот внутренний мир отражает не «платоновское» экзистенциальное состояние заброшенности и неприкаянности нелюбимого ребенка, а лирически преобразованное, приукрашенное невинностью детской души восприятие реального мира: «Мир в глазах детей «поэтично» перевоплощается, и даже некрасивые вещи становятся красивыми и яркими. <...> Писатель осознал силу «поэтическую» функцию перспективы детского видения и использовал тонкий язык для передачи искренних эмоций, устраняя лицемерие и уродство в мире взрослых» [孙琼, 2012, с. 27]. Катин сознание, наоборот, еще более деформирует реальность, лишая ее любых светлых тонов и надежды на теплые человеческие отношения. Именно Катин взгляд, видящий в подтеках на потолке небывалые картины, способен разрушить границы реальности и впустить в жизнь потустороннюю силу.

В российском литературоведении была попытка трактовать мифологическую линию «Калечиной-Малечиной» как проявление внутреннего мира героини. Многие исследователи современной подростковой литературы пишут о фено-

мене «эскапизма», желания ребенка или подростка уйти в иную, созданную им реальность от травматичной действительности бытия. Но роман Е. Некрасовой идет дальше: «Самопогружение героини – школьницы Кати тоже является защитой от мира, в котором она не находит ни помощи, ни теплоты, ни поддержки. В школе над ней смеются и считают бесперспективной, родители выступают в роли судей, да они и друг с другом постоянно ссорятся. И вот в жизни Кати появляется странное существо, которое помогает девочке решить все ее проблемы. И не только ее, кстати. Особенность данного сюжета в том, что вымышленная реальность – не сознательно вымышленная, она переплетается, смешивается с настоящим миром до такой степени, что может влиять на события. Да это, в общем, и не вымышленный мир, это мифологическое сознание прорисовывается сквозь радио. Когда разум и логика не работают, эффективным становится другое оружие, другой способ взаимодействия с реальностью» [Борода, 2020, с. 603]. Поэтому о романе Е. Некрасовой пишут как о «магическом реализме»: «Можно отметить, что Кикимора – это своего рода Альтер-эго Кати, своеобразное воплощение чувств тоски, ненужности и злости, которые испытывает героиня. Но этот образ приобретает характер, Кикимора может строить отношения с людьми, помогает Кате, спасает ее от

насилия, но при этом сохраняет свою исконно магическую атрибутику (эпизод с беременной в электричке или наказание дяди Миши, после которого он сошел с ума)» [Осипова, 2020, с. 260].

Что же должен увидеть читатель в «Калечиной-Малечиной»? Сказочной развязки роман не получил, пройденная героиней инициация не спасла ее от попытки самоубийства, помощь Кикиморы по итогу оказалась бесполезной, да и была ли помощью? Такое разочарование приводит особо чувствительных к выверенности жанра рецензентов к негодованию: «Тема травли в школе раскрывается примитивно и выглядит фальшиво»; «Дима Сомов (так автор бесхитростно отсылает нас к повести В. Железникова «Чучело») при любом удачном случае называет Катю «дебилкой». Что ж, не слишком оригинально, зато честно»; «Наконец, возникают и сомнения о ее умственных способностях, когда Лара резонно высмеивает подругу за незнание, что стихотворения пишутся в столбик. Как итог, сопереживать Кате невозможно, она вызывает брезгливое чувство раздражения. И когда класная грозит перевести ее в школу «на Савушкина» для отстающих детей – это не выглядит как катастрофа, вероятно, ей там было бы действительно лучше»; «А где же кикимора, спросите вы? Столько восторженных отзывов об участии этого фольклорного персонажа в романе. Но на деле писать о ней

особо-то и нечего. Этот герой, который намеками и мелкими шалостями проявляется еще в начале, нужен роману как собаке пятая лапа, или если угодно, рояль в кустах» [Рожков, 2019]. Автор рецензии прямо признается в своем разочаровании: «Ожидаешь, что Катя сейчас воспрянет духом, вспомнит все былые обиды и... И ничего не меняется. Как «катилась» Катя раньше, так она и «колошматится» во второй части романа» [Рожков, 2019]. Однако, нам кажется, что многие читатели и рецензенты просто не дошли до настоящей глубины романа. Если рассмотреть итог, то автор неоднозначно говорит, что Катя прекратила «колошматиться», она вышла из первоначального состояния, она прошла инициацию. Но ее инициация не похожа на ту, которую проходила Цзинь Лин. Китайская школьница должна была (при всеобщей помощи и поддержке, даже порой волшебным образом «случайной») выдержать психологическое давление школы и научиться быть более взрослой, чтобы отвечать за свои результаты образования. А у Кати задача не преодолеть гнет учебы, а выжить в нечеловеческих условиях отсутствия любви. Она должна «выстоять» в этой страшной игре «Калечина-Малечина»: сохранить свою чистую душу и не погибнуть. И это Кате удается. Она вырывает у мира капельку настоящей материнской любви, которой хватает не только на то, чтобы сделать существова-

ние Кати приемлемым, но и на то, чтобы изменить к лучшему судьбу Катиной мамы. Поскольку именно мамина жизнь изменилась кардинально после истории с Кикиморой, изменилась вопреки привычному и уже инерционному движению. Поэтому мы понимаем, что в романе «колошматилась» не одна Катя, что отсутствие любви и заботы не было просто «халатностью» родителей. «Колошматятся» в романе буквально все, все страдают от нелюбви и агрессии в большей или меньшей степени, поэтому и превращаются в монстров, теряют человеческий облик: «учительница-завр», «монстр Лары»... Стилистика текста такова, что создает особый мир, где любви нет места. Израненные монстры продолжают тиранить друг друга. Каждый акт агрессии, направленный против Кати, больно режет по сердцу читателя. И, конечно, ни о каком, даже «магическом» реализме в этом потерявшем любые человеческие очертания мире здесь говорить не приходится. Автор сознательно убирает из текста хоть какое-то утешение, она собрала воедино те вроде бы незаметные каждодневные проявления человеческого безразличия, нелюбви, агрессии, с которыми мы все сталкиваемся. Поэтому нравственная сила «Калечиной-Малечиной» намного превосходит силу дидактики Хуан Бэйцзя. Перед нами сюрреалистический роман о нелюбви, приводящей к выплеску хтонической потусторон-

ней силы, способной погубить душу, возникшей из погубленных душ. Но именно ужас встречи с этим позволяет и Кате, и ее маме найти выход из ситуации, обрести хоть маленький, но настоящий огонек «лечащей» любви и заботы друг о друге. Поэтому роман Е. Некрасовой не о школьнице, а о каждом из нас. И он заставляет нас

не просто задуматься, а, отшатнувшись в ужасе, предпринять попытку изменить мир в ту сторону, когда «хорошее» в нем «не истощается». Роман учит нас всех не проходить мимо творящегося акта хамства, безразличия, и агрессии, а вместе с «невывосшей» крикнуть: «Вы не имеете права так делать!» [Некрасова, 2018, с. 264].

Библиографический список

1. Борода Е. В. «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология, 2020
2. Зебрева Ю. Жизнь китайских школьников в романе «Я буду умницей» (рецензия). URL: <https://magazeta.com/book-huang-beijia-school/>
3. Некрасова Е. Калечина-Малечина. Москва : АСТ, 2020. 284 с.
4. Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта // Научный диалог, 2020, № 11.
5. Павлов А. В. Аутичные дети пересказывают фильм: некоторые результаты психолингвистического эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 147–149.
6. Рожков А. Книга «катится-колошматится»: рецензия на роман Евгении Некрасовой «Калечина-малечина». URL: <https://aesthesis.ru/blogs/wolfcritic/kalechina-malechina2019>
7. Салаева А. К. Философско-эстетическое изучение феномена куклы // Международное научно-исследовательское журнал, № 2 (44), Часть 4, Февраль. Т. 6. № 23. С. 599–607.
8. Хуан Бэйцзя Я буду умницей. Москва : Из-во восточной литературы, 2017.
9. Чарская-Бойко В., Иванкина М. Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика // Детские чтения, 2015. Том 8. № 2. С. 173–190.
10. Шиповская Л. П. Кукла как неотъемлемая часть эстетической культуры, человеческих традиций и человеческого опыта // Сервис Plus, 2012. № 4.
11. Яковлева О. В. Концептуальное значение инициации в русских народных сказках // Филология и человек. 2014. № 4.
12. 孙琼. 论黄蓓佳儿童小说的诗化叙事. 安徽文学, 2012 年第 7 期.
13. 谭旭东. 超越于童年生命的书写 – 评黄蓓佳儿童小说新作. 当代作家评论 · 2011 年第 2 期.
14. 钟名诚 · 徐琼. 试论黄蓓佳儿童小说的叙事策略. 湘南学院学报 · 2009 年 8 月.

15. 周舒暢. 黄蓓佳儿童小说的叙事策略探析. 名作欣赏：文学研究下旬, 2012.

Reference list

1. 1. Boroda E. V. «Chestnoe begstvo» sovremennogo geroja: problema jeskapizma v podrostkovoju literature XXI veka = The «honest escape» of the modern hero: the problem of escapism in XXI-century teenage literature // Neofilologija, 2020
2. Zebreva Ju. Zhizn' kitajskih shkol'nikov v romane «Ja budu umnicej» (recenzija) = Chinese schoolchildren's lives in the novel I'll Be Smart (review). URL: <https://magazeta.com/book-huang-beijia-school/>
3. Nekrasova E. Kalechina-Malechina. = Kalechina-Malechina. Moskva : AST, 2020. 284 s.
4. Osipova O. I. Magicheskij realizm skvoz' prizmu hudozhestvennogo konflikta = Magical realism through the prism of artistic conflict // Nauchnyj dialog, 2020, № 11.
5. Pavlov A. V. Autichnye deti pereskazyvajut fil'm: nekotorye rezultaty psiholingvisticheskogo jeksperimenta = Autistic children retelling the film: some results of a psycholinguistic experiment // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2016. № 12(66): v 4-h ch. Ch. 4. C. 147–149.
6. Rozhkov A. Kniga «katitsja-koloshmatitsja»: recenzija na roman Evgenii Nekrasovoj «Kalechina-Malechina» = The book «rolling-banging»: a review of Yevgeniya Nekrasova's novel Kalechina-Malechina. URL: <https://aesthesis.ru/blogs/wolfcritic/kalechina-malechina2019>
7. Salaeva A. K. Filosofsko-jesteticheskoe izuchenie fenomena kukly = Philosophical and aesthetic study of the doll phenomenon // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, № 2 (44), Chast' 4, Fevral'. T. 6. № 23. S. 599–607.
8. Huan Bjejcza Ja budu umnicej. = I will be a smart girl. Moskva : Iz-vo vostochnoj literatury, 2017.
9. Charskaja-Bojko V., Ivankiva M. Social'naja tematika v sovremennoj rossijskoj literature dlja podrostkov: mirovaja tradicija i nacional'naja specifika = Social themes in contemporary Russian teenage literature: global tradition and national specificity // Detskie chtenija, 2015. Tom 8. № 2. S. 173–190.
10. Shipovskaja L. P. Kukla kak neot#emlemaja chast' jesteticheskoi kul'tury, chelovecheskih tradicij i chelovecheskogo opyta // Servis Plus, 2012. № 4.
11. Jakovleva O. V. Konceptual'noe znachenie iniciacii v russkikh narodnyh skazkah = Conceptual meaning of initiation in Russian folk tales // Filologija i chelovek. 2014. № 4.
12. 孙琼. 论黄蓓佳儿童小说的诗化叙事. 安徽文学, 2012年第7期.
13. 谭旭东. 超越于童年生命的书写 – 评黄蓓佳儿童小说新作. 当代作家评论, 2011年第2期.
14. 钟名诚, 徐琼. 试论黄蓓佳儿童小说的叙事策略. 湘南学院学报, 2009年8月.
15. 周舒暢. 黄蓓佳儿童小说的叙事策略探析. 名作欣赏：文学研究下旬, 2012.

УДК 821.054.7

Н. Ю. Букарева

<https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

**Тема взаимоотношений художника и власти в диалогии
Сергея Максимова «Денис Бушуев» и «Бунт Дениса Бушуева»**

Для цитирования: Букарева Н. Ю. Тема взаимоотношений художника и власти в диалогии Сергея Максимова «Денис Бушуев» и «Бунт Дениса Бушуева» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 62–72. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-62-72

В данной статье рассматривается своеобразие решения проблемы взаимоотношений творческой личности и государства в диалогии писателя-эмигранта Сергея Максимова. Автор работы полагает, что этот вопрос относится к числу аксиологических, так как связан с моральным выбором художника. Взаимоотношения творца и власти находятся в прямой зависимости от исторической ситуации и политического режима. В романах на примере разных персонажей показаны варианты диалога власти и художника. Выбор героев во многом обусловлен сталинской эпохой, тотально ограничивающей свободу личностного самовыражения творца. Один из вариантов поведения героев – приспособление к режиму, как следствие – потеря индивидуальности, письмо по социальному заказу, создание шаблонных соцреалистических текстов, участие в утверждении «сталинского мифа», но комфортное в материальном смысле существование и отсутствие репрессивных методов со стороны государства. Максимов говорит о деградации художественного уровня произведений соцреализма, создающихся по инвариантной модели, следствием чего является унификация творческой индивидуальности. Важна прозаику и проблема этического авторитета самого художника, мысль о моральной ответственности писателя, своими произведениями укрепляющего позиции преступного режима. Другой вариант выбора – попытка обретения свободы самовыражения, оппозиция власти, итогом чего становится уничтожение творца системой. Оба варианта выбора объединены тем, что это отношения изначально неравных сил, поэтому их диалог неконструктивен.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции, политика и искусство, творческая личность и тоталитарное государство.

N. Y. Bukareva

**The theme of relations between the artist and power in Sergey Maximov's
dilogy Denis Bushuyev and Denis Bushuyev's Rebellion**

This article examines the unique solution to the problem of the relationship between the creative personality and the state in the dilogy of the émigré writer Sergei Maximov. The author believes that this question is axiological, as it is related to the moral choices of the artist. The relationship between the artist and the authorities is directly linked to the historical situation and the political regime. The novels show different characters through the dialogue between the authorities and the artist. The choice of heroes is largely due to the Stalinist era, which totally restricted the artist's freedom of personal expression. One variant of the characters' behaviour is to

adapt to the regime, with the consequent loss of individuality, writing to social order, creating stereotyped socialist-realistic texts, participating in establishing the «Stalinist myth», but living comfortably in the material world and without state repression. Maksimov speaks about the degradation of the artistic level in socialist realistic works that follow an invariant model, which results in the unification of creative individuality. Another important issue to the novelist is the artist's ethical authority, the idea of the moral responsibility of the writer strengthening the position of the criminal regime through his works. Alternatively, one can choose to find freedom of expression, opposition to power, leading to the destruction of the artist by the system. What both choices have in common is that it is a relationship of initially unequal forces, so their dialogue is not constructive.

Key words: second wave of emigration, politics and art, creative personality and totalitarian state.

Взаимоотношения художника и власти относятся к вечным вопросам. Во все времена творческая личность рефлексировала по поводу своей зависимости или независимости от сильных мира сего, равно как и государство подчиняло или давало свободу самовыражения людям искусства. При этом инициатором конфликта может быть не только власть, но и, по справедливому замечанию Л. Булавки, сам художник может его порождать [Булавка, 2009]. «Политика может использовать различные силовые формы давления на культуру и ее носителей, но культура также располагает своими средствами обратного воздействия, например, критикой, осуждением и т. д.» [Нисневич, Орлов, 2014, с. 97]. «Власть как общественный институт не может не зависеть от социокультурных процессов в обществе, традиций и ценностей, на которых она обретает основание» [Нисневич, Орлов, 2014, с. 96–97]. Следовательно, этот процесс всегда является двусторонним.

Кроме того, взаимоотношения художника и власти находятся в прямой зависимости от исторической ситуации и политического режима. Очевидно, что полюсами являются демократические формы правления, больше настроенные на диалог-сотрудничество, и авторитарные, подавляющие свободу личностного самовыражения и подчиняющие талант решению задач государства. Соответствуют им и формы (модели) поведения художника, которые в упрощенном виде сводятся к взаимодействию или конфронтации. При этом можно утверждать, что «наиболее продуктивной с точки зрения художественной деятельности является модель их противостояния и различные ее модификации» [Липский, 2012, с. 89]. Например, «в самодержавной России с ее непримиримым отношением к революционным настроениям в среде демократически настроенной части интеллигенции (литературной в том числе) давление власти, как ни странно, породило шедевры творчества А. Пушкина, М. Лермонтова,

Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Некрасова и др.» [Липский, 2012, с. 90]. Эти крайние модели поведения творца могут «представать либо в «чистом» виде, либо ... своеобразным образом «стыковаться», либо проявляться в синтезированном виде. При этом место, время, конкретность ситуации, психология творца определяют формирование определенной модели взаимодействия и ее модификаций» [Липский, 2012, с. 89].

В истории мировой литературы можно видеть множество вариантов сложных, подчас неоднозначных взаимодействий творцов и власти. «...мы имеем примеры различной степени конфронтации между художником и обществом, своеобразных отношений Перикла и Фидия, Нерона и Сенеки, Медичи и Леонардо, Николая I и Пушкина, Ленина и М. Горького, Сталина и Булгакова. Диалоги между субъектами власти и творчества наиболее наглядно моделируют социокультурные отношения. Социальная нестыковка Пастернака, Ахматовой, Мандельштама породила тот самый художественный «ворованный воздух», из которого формируется реальная картина отношений художественной личности с властью» [Харитонов, 2017, с. 121]. Судьбы писателей второй половины XX века являют примеры не менее сложных отношений с государством: В. Некрасов, А. Солженицын, И. Бродский, А. Синявский («Синявский на себе

испытал мертвящую власть идущих отовсюду «руководящих указаний», в течение всей своей творческой жизни был объектом яростных нападок и обвинений с разных сторон...» [Карпов, 2012, с. 114]). В любом случае каждый художник, определяя для себя модель поведения с властью, стоит перед моральным выбором.

Проблема взаимоотношений творца и государства не только существует в биографическом аспекте, но и является предметом художественного осмысления. Об этом размышляли в своих произведениях М. Ломоносов и Г. Державин, А. Пушкин и М. Лермонтов, М. Горький и М. Булгаков. Обращались к ней и писатели-эмигранты, в частности, один из прозаиков второй волны эмиграции Сергей Максимов. Он рассматривает этот вопрос в романах «Денис Бушуев» (1948) и «Бунт Дениса Бушуева» (1956).

«Имя Сергея Максимова практически неизвестно на родине. Между тем, его первый роман «Денис Бушуев» вызвал положительную оценку скупого на добрые слова И. А. Бунина, писавшего автору: «Вы несомненно талантливы. В романе Вашем много страниц интересных, своеобразных, есть лица оригинальные и хорошо изображенные». Понравился роман и таким признанным литературным мэтрам послеоктябрьской эмиграции, как Б. Зайцев, М. Алданов, М. Карпович» [Агеносов, 2014,

с. 102]. «Сергей Сергеевич Максимов родился 1/14 июня 1916 г. в сельце Чернопенье Костромской губернии в крестьянской семье» [Любимов, 2009]. Максимов – это псевдоним писателя, «сведения о настоящей фамилии разнятся: в США его брат жил под фамилией Пашин, краевед и литературовед А. Любимов утверждает, что правильно говорить Пасхин; вдова Н. Пашина называла <...> фамилию Паршин» [Агеносов, 2014, с. 102]. «С 15-летнего возраста Максимов печатался в детском журнале «Мурзилка», юношей публиковался в молодежном журнале «Смена». Это позволило ему легко поступить в 1934 г. в Литературный институт. Проучился он недолго: в 1936 г. его вместе с двумя товарищами арестовали за неосторожный разговор при обсуждении фильма «Человек-невидимка» и приговорили к 5 годам лагерей в страшном Печорлаге (160 км от Сыктывкара). После освобождения писатель оказался в Смоленске, вскоре оккупированном немцами. За опубликованные под фамилией матери (Широков) книгу стихов и повесть «Сумерки» был арестован гестапо и отправлен в Германию, где с 1943 г. сотрудничал в основанной немцами эмигрантской газете «Новое слово» и писал рассказы о ГУЛАГе. Однако весь тираж отпечатанной книги рассказов «Алый снег» погиб во время бомбардировки Лейпцига. <...> Оказавшись в конце войны в Гамбурге, в лагере

Менхегоф для перемещенных лиц, находившемся в американской зоне, Максимов стал одним из создателей и редакторов журнала второй эмиграции «Грани» [Агеносов, 2014, с. 102]. «Там же, в Менхегофе, Максимов написал свой первый роман «Денис Бушуев» (опубликован в «Гранях» в 1949 г., отдельной книгой в 1950 г. (издательство «Посев»)). <...> В 1949 г. Максимов переехал в США... <...> Здесь он написал роман «Бунт Дениса Бушуева» (опубликован в изд. Чехова в 1956 году)» [Агеносов, 2014, с. 103].

События диалогии развиваются в годы сталинского правления, когда проблема взаимоотношений художника и власти была очень острой. Сергей Максимов показывает на примере ряда персонажей различные варианты ее решения.

Первый из них связан с образом Белецкого – талантливого архитектора, умного и разносторонне образованного человека. Персонаж, при всей ненависти к советскому режиму и объективном понимании, что власть лишает современных художников свободы (заковывает, по его выражению, в «идеологические цепи»), идет с ней в ногу. По его проекту выполняется один из объектов соцзаказа: «„Дворец пионеров“ <...> ...вызвал всеобщее восхищение. Журналы и газеты пестрели снимками с дворца, очерками об отдельных рабочих и инженерах, строивших здание. „Правда“ поместила большую статью об ав-

торе проекта. А в ноябре Президиум Верховного Совета наградил архитектора Белецкого орденом Ленина» [Максимов, 1974, с. 160]. При этом герой абсолютно осознает свое «соучастие» в режиме («Прославил я эпоху нашу...» [Максимов, 1974, с. 283]), что вызывает в нем нравственные муки, но идти на конфликт с государством он не хочет, предпочитая благополучную жизнь.

Схожее поведение выбирает для себя еще один персонаж романа – поэт Борис Густомесов. У него нет, подобно Белецкому, ненависти к режиму, есть лишь адекватная, порой циничная оценка происходящего и своей роли в этом. Нет у него и внутреннего конфликта, напротив, он гордится и собственным творчеством, и известностью (его песню «Два пилота» «распеваает вся страна»), и материальными поощрениями от государства. При этом, кроме официальной поэзии, Густомесов создает стихи неподцензурные и читает их в узком кругу: «...ответил, что стихи эти предназначены для души, а не для печати, и что нигде не были изданы, и издавать их он не собирается. Нелли же добавила: „Да если б ты и захотел издать, то все равно, несмотря на твое имя, не издали бы...”» [Максимов, 1974, с. 237]. Подобная двойная жизнь несколько не беспокоит Густомесова, он извлекает выгоду от сотрудничества с властью – слава, денежные вознаграждения, ордена: «Утром он получил <...>

письмо от издательства „Советский писатель” с уведомлением, что его новая книга стихов на днях выйдет в свет и что автор может получить гонорар – 10 000 рублей»; может «легко, бездумно» проиграть в карты «за полминуты» трехмесячное жалование простого рабочего. Так, посредством этого героя писатель демонстрирует, что отношения художника и власти могут быть взаимовыгодны, но с эпоху тоталитаризма компромисс с государством ведет создателя к деградации, в том числе моральной.

Своего рода творческое «раздвоение» («для души» и «для печати»), как способ существования в сталинские годы, выбирает не только прославленный поэт Густомесов. Главный герой, Денис Бушуев, став известным писателем и общаясь с начинающими авторами, отмечает, что даже они осознают необходимость подобного разделения своих произведений. «Один за другим юноши и девушки стали читать свои стихи и рассказы. И, слушая их, Денис уловил одну удивительную особенность: ребята прекрасно понимали – как и что надо писать в расчете на то, чтобы попытаться пристроить свою вещь в печать. Ни один из них ни на йоту не отступил от принятого стандарта, которым пользовались и крупные писатели. <...> Плохо было одно: все рассказы были построены по одному образцу: мальчишки-пионеры или девочки-пионерки непременно совершали в конце

каждого рассказа какой-нибудь удивительный, героический поступок. <...> Бушуев не переставал дивиться на то, с какой безошибочной точностью ребята делили свои произведения на те, что могут попасть в печать, и на те, что писались, как принято говорить, – для себя» [Максимов, 1956, с. 78–79]. Это «раздвоение», по сути своей вынужденное, ведет личность к лицемерию как внутренне принятой этической норме. Кроме того, Максимов показывает и деградацию художественного уровня произведений соцреализма, создающихся по инвариантной модели, следствием чего является унификация творческой индивидуальности.

Но есть в произведении и другой тип отношений художника и власти, реализованный в образе Ивашева – зятя Белецкого, молодого и талантливого режиссера: он снимает фильм, не соответствующий запросам власти. Максимов показывает роль критики в сталинские годы, когда кардинально поменялась функция рецензента: он не просто дает оценку работе, а подчас становится вершителем судьбы автора. (Вспомним, что эта идея является одной из важнейших в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). «В середине декабря вышел на экраны столицы фильм «Дорога к счастью», поставленный мужем Жени – режиссером Ивашевым. Несколько газет второстепенного значения – «Труд», «Гудок», «Вечерняя Москва» – поместили хвалебные

рецензии, но упорно молчала «Правда». Ивашев нервничал, дожидаясь голоса «кузнеца идеологии», как он в шутку называл «Правду». Он знал, что одного слова, произнесенного рупором партии, достаточно, чтобы обесценить все эти рецензии и повернуть его судьбу. Примеров этому было сколько угодно. Он хорошо помнил нашу-мешую в 1934 году историю с фильмом «Чапаев», когда «Правда» не пожалела даже свою младшую сестру – газету «Известия», поместившую скверный отзыв о фильме, разнесла ее в пух и прах, стерла с лица земли рецензента и предложила трудящимся смотреть этот удивительный фильм организованно, целыми фабриками и заводами, со знаменами и плакатами в руках. Но также хорошо помнил Ивашев и другую историю с фильмом «Родина», демонстрировавшимся всего три дня и бесследно исчезнувшим вместе с режиссером после одного только короткого удара наотмашь „кузнеца идеологии”» [Максимов, 1974, с. 160–161]. Отметим, что в данном фрагменте Максимов обращается к реальным фактам, связанным с историей фильмов «Чапаев» и «Моя Родина», что помогает ему достоверно передать эпоху. Подобные примеры соединения авторского вымысла, связанного с судьбами персонажей, и фактографического материала встречаются в романе неоднократно.

Следствием такой рецензии «Правды» становится арест и ссыл-

ка Ивашева. Белецкий корит себя за произошедшее, так как когда-то позволил себе обсуждать с зятем понятие честности в искусстве, критикуя за ее отсутствие советских художников. «Я требовал максимального приближения к правде, такого максимального, чтобы только чуть-чуть перескакивать цензуру. Он, видимо, понял меня не совсем точно и решил в „Дороге к счастью” показать правду. И вот – результат» [Максимов, 1974, с. 285]. Так, на примере образа Ивашева Максимов показывает проблему выбора художника между внешним давлением и внутренним нравственным законом и неизбежность жертвы во имя истины в годы репрессий.

Свой путь в поисках личностной позиции как творца проходит и главный герой дилогии – Денис Бушуев. Он, в отличие от других персонажей, писатель-самородок, любовь и способность к поэтическому слову он открыл в себе сам. Родившись в семье, далекой от искусства (все его предки по мужской линии – «водники»), Денис исключительно благодаря самообразованию и упорству реализует мечту – писать. Все это объясняет искреннее недоумение юноши, далекого от творческой среды, почему Густомесов создает разные стихи и по темам, и по художественным достоинствам, когда творит «для души» и «для печати». Одним из первых произведений, прославивших Бушуева, становится поэма «Мат-

рос Хомяков», написанная, по характеристике жены Белецкого, «талантливо, но уж больно „красно”» [Максимов, 1974, с. 282]. Денис, создавая ее по всем канонам социализма, делает это не из корыстных побуждений, как Густомесов, а искренне веря в то, о чем пишет: «Один заблуждается по простоте душевной, а другой, глубоко презирая все советское, тенорком восхваляет величие Сталина...» [Максимов, 1974, с. 282]. Так, Денис, сам не осознавая этого, способствует своим творчеством укреплению режима, выполняя «пропагандистскую услугу»: «искусство могло обучать, информировать или прививать государственную систему ценностей» [Хобсбаум, 2017, с. 42].

Во второй книге Денис – прославленный автор, получающий огромные гонорары, награжденный орденом Ленина, его пьесу «Братья» ставят во всех городах, в МХАТе на спектакле присутствует сам Сталин, именем Бушуева назван теплоход, он покупает дачу в Переделкине, где соседствует с Л. Леоновым, А. Серафимовичем, «Алексеем Большим» (А. Толстым). Причина такого успеха в том, что Денис, оставаясь по-прежнему искренним в своих убеждениях, становится, по сути, «сталинским борзописцем» [Максимов, 1956, с. 26].

Подробно изображает Максимов жизнь советских писателей в Переделкине, «государстве в государстве» [Максимов, 1956, с. 71], под-

черкивая, что почти никому из них неважно сохранить себя как индивидуальность, они не беспокоятся о качествах творений, главное – деньги, дорогие машины, вечеринки с множеством закусок и вина, заграничные поездки. На какой-то период жизни Денис становится одним из них и выполняет ту роль, о которой его жена, Ольга, отзывается очень жестко, называя подобных авторов «адвокатуры убийц» [Максимов, 1956, с. 146]: «Вы не просто преступники. Вы занимаетесь массовым растлением душ, вы обманываете не только свой народ, но и весь мир» [Максимов, 1956, с. 150]. Здесь Максимов говорит об этической составляющей проблемы взаимодействия художника и власти, связанной «с исторической ответственностью искусства, его прямой моральной виной (понимаемой отнюдь не метафизически) в создании опасных мифов» [Есипов, 2007, с. 16]. Власть использует художника в своих целях – пропагандистских, о чем с сарказмом рассуждает один из героев романа: «Э-эх... а и умница же Сталин! Ах, какой умница! Целую армию писателей заставил на себя работать. Понимает, что это – самая сильная из всех армий» [Максимов, 1956, с. 245].

В сознании главного героя постепенно происходит понимание своего истинного положения как творца: «И он, Денис Бушуев, представитель того привилегированного класса, который не только

примирился с властью, но и стал главной опорой ее, наряду с НКВД и с классом крупных партийных работников» [Максимов, 1956, с. 139]. Постепенно в душе Дениса зреет осознание собственной несвободы как художника («Мы лишены свободы...») [Максимов, 1956, с. 150]), раздражение по поводу ранее созданного и осмысленного того, что в действительности происходит в стране. Окончательный перелом в сознании Дениса наступает, когда он начинает работать над произведением об эпохе Ивана Грозного: он открывает для себя параллель этого исторического деятеля со Сталиным и хочет отразить эту мысль в своей новой поэме. Он нарушает «официальный взгляд на Грозного, как на великого русского человека, собирателя России... и так далее... А казни и пытки – не в счёт» [Максимов, 1956, с. 280–281]. Эта поэма стала началом «бунта Дениса Бушуева». Ее читает Сталин, вызывает Бушуева в Кремль, где в личной беседе приказывает «переделать поэму в соответствии с его, Сталина, указаниями» [Максимов, 1956, с. 292]. «С этого момента начинается традиционное для идеологии сталинского правления манипулирование писателем, его зависимость от власти: Денису вручают Сталинскую премию I степени за старую поэму «Матрос Хомяков», затем ему лично звонит Сталин, чтобы узнать, как продвигается работа над переделкой «Грозного». Отметим, что

Сергей Максимов в произведении постоянно проводит параллель между судьбой своего литературного персонажа и реальными фактами из жизни советских писателей (полагаем, что звонок Сталина герою – явная аллюзия на звонок Сталина М. Булгакову в апреле 1930 года)» [Букарева, 2015, с. 46].

Кульминацией второй книги становится выступление Дениса в Колонном зале, транслируемое по радио. Бушуев, нарушая запланированную программу, читает вычеркнутый Сталиным фрагмент из поэмы: «...могуче и страшно стал бросать в зрительный зал железные куски-слова – чудовищное обвинение царю Грозному» [Максимов, 1956, с. 382]. За этим вызовом в адрес власти, которым герой исключает себя из числа тех, кто «пляшет под кремлевскую дудочку» [Максимов, 1956, с. 150], сле-

дует неминуемая расплата: по приказу Сталина его арестовывают, все книги изымают из продажи и из библиотек, конфискуют имущество. В финале романа Денис погибает. Так Максимов показывает, что «даже самая автократическая власть не может принудить всех художников творить исключительно себе в угоду» [Нисневич, Орлов, 2014, с. 99]. Но ценой этой внутренней свободы, как правило, становится жизнь создателя.

Таким образом, в диалогии писателя-эмигранта показано несколько вариантов взаимоотношений власти и художника: взаимовыгодное сотрудничество, подавление свободы – добровольное послушание, подчинение – протест. Данную проблему можно назвать аксиологической, так как она всегда связана с моральным выбором творца.

Библиографический список

1. Агеносов В. В. Бунт Сергея Максимова // Вестник РАЕН. 2014. № 4. С. 102–105. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22786639_30026376.pdf (дата обращения: 01.02.2021).
2. Букарева Н. Ю. Тема судьбы писателя в тоталитарном государстве в романах Сергея Максимова «Денис Бушуев» и «Бунт Дениса Бушуева» // Костромской гуманитарный вестник: рецензируемый периодический научный журнал. 2015. № 1(8). С. 45–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25057575> (дата обращения: 10.02.2020).
3. Булавка Л. Художник и власть (перпендикулярно мифу) // Политический класс. 2009. № 1. С. 97–112. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/10957-xudozhnik-i-vlast-perpendikulyarno-mifu.html (дата обращения: 04.02.2020).
4. Есипов В. В. Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры. Санкт-Петербург, 2007. 24 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003317390.pdf (дата обращения: 10.02.2020).
5. Карпов А. С. А. Синявский / А. Терц: «Писательство – это инакомыслие по отношению к жизни» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2012. № 1. С. 107–118.

URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/a-sinyavskiy-a-terts-pisatelstvo-eto-inakomysliepo-otnosheniyu-k-zhizni/viewer> (дата обращения: 10.02.2020).

6. Липский В. Н. О взаимоотношениях художника и власти в России // Культура и искусство. 2014. № 1(19). С. 62–67. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=28401 (дата обращения: 15.02.2020).

7. Липский В. Н. Художник и власть: модификации взаимоотношений // Фило-софские науки. 2012. № 12. С. 89–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18337774> (дата обращения: 15.02.2020).

8. Любимов А. Между жизнью и смертью. Возвращенные имена: Сергей Макси-мов // Новый журнал. 2009. № 254. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/254/mezhdu-zhiznyu-i-smertyu.html> (дата об-ращения: 01.02.2020).

9. Любимов А. Между жизнью и смертью. Судьба и творчество Сергея Мак-симова. Часть 2 // Новый журнал. 2009. № 255. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2009/255> (дата обращения: 01.02.2020).

10. Максимов С. Бунт Дениса Бушуева. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1956. 405 с.

11. Максимов С. Денис Бушуев. Frankfurt/Main : Посев, 1974. 2-ое изд. 470 с.

12. Нисневич Ю. А., Орлов И. Б. Художник и власть // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 96–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhnik-i-vlast/viewer> (дата обращения: 10.02.2020).

13. Харитонов В. В. Становление отношений художника с властью // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-otnosheniy-hudozhnika-s-vlastyu/viewer> (дата обращения: 11.02.2020).

14. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / пер. с англ. Николая Охотина. Москва : АСТ : CORPUS, 2017. 384 с. URL: https://royallib.com/read/hobsbaum_erik/razlomannoe_vremya_kultura_i_obschestvo_v_dvadtsatom_veke.html#824145 (дата обращения: 10.02.2020).

Reference list

1. Agenosov V. V. Bunt Sergeja Maksimova = Sergei Maximov's rebellion // Vestnik RAEN. 2014. № 4. S. 102–105. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22786639_30026376.pdf (data obrashhenija: 01.02.2021).

2. Bukareva N. Ju. Tema sud'by pisatelja v totalitarnom gosudarstve v romanah Sergeja Maksimova «Denis Bushuev» i «Bunt Denisa Bushueva» = The theme of a writ-er's fate in a totalitarian state in Sergei Maximov's novels Denis Bushuyev and Denis Bushuyev's Rebellion // Kostromskoj gumanitarnyj vestnik : recenziruemyj periodicheskij nauchnyj zhurnal. 2015. № 1(8). S. 45–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25057575> (data obrashhenija: 10.02.2020).

3. Bulavka L. Hudozhnik i vlast' (perpendikuljarno mifu) = The artist and power (per-pendicular to the myth) // Politicheskij klass. 2009. № 1. S. 97–112. URL:

http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/10957-xudozhnik-i-vlast-perpendikulyarno-mifu.html (data obrashhenija: 04.02.2020).

4. Esipov V. V. Dialog «hudozhnik i vlast'» kak innovacionnyj resurs kul'tury = The dialogue «artist and power» as an innovative cultural resource. Sankt-Peterburg, 2007. 24 s. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003317390.pdf (data obrashhenija: 10.02.2020).

5. Karpov A. S. A. Sinjavskij = A. Sinyavskiy / A. Terc: «Pisatel'stvo – jeto inakomyslie po otnosheniju k zhizni» // Vestnik MGU. Serija 9. Filologija. 2012. № 1. S. 107–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-sinyavskiy-a-terts-pisatelstvo-eto-inakomyslie-potnosheniyu-k-zhizni/viewer> (data obrashhenija: 10.02.2020).

6. Lipskij V. N. O vzaimootnoshenijah hudozhnika i vlasti v Rossii = On the relationship of the artist and the authorities in Russia // Kul'tura i iskusstvo. 2014. № 1(19). S. 62–67. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=28401 (data obrashhenija: 15.02.2020).

7. Lipskij V. N. Hudozhnik i vlast': modifikacii vzaimootnoshenij = Artist and power: modifications of the relationships // Filosofskie nauki. 2012. № 12. S. 89–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18337774> (data obrashhenija: 15.02.2020).

8. Ljubimov A. Mezhdz zhizn'ju i smert'ju. Vozvrashhennye imena: Sergej Maksimov = Between life and death. Returned names: Sergey Maksimov // Novyj zhurnal. 2009. № 254. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/254/mezhdz-zhiznyu-i-smertyu.html> (data obrashhenija: 01.02.2020).

9. Ljubimov A. Mezhdz zhizn'ju i smert'ju. Sud'ba i tvorcestvo Sergeja Maksimova. Chast' 2 = Between life and death. Sergey Maximov's life and work. Part 2 // Novyj zhurnal. 2009. № 255. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2009/255> (data obrashhenija: 01.02.2020).

10. Maksimov S. Bunt Denisa Bushueva = Denis Bushuyev's Rebellion. N'ju-Jork : Izd-vo imeni Chehova, 1956. 405 s.

11. Maksimov S. Denis Bushuev = Denis Bushuyev. Frankfurt/Main : Posev, 1974. 2-oe izd. 470 s.

12. Nisnevich Ju. A., Orlov I. B. Hudozhnik i vlast' = Artist and power // Vestnik RUDN. Serija: Politologija. 2014. № 2. S. 96–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhnik-i-vlast/viewer> (data obrashhenija: 10.02.2020).

13. Haritonov V. V. Stanovlenie otnoshenij hudozhnika s vlast'ju = Establishing the relationship between the artist and the authorities // Socium i vlast'. 2017. № 6 (68). С. 120–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-otnosheniy-hudozhnika-s-vlastyu/viewer> (data obrashhenija: 11.02.2020).

14. Hobsbaum Je. Razlomannoe vremja. Kul'tura i obshhestvo v dvadcatom veke = Broken time. Culture and society in the twentieth century / per. s angl. Nikolaja Ohotina. Moskva : AST : CORPUS, 2017. 384 s. URL: https://royallib.com/read/hobsbaum_erik/razlomannoe_vremya_kultura_i_obshchestvo_v_dvadtsatom_veke.html#824145 (data obrashhenija: 10.02.2020).

УДК 821.161.1

Янь Куань

<https://orcid.org/0000-0003-3409-8387>

**Буддизм в мировоззрении персонажей в произведениях
Гайто Газданова**

Для цитирования: Янь Куань Буддизм в мировоззрении персонажей в произведениях Гайто Газданова // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 73–81. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-73-81

В историческом контексте тотального распада, произошедшего в Европе с 1920–1940 гг, особенный интерес к буддизму и буддийскому миропониманию наблюдается в обществе русского зарубежья. С этим связана общая пессимистическая атмосфера среди русских эмигрантов. Из-за разочарования в жестокой реальности, многие из них прибегают к утешению восточной религии, чтобы уйти от круговорота колёса земного бытия. Такое необычное явление заметил молодой писатель Гайто Газданов. Писатель отразил этот психологический феномен в своём художественных произведениях. Основная цель данной статьи заключается в открытии тесно связанной с буддизмом психологической установки у персонажей Газданова. Соответственно, задачей исследования являются выделение главных характеристики буддийского мировоззрения у героев Газданова, анализ рецепции некоторых буддийских понятий у писателя и изучение отношения Газданова к буддийскому учению о жизни и сверхреальности. Материалом для исследования являются романы «Вечер у Клэр» и «Возвращение Будды», которые имеют значимый смысл в ранний и зрелый периоды творчества писателя. Анализ «буддистского текста» в романах Газданова позволяет выявить ряд таких сходных с категорией буддизма психологических черт у персонажей Газданова, как отрешение от большой истории, нарочное отчуждение от реального мира и полусонное медитирование как основной способ познавать мир. В то же время, ряд буддийских понятий, таких как метампсихоз и нирвана, становятся для писателя и темой творчества. Это показывает мистическую сторону творчества Газданова. Вместе с тем в статье делается вывод, что писатель предупреждает и об опасности и вредности присущего этой восточной религии нигилизма и равнодушия к жизни, что в конце концов приводит к исчезновению личности.

Ключевые слова: Гайто Газданов, эмиграция, буддизм, психологическая установка, восток, медитация, метампсихоз, нирвана.

Yan Kuan

Buddhism in the worldview of the characters in Gaito Gazdanov's works

In the historical context of the total disintegration that occurred in Europe between 1920 and 1940, the Russian community abroad was particularly interested in Buddhism and the Buddhist worldview. This is connected with the general pessimistic atmosphere among Russian emigrants. Because of their disillusionment with harsh reality, many of them find consolation in Eastern religion to escape from the whirlwind of earthly existence. Such an unusual phenomenon was

© Янь Куань, 2021

noticed by the young writer Gaito Gazdanov. The writer described this psychological phenomenon in his fiction. The main purpose of this article is to discover in Gazdanov's characters a psychological mindset closely linked to Buddhism. Accordingly, the aim of the study is to highlight the main characteristics of the Buddhist worldview in Gazdanov's characters, analyse the writer's perception of some Buddhist concepts and examine Gazdanov's attitude to the Buddhist teaching on life and surrealism. The material for the study is the novels *An Evening at Clare's* and *The Return of the Buddha*, meaningful in the early and mature periods of the writer's work. The analysis of the «Buddhist text» in Gazdanov's novels reveals a number of psychological traits in the characters that are similar to the category of Buddhism, such as detachment from the major history, deliberate alienation from the real world and dreamlike meditation as the main way of perceiving the world. At the same time, a number of Buddhist concepts, such as metempsychosis and nirvana, become the theme of the writer's work as well. This shows the mystical side of Gazdanov's work. However, the article concludes that the writer also warns of the danger and harm of the nihilism and indifference to life inherent in this Eastern religion, which eventually leads to the disappearance of the personality.

Key words: Gaito Gazdanov, emigration, Buddhism, psychological attitude, East, meditation, metempsychosis, nirvana.

Интерес Г. Газданова к восточной культуре нередко проявляется в его произведениях. К примеру, в финале романа «Вечер у Клэр» в свободной фантазии повествователя японские гавани и тонкие девушки с узкими глазами выступают в качестве символа соблазнения далекого экзотического царства, где героя ждут авантюрное путешествие и волнующее зрелище. А в «Ночных дорогах» автор обращает внимание на китайских кули, умирающих в агонии на дне Парижа. И в произведении «Бомбей» своеобразное описание этого индийского города и подробный рассказ о местных традициях и культуре производят на читателя такое сильное впечатление, что жена В. В. Руднева, одного из редакторов «Современных записок», прочитав этот рассказ, удивилась: «Да когда же Газданов успел побывать в Индии?!» [Никоненко, 1996, с. 31]. В сущности, Восток привлекает Газ-

данова не только своим экзотическим пейзажем и народными обычаями, но и особым типом мышления жителей Востока. Газданов-писатель известен философской мыслью, часто на примере своих персонажей внимательно рассматривает особый психологический комплекс, свойственный мировоззренческой установкой восточной цивилизации. В качестве примера можно взять категорию буддизма в мировоззрении персонажей Газданова.

Интерес Газданова к буддизму, с нашей точки зрения, не случайный. Вспомним необычные исторические условия для тех молодых русских эмигрантов, которых Владимир Варшавский именовал «Незамеченным поколением»: тотальный распад прежнего мира, гражданская война, две мировых войны, вечная разлука с родной землей, скитание по Европе, полная нищеты и одиночества жизнь в чужой культуре.

Такое чувство невыносимости мира и ненужности своего существования встречается, например, в стихотворении Б. Поплавкого:

Не смотри на небо, глубоко
Гаснет желтый свет.
Умирать легко и жить легко –
Жизни вовсе нет.

Жизнь прошла за страхами и снами,

Погасают дальние края.
Нищета заката над домами –
Участь новая моя.

Ты не жил, а ждал и восхищался,
Слушал голос дальний и глухой,
Долго зимней ночью возвращался.
Если нет награды, есть покой
[Поплавский, 2009, с. 256].

В такой ситуации, когда нестабильность, абсурд, случайность, неопределенность являются основным мироощущением, то буддизм, характеризующийся антиисторической позицией, направляющий людей преодолевать страсть и желание, приводящий к медитации о пустоте мира, в конце концов помогает выходить из сансары, и естественно, мог стать утешением для многих русских эмигрантов. Известный поэт Александр Гингер признал, что буддизм для него есть способ гармонизировать «внутреннего себя» и внешний мир. Газданов в мемуарной статье «Память Александру Гингеру» записал диалог с поэтом: «Вы знаете, почему я буддист? – спросил он меня однажды. – Меня всегда привлекало это непрекращающееся пантеистиче-

ское движение, это понимание того, что ничто не важно и что важно все, этот синтез отрицания и утверждения, который дает нам единственную возможность гармонического видения мира <...> Я верю, что ничто не исчезнет бесследно. И если бы я в это не верил, если бы лучшие вещи в нашей жизни были обречены на безвозвратную гибель, было бы слишком трудно, слишком тягостно жить, вы не думаете?» [Газданов, Т. 5, 2009, с. 667–668]. Чувство неопределенности действительного мира и ослабление интереса к живой реальности были характерны для молодых эмигрантов 1930–40 гг. Недаром один из редакторов журнала «Числа» Г. П. Федотов заметил опасность увлечения ухода в нирвану в буддийском учении. Он писал: «Борьба, которая ведется сейчас в мире за человеческий дух, это и есть борьба между Буддой и Христом, между нирваной и вечной жизнью... И я боюсь – хоть и хотел бы ошибиться – что тема смерти оборачивается в „Числах“ темой нирваны» [Федотов, 1931, с. 146].

Уникальный психологический феномен русских эмигрантов тоже привлекает внимание Газданова. Писатель нередко в произведениях наделяет персонажей буддийской мировоззренческой установкой. Это часто проявляется в разочаровании в так называемом «счастье» светской жизни, условности мира, взаимопроникновении внешнего и внутреннего миров, переходе героя

в созерцательность, полусонном состоянии как медитации, отрешении от бытия и концентрации внимания на «внутреннего себя». В этом нетрудно заметить близкий к буддийскому учению психологический комплекс. В буддизме жизнь часто рассматривают как вечный круговорот, полный мучений и страданий (Сансара). Эти восемь страданий присущи всем людям: рождение, старость, болезнь, смерть, разлука с любимым, встреча с тем, кто тебе неприятен, неполучение желаемого и страдание от собственного существования. И причина этих страданий часто заключается в навязчивом стремлении человека к богатству, славе, любви, вечной жизни, успехе, веселости и т. д. Однако в буддийском учении все это является лишь временным как мираж, а весь реальный мир есть фантом: все пусто, все суета. В «Алмазном сутре» так написано, что «Как на сновидение, иллюзию, как на отражение и пузыри на воде, как на росу и молнию, так следует смотреть на все деятельные законы» [Ошо]. Чтобы избавиться от сансары, человек должен распознать условность мира и понимать, что истинную реальность можно постигнуть только с помощью медитации. И в таком состоянии он приобретает вечной покой, освобождение от желания, привязанности и страдания. Это называется «Нирвана», что является высшей целью в Буддизме.

Именно такими мироощущением и психологическими установками наделяет Газданов своих героев. С точки зрения Ю. Матвеевой, в глазах таких персонажей «действительность лишена твердости, стабильности, определенности и однозначности <...> Зачастую это действительность, увиденная изнутри одухотворенного сознания героя, которая непрерывно ускользает, в которой все иллюзия и обман, в которой все неправдоподобно и случайно» [Матвеева, 2009, с. 30]. В качестве примера можно привести Николая Соседова, повествователя романа «Вечер у Клэр». Повествование романа ведется от первого лица. Главный герой всегда находится в полусонном состоянии, переживая смещение реального мира и своей фантазии. Отвергая пошлую реальность, герой возвращается в глубину внутреннего мира и размышляет о смысле жизни с помощью воссоздания «золотого прошлого». Главный герой откровенно признает неумение воспринимать точную реальную форму предмета: «болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неуменье моем ощущать отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной события... Всякий предмет был почти лишен в моих глазах точных физических очертаний» [Газданов, Т. 1, 2009, с. 48]. Хотя главный герой считает, что это его недостаток, но это как раз есть способ познавать

мир в Буддизме. Ведь Истинная реальность не имеет образа и не может быть описана или представлена. Только с помощью созерцательности можно постигнуть истинную реальность. Здесь неспособность героя есть недоверие к реальному миру. И такое недоверие или разочарование в действительности достигает кульминации в момент, когда Соседов реализовал свою долгожданную мечту – он получил Клэр. Однако Соседов не чувствовал себя счастливым, а наоборот, он был разочарован в реализации мечты, потому что он уже больше не мог мечтать о идеальной Клэр, как он всегда мечтал. «И что пройдет еще много времени, пока я создам себе иной её образ и он станет в ином смысле столь же недостижимым для меня, сколь недостижимым было до сих пор это тело, эти волосы, эти светло-синие облака» [Газданов, Т. 1, 2009, с. 47]. Это разочарование в реальности побудило его погрузиться в царство воспоминаний. Находясь в состоянии медитации, повествователь размышлял о том, что такое смерть, что такое истина, какой смысл существования имеет человек, какая цель жизни и т. д. В процессе самоинтроспекции повествователь особенно замечает условность, видимость реального мира. В одном эпизоде повествователь увидел нарастающий слой снега в далеком овраге. Он ярко блестел под солнцем. Повествователь был в восторге, однако, когда подошел к слою снега, он увидел там только рыхлый и грязный снег на черной

земле. «И больше ничего, спрашивал я себя. И жизнь мне показалась такой же: вот, я проживу на свете столько-то лет и дойду до моей последней минуты и буду умирать. Как? И больше ничего?» [Газданов, Т. 1, 2009, с. 53] Подобные истории о фиктивности внешнего образа жизни неоднократно проявляются в романе, что представляет собой один из ключевых лейтмотивов романа. Николай Соседов оказывается первым героем романа Газданова, мировоззрение которого близко к буддизму. Такой тип героя характеризуется отрешением от истории, разочарованием в неопределенности внешнего мира, созерцательным восприятием всего в вечным полусонном состоянии медитации.

Важно отметить, что не только внешний мир в произведениях Газданова представляет собой не истинную реальность, но и даже человеческая жизнь может быть двойственной или больше. Важное для буддизма понятие «Сансара» в творчестве Газданова показано в мистической форме, связанной с сюжетом переселением души. Тема «реинкарнации» появляется в романах «История одного путешествия», «Эвелина и ее друзья» и в рассказах «Водяная тюрьма», «Мэтр Рай», «Воспоминание». В этих произведениях персонажи могут вспомнить эпизоды их прежнего существования. Они как будто живут одновременно в двух жизнях. Так, учительница немецкого языка в романе «История одного

путешествия» помнила, «как была маркитанткой в войсках крестоносцев, в походе Фридриха Барбароссы» [Газданов, Т. 1, 2009, с. 168], а Василий Николаевич в рассказе «Воспоминание» страдает от разных кошмаров, которые есть эпизоды его прежних жизней. Все это свидетельствует о интересе Газданова к теме реинкарнации.

Но рецепция этого понятия у писателя связана с темой вторжения вымысла в реальный мир. Писатель заметил опасность буддийского учения об отрешении от земного бытия, мечты человека о возможности сосуществования некоторых «Я» в разных пространственно-временных измерениях. О такой ситуации рассказывает повествователь «Водяной тюрьмы»: «Я чувствовал всегда, что та жизнь, которую я вел в этой гостинице и которая состояла в необходимости есть, одеваться, читать, ходить и разговаривать, была лишь одним из многочисленных видов моего существования, проходившего одновременно в разных местах и в разных условиях – в воздухе и в воде, здесь и за границей, в снегу северных стран и на горячем песке океанских берегов; и я знал, что, живя и двигаясь там, я задеваю множество других существований – людей, животных и призраков» [Газданов, Т. 1, 2009, с. 644–645]. С одной стороны, мечта о двойственной жизни помогает человеку избавиться от пошлости и нищеты реального мира, но с другой стороны, такая

фантазия может быть вредной, потому что легко приводит к исчезновению очертания своего «Я», к потере личности. Именно поэтому Газданов «называет буддизм соблазнительной религией <...> и даже рассуждает на тему случайности обращения России в христианство, поскольку духовно россияне более склонны к буддизму» [Диешен, 1995, с. 567].

В романе «Возвращение Будды» сам повествователь пережил искушение «Нирваны». Буддийская нирвана представляет повествователю возможность преодоления реальности с помощью духовной силы. Она не только освобождает героя от страданий светской жизни, но и от ограничений определенных пространств, даже от линейного ограничения времени. Личность может быть погруженной во вселенную, поэтому повествователь в разговоре с Щербаковым признавал, что он был увлечен чувством нирваны: «...как в минуты наиболее напряженного душевного существования я неизменно испытывал желание раствориться и исчезнуть... Тогда мне начинало казаться, что я больше не стиснут со всех сторон – несовершенством моих чувств, временем, обстоятельствами, личными и незначительными подробностями моей жизни, моими физическими особенностями» [Газданов, Т. 3, 2009, с. 221–222]. И самое важное еще в том, что повествователь нашел способ преодоления окончания времени в растворе-

нии в коллективном сознании, в нирване. Другими словами, нирвана дает возможность победить смерть: «Я видел, в теоретической и умозрительной перспективе, целую последовательность постепенных моих превращений, и в этой множественности обликов, возникших передо мной, была надежда на какое-то призрачное бессмертие» [Газданов, Т. 3, 2009, с. 185]. Владимир Варшавский четко определил сущность такого бессмертия: «Герой эмигрантской литературы отворачивается от мира, где ему не оказалось ни места, ни дела, и тогда его сознание тонет в разливе живых, причудливо-изменчивых снов, музыки, мечтаний, каких-то странных, то невозможно прекрасных, то безобразных видений и чувств <...> и тогда сердце охватывает великая безумная и вечная человеческая надежда, что вместе с душевным подпольем сознанию откроется что-то, несущее реальное ощущение бессмертия» [Варшавский, 2010, с. 168–169].

Однако Газданов относится к такому подходу с сомнением. С одной стороны, нирвана окончательно отрезает отношение между человеком и окружающим его миром. Человек сосредотачивает внимание на внутреннем мире и ставит абстрактность выше реальной действительности. Чем глубже он погружается в себя, тем более иллюзорным и нестабильным оказывается его реальный мир. С другой стороны, в процессе растворения лич-

ность теряет свою сущность и не может определить границу между «своей» и «чужой», не говоря уже об уникальности человека. В конце концов герой оказывается в сложном психологическом состоянии: «я не мог быть целиком ответствен за свои поступки, не мог быть убежден в реальности происшедшего, мне нередко было трудно определить, где кончается действительность и где начинается бред» [Газданов, Т. 3, 2009, с. 172].

То, что помогает герою бороться с искушением нирваны в романе, есть ответственность и любовь к другому человеку. Благодаря этому, повествователь возвращается в реальность и успешно гармонизирует соотношение реальности и вымысла. Об этом верно отметил С. Кибальник, «именно выход из нирвано-расслабленного состояния посредством целенаправленного, сознательного усилия позволяет герою-рассказчику освободиться от своих уходов и провалов в чужое или воображаемое существование» [Кибальник, 2011, с. 298].

Как мы видим, отношение Газданова к буддийскому мировоззрению весьма сложное. Буддийское мироощущение часто проявляется у персонажей Газданова: разочарование в реальном мире, недоверие к истории и реальности, полусонное состояние и переход в созерцательность. Это мировоззрение коррелирует с особым психологическим комплексом русских эмигрантов: двойственное ощущение мира, ил-

люзия сосуществования некоторых «я» в параллельных мирах, метаморфоза человека, тесно связанная с ключевым буддийским понятием «Сансара». Притом автор привносит в эту тему мистический колорит, актуализируя сюжет «метемпсихоза». Но в то же время, Газданов не согласен с нирваной как окончательной целью жизни. Писатель подчеркивает опасность рав-

нодушия к жизни и потери собственного «Я» из-за растворения в множественных ролях. Для того, чтобы бороться с соблазнением Нирваны, герой Газданова прибегает к таким традиционным гуманистическим понятиям, как любовь, понимание, ответственность за другого, которые становятся лейтмотивами творчества его позднего периода.

Библиографический список

1. Варшавский В. Незамеченное поколение. Москва : Дом русского зарубежья, 2010.
2. Гайто Газданов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Москва : Эллис Лак, 2009.
3. Гайто Газданов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Москва : Эллис Лак, 2009.
4. Гайто Газданов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Москва : Эллис Лак, 2009.
5. Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ: Изд-во Североосетинского института гуманитарных исследований, 1995.
6. Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2011.
7. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург, 2009.
8. Никоненко Ст. Загадка Газданова (Вступит. статья) // Газданов Г. Собр. соч. : В 3 т. Москва : Согласие, 1996. Т. 1.
9. Ошо (Бхагаван Шри Раджниш), Алмазная сутра, или Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутра. пер. Торчинов Е. URL: <http://ariom.ru/litera/sutry/almaz.html> (дата обращения: 02.15.2021).
10. Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1 // Стихотворения. Москва : Согласие, 2009.
11. Федотов Г. П. О смерти, культуре и «Числах» // Числа. 1931. № 4. С. 146. URL: http://www.journals2.rhga.ru/journals/nums.php?SECTION_ID=1840 (дата обращения: 17.02.2021).

Reference list

1. Varshavskij V. Nezamechennoe pokolenie = The unnoticed generation. Moskva : Dom russkogo zarubezh'ja, 2010.
2. Gajto Gazdanov. Sobraenie sochinenij v pjati tomah. T. 1 = Collected Works in five volumes. V. 1. Moskva : Jellis Lak, 2009.
3. Gajto Gazdanov. Sobraenie sochinenij v pjati tomah. T. 3 = Collected Works in five volumes. V. 3. Moskva : Jellis Lak, 2009.

4. Gajto Gazdanov. Sobranie sochinenij v pjati tomah. T. 5 = Collected Works in five volumes. V. 5. Moskva : Jellis Lak, 2009.
5. Dienesh L. Gajto Gazdanov. Zhizn' i tvorcestvo = Gaito Gazdanov. Life and work. Vladikavkaz: Izd-vo Severoosetinskogo instituta gumanitarnyh issledovanij, 1995.
6. Kibal'nik S. A. Gajto Gazdanov i jekzistencial'naja tradicija v russkoj literature = Gaito Gazdanov and the existential tradition in Russian literature. Sankt-Peterburg : ID «Petropolis», 2011.
7. Matveeva Ju. V. Samosoznanie pokolenija v tvorcestve pisatelej-mladojemigrantov. = Generational self-awareness in the work of young émigré writers. Ekaterinburg, 2009.
8. Nikonenko St. Zagadka Gazdanova (Vstupit. Stat'ja) = The Gazdanov Enigma (Introductory article) // Gazdanov G. Sobr. soch. : V 3 t. Moskva : Soglasie, 1996. T. 1.
9. Osho (Bhagavan Shri Radzhnish). Almaznaja sutra, ili Vadzhrachchedika-pradzhnjaparamita-sutra = The Diamond Sutra, or Vajrachhedika-prajnaparamita-sutra / per. E. Torchinov. URL: <http://ariom.ru/litera/sutry/almaz.html> (data obrashhenija: 02.15.2021).
10. Poplavskij B. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1 = Collected Works: in 3 vols. V. 1 // Stihotvorenija. Moskva : Soglasie, 2009.
11. Fedotov G. P. O smerti, kul'ture i «Chislah» = On death, culture and 'Numbers' // Chisla. 1931. № 4. S. 146. URL: http://www.journals2.rhga.ru/journals/nums.php?SECTION_ID=1840 (data obrashhenija: 17.02.2021).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 792.09; 822

И. В. Азеева

<https://orcid.org/0000-0002-2250-4344>

А. А. Перфилов

<https://orcid.org/0000-0003-3164-6368>

**Постсоветская новая драма: макро- и микровселенная
Константина Стешика**

Для цитирования: Азеева И. В., Перфилов А. А. Постсоветская новая драма: макро- и микровселенная Константина Стешика // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 82–92. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-82-92

В центре внимания авторов феномен драматургии Константина Стешика, молодого белорусского драматурга, пишущего на русском языке. Описание данного феномена и его анализ являются целью исследователей. Новизна обеспечена слабой степенью изученности творчества данного драматурга. Актуальность определяется востребованностью драматургии Стешика в современном российском театральном процессе. О творческой состоятельности драматурга свидетельствуют многочисленные победы в российских и международных драматургических конкурсах. Авторы рассматривают творчество Стешика в единстве макро- и микровселенной драматурга: внутреннего мира героев и обстоятельств, в которых они находятся.

Одной из важных задач авторов является стремление определить, на каком фундаменте стоит творчество Стешика. Историко-театральный взгляд в диапазоне от советской белорусской драматургии к творчеству авторов, связанных с известным объединением «Белорусский свободный театр», позволяет обнаружить не фундамент, но почву, из которой во многом вырастает исследуемый феномен.

Авторы отмечают тесную связь драматургии Стешика с таким явлением, как постсоветская «новая драма». С ее появлением на территории стран СНГ на первый план в современном театре выходят социальные проблемы, появляется тема рефлексии о прошлом, как в положительном, так и в отрицательном ключе.

В заключительной части статьи осуществлен анализ особенностей поэтики драматургии Стешика. Анализ позволил зафиксировать яркое художественное своеобразие творческого почерка драматурга. Пьесы Стешика явно расширяют рамки постсоветской «новой драмы». Его голос выделяется на фоне острых социальных высказываний современных драматургов. Яркая метафоричность, близкая традициям литературы «магического реализма», оригинально сочетается с психологическим натурализмом.

Ключевые слова: современная белорусская драматургия, Константин Стешик, постсоветская «новая драма», поэтика современной пьесы, современный театр.

I. V. Azeeva, A. A. Perfilov

Post-Soviet new drama: macro- and microcosm of Konstantin Steshik

The authors focus on the phenomenon of drama written by Konstantin Steshik, a young Belarusian playwright who writes in Russian. Describing and analysing this phenomenon is the aim of the researchers. The lack of research into the playwright's work is the reason for the novelty of the study. The relevance is determined by the demand for Steshik's plays in contemporary Russian theatre. The playwright's creative competence is proved by his numerous victories in Russian and international drama contests. The authors consider Steshik's work in the unity of the playwright's macro- and microcosm: the inner world of the characters and the circumstances they find themselves in.

One of the authors' important tasks is to determine the foundation for Steshik's work. A historical and theatrical overview from Soviet Belarusian drama to the works of the authors associated with the well-known Belarusian Free Theatre association reveals not exactly the foundation, but the soil on which the phenomenon involved mainly grows.

The authors note the close connection of Steshik's work to the phenomenon of post-Soviet «new drama». With its appearance on the territory of the CIS countries, social problems come to the forefront in contemporary theatre, and there arises a theme of reflection on the past, both in a positive and a negative way.

In the final part of the article, the authors analyse the peculiarities of Steshik's poetics. The analysis made it possible to register the striking artistic uniqueness of the playwright's creative style. Steshik's plays clearly expand the scope of the post-Soviet «new drama». His voice stands out against the sharp social discourse of contemporary playwrights. Vivid metaphors, close to the traditions of «magic realism» literature, are mixed with psychological naturalism in an original way.

Key words: modern Belarusian drama, Konstantin Steshik, post-Soviet «new drama», poetics of a modern play, modern theater.

Константин Стешик – яркий представитель молодой белорусской драматургии, пишет на русском языке. В его творчестве нашли выражение общие тенденции новой постсоветской драматургии, сформировавшейся в пространстве ряда стран СНГ. Выше-сказанное в какой-то степени ставит под вопрос белорусскую национальную самобытность и проблематику текстов Стешика. Во многом это связано и с его популярностью в российском театральном пространстве. Востребованность

пьес Стешика в первую очередь на российской сцене, зарубежной для него, вызывает закономерный вопрос о почве и корнях проблем, поднимаемых автором, а также о национальной ориентированности его текстов. Откуда растут корни стешиковской драматургии? Из самобытной белорусской почвы или же из общего ментального пространства постсоветских стран и России прежде всего? Насколько Стешик самобытен в своем творчестве в среде молодых драматургов «Белорусского свободного театра»,

откуда он начинал свой творческий путь, и среди авторов «новой драмы» СНГ-пространства? В чем причина его популярности на российской сцене и малого количества постановок на родной? Почему драматургия Стешика, при всей ее популярности и успешности в российских драматургических конкурсах, до сих пор не является предметом глубокого исследования? Оправдана ли существующая тенденция тесно ассоциировать его пьесы с новейшей российской драматургией начала XXI века?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выявить особенности поэтики драматургии Стешика. Анализ выразительных средств будет способствовать не только раскрытию мира автора, но и пониманию его места и роли в современном театральном процессе. Авторами данной статьи в анализе современной драмы в качестве основного методического подхода используются приемы театроведческого анализа драматического текста, в центре внимания которых – анализ драматического действия. [Владимиров, 2007; Костелянец, 2007; Скороход, 2013]. В анализе поэтики современного драматургического текста авторы ориентируются и на традиции, сформировавшиеся в русском литературоведении и, в частности, в трудах академика В. В. Виноградова [Виноградов, 1976]. Один из авторов данного текста использует свой опыт анализа поэтики текста русской

игровой прозы XX века [Азеева, 2015].

Раскрытию мира автора будет способствовать и обращение к историко-театральной традиции формирования белорусской драматургии, а также анализ феномена современной «новой драмы» и творческих принципов объединения «Белорусский свободный театр». В результате может быть достигнута цель данного исследования – описан феномен драматургии Константина Стешика в единстве его макро- и микровселенной.

Прежде, чем обратиться к анализу особенностей творческого почерка Стешика, следует определить, на каком фундаменте он основан. Здесь необходим историко-театральный взгляд: из глубин советской белорусской драматургии – к творчеству авторов, так или иначе связанных с «Белорусским свободным театром». В первую очередь следует обратить внимание на советский период жизни в театре белорусской драматургии. На протяжении многих лет театральное пространство тогда еще БССР не отличалось «глубиной» постановок. В том смысле, что сверхзадача, как правило, не решалась через замысловатые режиссерские метафоры, суть постановок лежала на поверхности. Также большое влияние на искусство театра оказывала и идеология советского общества. Как правило, спектакли были на историко-фольклорные темы («Павлинка», «Разбросанное гнездо»

Я. Купалы) или же представляли собой сценические рассказы о Великой Отечественной войне («Константин Заслонов» А. Мовзона, «Это было в Минске» А. Макаенка) [Нефед, 1968; 1969].

В период 60-70-х годов начинает активно развиваться творчество на национальном языке. «Вечар», «Парог» А. Дударева, «Соль», «Трывога» А. Петрашкевича, «Таблетку пад язык» «Кашмар» («Святая прастата») А. Макаенка. Здесь делаются робкие шаги белорусской драматургии к самоидентификации. Она (драматургия) не приходит к собственной новой проблематике, только начинает рассказывать простые истории, либо вновь поднимает привычную, но от того не менее актуальную тему Великой Отечественной войны, однако делает это уже на белорусском языке. Данный период послужит в будущем не столько вдохновением, сколько отправной точкой, от которой будет двигаться вперед и принципиально своей дорогой новая белорусская драма [Театральная Беларусь, 2002–2003].

Современное же белорусское театральное пространство, если говорить об «официальной позиции», во многом приветствовало продолжение консервативных идей, как в плане драматургии, так и постановок. Однако именно в этот период происходит своеобразный «бум» молодой белорусской пьесы. Помимо Стешика начинают звучать такие имена, как Павел Пряжко,

Ольга Прусак, Дмитрий Богославский и другие. О молодой белорусской пьесе пишут достаточно много. Есть и научные статьи [Гончарова-Грабовская; Смольская, 2011]. Однако они носят обзорный характер, персоналии драматургов не развернуты.

Творчество многих из выше названных драматургов, в том числе и Стешика, непосредственно связано с появлением «Белорусского свободного театра», театральной труппы, позиционирующей себя как авангард художественного сопротивления официальной культуре и эстетике [Аритмович, 2012]. В противовес консервативным, односторонним историческим темам, молодыми белорусскими авторами поднимаются проблемы личности. Что характерно, молодые драматурги не пытаются выделить именно свои «личные», национальные особенности, они говорят об общих проблемах, стремлениях души и моральных надломах, особо ярко проявившихся в первый период постсоветского существования. Делают они это, как правило, на русском языке (здесь важно отметить, что русский язык в Белоруссии является одним из двух государственных языков), стремясь донести свои мысли и творчество до аудитории, понимающей их и не ограничивающейся рамками одной отдельно взятой страны. Они словно пытаются сказать: «Вы не одни, у нас общие проблемы, давайте попробуем решать их вместе».

И эта тенденция проявляется не только в пределах творческого пространства Беларуси, но и на всей постсоветской территории. На первый план выходит именно человек с его сложной, часто надломленной психикой. Главный герой, потерявший все, находящийся в подвешенном состоянии на грани мира реального и мира иллюзорного. И здесь в качестве примера может быть использована пьеса К. Стешика «Спички», впрочем, как и практически любая его пьеса. Критик М. Сизова, отмечая, что «Спички» продолжают традицию жутких сказок на каждый день, пишет: «Потому что перед нами не социально-бытовые, а устремленные вверх трансцендентные искания человека. Пьесы Константина Стешика однозначно такого рода. Кто-то из критиков называет его продолжателем идей мистического реализма...» [Сизова, 2019].

Стешика можно отнести к пестрому срезу «молодых искателей» на постсоветском пространстве. Закрепился он в этой творческой среде относительно давно и, можно сказать, основательно. Но, тем не менее, Стешик не часто обсуждается как в родном белорусском, так и, кажется, в не менее родном российском театральном сообществах. В период активного участия в различных драматургических фестивалях, конкурсах и читках (например, «Любимовка» или «Евразия») он, как и другие молодые белорусские драматурги, был ярким пред-

метом обсуждений. Мало кто из театральных критиков, работавших на драматургических конкурсах, не высказался о его творчестве в эту пору. Одно из самых ярких высказываний принадлежит П. Рудневу» «О чем пишет Стешик? О подвижках человеческого сознания, о драматургическом пути человеческой эмоции в диалоге с самой собой и решениях поменять свою жизнь кардинально, о любви мужчины и женщины, похожей на кровопролитную войну полов. Хороший диалогист, слушач, мучающаяся беспокойная натура, Костя Стешик описывает внутренние процессы человеческой психики, в ее современном состоянии – раздробленной, рваной, капризной, агонизирующей. Его мир хрупок и трагичен...» [Руднев]. Однако, когда «первая волна» молодых белорусских драматургов прижилась в современном театральном пространстве и их пьесы стали активно ставить за рубежом, Стешик теряется среди других представителей современной драматургии. Он имеет на родине всего три постановки своих пьес, что не идет ни в какое сравнение с количеством зарубежных и, прежде всего, российских постановок. Здесь интересно отметить, что из восемнадцати театров Белоруссии русскоязычными являются четырнадцать. Казалось бы, у Стешика, как и любого белорусского драматурга, пишущего на русском языке, есть перспектива быть востребованным на родине, однако

этого не происходит. Стешик хоть и молодой автор, но его драматургия уже не является откровением в белорусском театральном пространстве в целом и в творческом объединении «Белорусский свободный театр», в частности. В большинстве своем ориентированные на русскую классическую или советскую драматургическую традицию русскоязычные театры не ждут на своих сценах тексты Стешика.

Как отмечалось выше, с творческим объединением «Белорусский свободный театр» во многом связано начало пути драматурга Стешика. Сейчас это в первую очередь театральная труппа, раньше – конкурсное объединение в Республике Беларусь. «Белорусский свободный театр» – одна из первых конкурсных площадок для драматурга, основополагающая, как родная белорусская, и тем самым отражающая именно национальное начало в творчестве Стешика. Именно как конкурс проект стартовал в 2005 году под руководством журналиста и драматурга Николая Халезина и его жены Натальи Коляды после закрытия независимого театра «Вольная сцена». Затем в мае 2005 года к конкурсу присоединяется режиссер Национального академического театра имени Янки Купалы Владимир Щербань со своим коллективом актеров. С этого момента начинается постепенно развиваться история проекта как театральной труппы. Стешик же участвует в деятельности конкурса параллельно со

своим дебютом в международном конкурсе драматургов «Евразия – 2005», где становится лауреатом международной премии Николая Коляды за пьесу «Мужчина. Женщина. Пистолет». В «Белорусском свободном театре» он получает специальный приз конкурса за пьесу «Красная Шапочка».

В это время драматургический почерк Стешика еще сильно отличается от нынешнего. В художественных высказываниях с ярко выраженным социальным и в какой-то степени даже политическим содержанием он еще довольно робок. Его пьесы носят более персонализированный характер, герои находятся в абстрактном мире, он говорит, что характерно для «новой драмы», о внутреннем надломе человека, о состоянии разрушающегося сознания, эмоциональных метаниях. В этот период Стешик только намечает те общие для постсоветского пространства социальные проблемы и обстоятельства, ставшие в будущем одними из особенностей его почерка, но пока не обозначает их в тексте открыто. Однако, тот факт, что начальный период драматургии Стешика связан во многом с «Белорусским свободным театром», как проектом, зародившимся в результате реакции на «закрепощение» театрального пространства Беларуси, символично обрамляет его дальнейший творческий путь. Эволюция Стешика, как драматурга продолжается с его участием в таких конкурсах драматургии как «Любимовка», «Ремарка», «Первая читка» и дру-

гих. С каждым годом он становится все «смелее» в своих социальных высказываниях.

Не менее важно связать творчество Стешика с таким явлением, как современная «новая драма».

«Новая драма» в современной литературе и театре явление неоднородное, в особенности на постсоветском пространстве, и его довольно трудно классифицировать. Несмотря на то, что оно развивается уже на протяжении тридцати лет, а почва для «новой драмы» подготавливалась еще в советский период и уже существует некоторое количество жанров (старых и новых), ассоциируемых с этим направлением, например, вербатим или ремейк, но до сих пор имеет место быть проблема определения того, что относится к «новой драме», а что идет параллельно или рядом с ней. Также проблему обостряет и сам термин «новая драма» – идентичный названию творческого направления в драматургии рубежа XIX–XX веков: возникают вольные или невольные ассоциации с историческим тезкой. Поиск новых форм, акцентирование внимания в первую очередь на личность, острая социальность и злободневность после практически «застоя» в советский период. О «новой драме» как терминологической проблеме, о «новой драме» как явлении современного театрального процесса, о белорусской «новой драме» подробно пишет К. Васинчук [Wasińczuk, 2018], о феномене новой пьесы в России П. Руднев [Руднев, 2013].

С появлением новой «новой драмы» на территории стран СНГ на первый план в театре выходят социальные проблемы, до этого нечасто затрагиваемые в театральном пространстве советского блока. Важная роль отводится сложному психологическому устройству человека. Появляется тема рефлексии о прошлом, как в положительном, так и в отрицательном ключе. С одной стороны об утраченном былом величии и достижениях, с другой – о невероятных трудностях, перенесенных народом. Такая проблематика занимает и в творчестве Стешика особое место.

Обратимся к особенностям поэтики драматургии Константина Стешика. В первую очередь бросается в глаза, что Стешик, как и многие другие авторы «новой драмы» на территории бывшего СССР, не продолжает линию языковой национальной самобытности в своем творчестве, а наоборот пишет свои пьесы на русском языке. Такой подход создает в какой-то степени уникальную ситуацию: открывает двери для постсоветских авторов в российское творческое пространство и наоборот, образуя своеобразный культурный обмен между бывшими советскими республиками. Однако же это создает и некоторую путаницу для людей, не глубоко посвященных в условия существования драматургии на постсоветском пространстве, в творчество конкретных драматургов. Зачастую тот же Стешик или, например, Павел Пряжко ассоциируются у российского зрителя и читателя именно с россий-

ским же театральным и литературным пространством. Но чем же в таком случае Стешик выделяется на фоне остальных авторов «новой драмы» на территории СНГ?

Культурный и субкультурный пласт периода развала Советского Союза и «лихих девяностых», отражающийся в судьбах простых людей и бытовых историях – такова экспозиция большинства стешиковских пьес. Эта «оболочка» создает своеобразную макровселенную, атмосферу, состоящую из узнаваемых и понятных именно жителям постсоветского пространства образов, проблем и ситуаций, общих бед и общего прошлого. В его произведениях звучат такие, знакомые когда-то жившим в Советском Союзе имена, как Виктор Цой или Егор Летов, упоминается культура панков и встречаются многие другие «отсылки» к советскому и постсоветскому прошлому. В личных же историях персонажей, в том, как они переживают трудные перемалывающие их обстоятельства, Стешик формирует свой микромир, микровселенную, где он отображает уже общечеловеческие социальные и идущие с ними не раздельно в современном мире психологические проблемы. Благодаря этому симбиозу микровселенной (внутреннего мира героев) и макровселенной (обстоятельствах, в которых они находятся), Стешику не так важны персоналии его героев. В его пьесах, можно встретить ситуации, когда персонажи из одной истории отчетливо видны в других, хотя и носят

разные имена. Так «Егор, который Андрей» (пьеса «Летели качели») может превратиться в «Максима» (пьеса «Спички»), а «Толя» («Спички») в «Стаса» («Летели качели»). Героев разных историй объединяет не только схожесть характеров, но иногда и общие «демоны».

Если же говорить о композиционном решении его пьес, то это, как правило, близкий к потоку сознания монолог главного героя, как например в пьесе «Спички» или длинный, без конца и начала, словно случайно выхваченный безостановочный диалог героев. В этих же «Спичках» за, казалось бы, далеким от реальности потоком сознания и метафорическими образами рассказываемой на ночь сказки скрываются переживания главного героя о его месте в мире, судьбах его друзей и жесткости современных взаимоотношений между людьми. В пьесе «Летели качели» схожая атмосфера пронизывает уже диалоги персонажей, когда они предаются воспоминаниям о прошедших деньках, как они «фанатели» по Летову и его творчеству, какими они были в тот момент жизни и что же стало с ними теперь.

В описании окружающего мира и даже некоторых персонажей Стешик лаконичен. Он обращает внимание в первую очередь на тот самый «поток сознания» героя, обрамляя его редкими, но яркими, всеми узнаваемыми образами или фразами. Такая своеобразная лаконичность заметна даже в названиях его пьес – «Чай», «Яблоки», «Один...», «Опарыши», «Спички»,

«Псибо»... В целом микровселенная Стешика ощущается как отголосок прошлого. Его персонажи словно сидят у разбитого корыта и вспоминают былые времена, когда они были «живее», у них была цель, и они все ждали «перемен». А «перемены» эти лишь разобщили людей и мир, в котором они жили. В каком-то смысле персонажи Стешика – это разочаровавшиеся романтические герои, в их силах только наблюдать, как вместе с их жизнью и былым идеалами медленно разлагается и мир вокруг них.

Стешик не просто спускает людей, что называется, «с небес на землю», он буквально роняет их лицом в грязь, да так, чтобы они смаковали каждый кусочек почвы. Для чего же, в таком случае, ему понадобилась собственная «вселенная»? Это изоляционный купол, в который, словно на карантин, Стешик помещает своих героев в надежде избавить их от пороков и тем самым спасти от жесткой реальности? Может это попытка отказаться от старых ценностей и устремлений путем демонстрации их бесперспективности в настоящем? Или же Стешик все-таки пытается найти в этой грязи, разрухе и безнадее какой-то выход? Ответ на эти вопросы, возможно, ищет и сам автор. Он проделал,

как драматург, большой и даже, в каком-то смысле, противоречивый путь от личных эмоциональных историй к остросоциальным, с политическим оттенком высказываниям на злободневные темы, актуальным для всего постсоветского пространства и не только. Этим во многом и объясняется его востребованность за пределами Республики Беларусь.

К чему же, в конечном счете, приводит сплав микро- и макровселенных Стешика? Анализ поэтики его пьес позволил зафиксировать яркое художественное своеобразие творческого почерка драматурга. Пьесы Стешика явно расширяют рамки постсоветской «новой драмы». Его голос выделяется на фоне острых социальных высказываний современных драматургов. Яркая метафоричность, близкая традициям литературы «магического реализма», оригинально сочетается с психологическим натурализмом. Это позволяет уверенно полагать, что голос Стешика не утонет в растущем океане социальных высказываний постсоветской «новой драмы». Возможно, его творчество – часть надвигающейся масштабной волны новой драматургии, вырастающей на территории постсоветского пространства. Время покажет.

Библиографический список

1. Азеева И. В. Саша Соколов «Школа для дураков»: опыт интерпретации игрового текста. Ярославль : Ярославский государственный театральный институт, 2015. 140 с.
2. Аритмович Т. Театр, о котором не хотят знать // официальный сайт журнала «Петербургский театральный журнал», №2 (68), 2012. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/68/political-theatre-68/teatr-okotorom-nexotyat-znat/> (дата обращения 04.01.2021).

3. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. Москва : Наука, 1976. 511 с.
4. Владимиров С. В. Действие в драме. 2-е изд., доп.. Санкт-Петербург : Издательство СПбГАТИ, 2007. 192 с.
5. Гончарова-Грабовская С. Я. Художественная парадигма русскоязычной драматургии Беларуси на рубеже XX–XXI вв. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11016/1/> (дата обращения 04.01.2021).
6. Костелянец Б. О. Драма и действие: Лекции по теории драмы / сост. и вст. ст. В. И. Максимов, вст. ст. Н. А. Таршис. Москва : Совпадение, 2007. 502 с.
7. Нефед В. Белорусский театр // История советского драматического театра: В 6 т. Т. 4. 1933–1941. Москва : Наука, 1968. С. 242–273.
8. Нефед В. Белорусский театр // История советского драматического театра: В 6 т. Т. 5. 1941–1953. Москва : Наука, 1969. С. 226–273.
9. Руднев П. О К. Стешике // Официальный сайт драматурга К. Стешика. URL: http://steshik-drama.narod.ru/Rudnev_o_Steshike.html (дата обращения: 04.01.2021).
10. Руднев П. Новая пьеса в России // «Знамя». №4. 2013. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/novaya-pesa-v-rossii.html> (дата обращения : 04.01.2021).
11. Сизова М. Немного смерти, немного любви. «Спички» К. Стешика в ТЮЗе им. А. А. Брянцева // Блог «Петербургского театрального журнала». 18.05.2019. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/nemnogo-smerti-nemnogo-lyubvi/> (дата обращения 04.01.2021).
12. Скороход Н. С. Анализ драмы. Действие. Композиция // Семинар по театральной критике. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГАТИ, 2013. С. 10–37.
13. Смольская К. Р. Современная белорусская драматургия в социокультурном контексте: основные направления и проблематика // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. №1. 2011. С. 77–81.
14. Wasiniczuk, K. “Nowy dramat” i (nowa) duchowość. Problem duchowych poszukiwań w rosyjskiej i białoruskiej dramaturgii XXI w. (na przykładzie wybranych utworów) // Studia Białorusnistyczne. №12. 2018. С. 155–173. [http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_17951_sb_2018_12_155-173?q=bwmeta1.element.ojs-issn-1898-0457-year-2018-volume-12;18&qt=CHILDREN-STATELESS](http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element/ojs-doi-10_17951_sb_2018_12_155-173?q=bwmeta1.element.ojs-issn-1898-0457-year-2018-volume-12;18&qt=CHILDREN-STATELESS) (дата обращения 04.01.2021).
15. Тэатральная Беларусь: энцыклапедыя. Ў 2 тамах. Пад агул. рэд. А. В. Сабалеўскага; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск : Изд-во «Белорусская энциклопедия, Белорусская энциклопедия», 2002–2003. 1140 с.

Reference list

1. Azeeva I. V. Sasha Sokolov «Shkola dlja durakov»: opyt interpretacii igrovogo teksta = Sasha Sokolov «School for Fools»: an experience of interpreting a game text. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj teatral'nyj institut, 2015. 140 s.
2. Arimovich T. Teatr, o kotorom ne hotjat znat' = The theatre nobody wants to know about // oficial'nyj sajt zhurnala «Peterburgskij teatral'nyj zhurnal», №2 (68), 2012. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/68/political-theatre-68/teatr-okotorom-nexotyat-znat/> (data obrashhenija 04.01.2021).

3. Vinogradov V. V. Pojetika ruskoj literatury: Izbrannye trudy = The poetics of Russian literature: Selected works / otv. red. M. P. Alekseev, A. P. Chudakov. Moskva : Nauka, 1976. 511 s.
4. Vladimirov S. V. Dejstvie v drame. 2-e izd., dop. = Action in drama. 2nd ed. rev. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo SPbGATI, 2007. 192 s.
5. Goncharova-Grabovskaja S. Ja. Hudozhestvennaja paradigma ruskojazyčnoj dramaturgii Belarusi na rubezhe XX–XXI vv. = Artistic paradigm of Belarus drama in Russian at the turn of XX–XXI centuries. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/11016/1/> (data obrashhenija 04.01.2021).
6. Kosteljanec B. O. Drama i dejstvie: Lekcii po teorii dramy = Drama and action: Lectures on drama theory / sost. i vst. st. V. I. Maksimov, vst. st. N. A. Tarshis. Moskva : Sovpadenie, 2007. 502 s.
7. Nefed V. Belorusskij teatr = Belarusian theatre // Istorija sovetskogo dramatičeskogo teatra: V 6 t. T. 4. 1933–1941. Moskva : Nauka, 1968. S. 242–273.
8. Nefed V. Belorusskij teatr = Belarusian theatre // Istorija sovetskogo dramatičeskogo teatra: V 6 t. T. 5. 1941–1953. Moskva : Nauka, 1969. S. 226–273.
9. Rudnev P. O K. Steshike = On K. Steshik // Oficial'nyj sajt dramaturga K. Steshika. URL: http://steshik-drama.narod.ru/Rudnev_o_Steshike.html (data obrashhenija: 04.01.2021).
10. Rudnev P. Novaja p'esa v Rossii = New play in Russia // «Znamja». №4. 2013. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/novaya-pesa-v-rossii.html> (data obrashhenija 04.01.2021).
11. Sizova M. Nemnogo smerti, nemnogo ljubvi. «Spichki» K. Steshika v TJuZe im. A. A. Brjanceva = A little death, a little love. K. Steshik's «Matches» at the A. Bryantsev Youth Theatre // Blog «Peterburgskogo teatral'nogo zhurnala». 18.05.2019. URL: <http://ptj.spb.ru/blog/nemnogo-smerti-nemnogo-lyubvi/> (data obrashhenija 04.01.2021).
12. Skorohod N. S. Analiz dramy. Dejstvie. Kompozicija = Drama analysis. Action. Composition // Seminar po teatral'noj kritike. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGATI, 2013. S. 10–37.
13. Smol'skaja K. R. Sovremennaja belorusskaja dramaturgija v sociokul'turnom kontekste: osnovnye napravlenija i problematika = Contemporary Belarusian drama in the social and cultural context: the main trends and issues // Vesci Nacyjanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryja humanitarnyh navuk. №1. 2011. S. 77–81.
14. Wasińczuk, K. “Nowy dramat” i (nowa) duchowość. Problem duchowych poszukiwań w rosyjskiej i białoruskiej dramaturgii XXI w. (na przykładzie wybranych utworów) // Studia Białorutenistyczne. №12. 2018. S. 155–173. [http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_17951_sb_2018_12_155-173?q=bwmeta1.element.ojs-issn-1898-0457-year-2018-volume-12;18&qt=CHILDREN-STATELESS](http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element/ojs-doi-10_17951_sb_2018_12_155-173?q=bwmeta1.element.ojs-issn-1898-0457-year-2018-volume-12;18&qt=CHILDREN-STATELESS) (data obrashhenija : 04.01.2021).
15. Tjeatral'naja Belarus': jencyklapedyja. Ź 2 tamah. Pad agul. rjed. A. V. Sabalejškaga; Rjedkal.: G. P. Pashkoŭ (gal. rjed.) i insh. Minsk : Izd-vo «Belaruskaja jencyklapedyja, Belorusskaja jenciklopedija», 2002–2003. 1140 s.

УДК 791.43/45 792.01

В. А. Летин

<https://orcid.org/0000-0001-6359-2857>

Г. А. Добрынин

<https://orcid.org/0000-0001-5293-0590>

**Король в художественном универсуме Шекспира:
метафизический аспект**

Для цитирования: Летин В. А., Добрынин Г. А. Король в художественном универсуме Шекспира: метафизический аспект // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 93–110. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-93-110

Статья раскрывает место образа правителя в пространстве художественного универсума В. Шекспира. Целью данного исследования является анализ места и роли монарха в художественном универсуме Шекспира в контексте метафизического аспекта картины мира эпохи Ренессанса. Материалом исследования служат тексты шекспировских трагедий, комедий и «романтических» пьес. В свете антиномичности христианской культуры фигура правителя в работе рассматривается в сравнении с его маргинальным антагонистом – шутом. На основе их сюжетного и мотивно-образного анализа устанавливается место правителя и шута (и его инвариантов) в метафизическом пространстве «театра мира» Шекспира, выявляется набор их специфических внешних и внутренних характеристик. Культурологический анализ шекспировских репрезентаций этой антиномической пары позволяет выявить трагическую вину правителя, подавшегося страстям (честолюбие, вождение, гнев), вследствие чего утрачивается способность монарха поддерживать порядок. Нарушение мировой гармонии в пространстве шекспировских пьес рассматривается в трех аспектах: пространственном, семейном и экзистенциальном. Это, в свою очередь, отражается на метафизическом уровне, вызывая природные аномалии и катаклизмы. В соответствии с этим в статье выявляется специфика сопутствующих этой антиномической паре мотивов: гармонии, разумности, чести (король); дисгармонии, безумия, чувственности и смерти (шут). Определяются способы взаимодействия короля и шута в контексте тенденции «маргинализации» персоны правителя. Метафизический хаос бытия, являющийся следствием кризиса власти, в художественном универсуме Шекспира приводит к тому, что шут и король меняются местами в результате игры стихий, игры костюмов, игры слов. В конце работы делается вывод о том, что образ короля, занимает одно из ключевых мест в художественном универсуме Шекспира. В галерее созданных Шекспиром образов персонажей-правителей характерное для Ренессанса представление об идеальном правителе, преломляется в контексте актуализации тенденций мировоззренческого кризиса, следующей историко-культурной эпохи – барокко.

Ключевые слова: Ренессанс, В. Шекспир, театр, художественный универсум, метафизика, власть, король, шут.

© Летин В. А., Добрынин Г. А., 2021

V. A. Letin, G. A. Dobrynin

The King in Shakespeare's artistic universe: a metaphysical aspect

The article shows the place of the sovereign's image in Shakespeare's artistic universe. The aim of this study is to analyse the place and role of the monarch in Shakespeare's artistic universe in the metaphysical context of the Renaissance worldview. The study is based on the texts of Shakespeare's tragedies, comedies and «romantic» plays. The paper regards the figure of the ruler in comparison with his marginal antagonist, the fool, in terms of antinomianism of Christian culture. The narrative and motif-based analysis establishes the places of the sovereign and the fool (and his invariants) in the metaphysical space of Shakespeare's 'theatre of the world' and reveals the set of their specific external and internal characteristics. Cultural studies of Shakespeare's representations of this antinomian couple reveals the tragic guilt of the ruler who gives in to passions (ambition, lust, anger), as a result of which the monarch's ability to maintain order is lost. The disruption of world harmony in the space of Shakespeare's plays is considered in three aspects: spatial, family and existential. This, in turn, is reflected at the metaphysical level, causing natural anomalies and cataclysms. In accordance with this, the article highlights the specificity of the motifs related to this antinomic pair: harmony, sanity, honour (the king); disharmony, madness, sensuality and death (the fool). The authors identify how the king and the fool interact in the context of marginalisation of the ruler's persona. The metaphysical chaos of existence, the result of the power crisis, leads to the fact that the fool and the king swap places in Shakespeare's artistic universe following the game of elements, the game of costumes, the game of words. The paper concludes that the image of the king, occupies one of the key places in Shakespeare's artistic universe. In the gallery of sovereigns created by Shakespeare, the Renaissance image of the ideal ruler is presented in the context of the tendencies of the next historical and cultural epoch – the Baroque.

Key words: Renaissance, W. Shakespeare, theatre, artistic universe, metaphysics, power, king, fool.

Образ короля и инвариантные наименования правителей (герцог, военачальник, консул) в произведениях Шекспира исследовательской научной традицией, по крайней мере российской, актуализированы весьма специфично. С одной стороны, имеется целый ряд исследований, посвященных отдельным персонажам-королям и их судьбам: Лиру, Макбету, Ричарду II, Ричарду III, Генриху V, Просперо, Леонату, Цимбелину отчасти в этот ряд можно вписать военачальников Отелло, Кориолана, римского консула Юлий Цезаря ([Nestrus, 2012], [Smith. 1963], [Александренко,

2011], [Комарова, 1959], [Комарова, 1971], [Комарова, 1976], [Кондратьева, Гасанова 2016], [Рацкий, 1986]). Остальные же правители, представленные в комедиях, трагедиях и «романтических пьесах» практически не «удостаиваются» собственных исследований.

В художественном универсуме Шекспира преломляются характерные черты, свойственные человеку позднего Средневековья и Ренессанса. В результате чего получается сложная историко-религиозно-философско-политическая комбинация христианства, античной философии, алхимии, герменевтики,

языческих традиций «старой доброй Англии» (равно как и Шотландии, и Древней Греции), бытовых суеверий, истории и актуальных политических тенденций. И каким бы эклектичным этот набор не казался на первый взгляд, картина мира в его пьесах всегда – космос.

Структура этого универсума предполагает метафизический, социальный и гендерный планы, со свойственной им иерархией. При этом в каждой из них персона Короля занимает вершинную позицию, являясь положительным полюсом мироздания, государства и семьи. Вполне естественно, что его антиподами являются персонажи, несущие отрицательный заряд, инфернального, асоциального, аморального характера. В зависимости от плана ими оказываются шут/клоун, священник/святоша, женщина.

Целью данной работы является анализ места монарха в художественном универсуме Шекспира, в контексте метафизического аспекта картины мира эпохи Ренессанса.

Полюса метафизической картины мира плана художественного универсума Шекспира представлены образами короля (высочайший, положительный) и шута (низший, отрицательный).

Иерархия здесь выстраивается по сакральной вертикали в соответствии с теологическими концепциями бытия Средневековья – Нового времени [Дюби, 2000]. Венчалась эта стройная феодальная пирамида

персоной короля. Институт королевской власти начал формироваться в племенах германцев еще в эпоху переселения народов [Санников, 2011] и окончательно оформился под влиянием идеологии христианства. В эпоху позднего Средневековья и Ренессанса концепция королевской власти обогатилась влиянием античных авторов (в первую очередь Аристотеля и Платона), а также современников (Н. Макиавелли, М. Монтеня). В соответствие с аристотелевскими представлениями о нравственной добродетели «начальствующий должен обладать ею во всей полноте..., а каждый из остальных должен обладать ею настолько, насколько это соответствует его доле участия в решении общих задач» [Аристотель, 2011].

В начале XVI века Макиавелли «дополняет» концепцию власти Аристотеля компонентом силы, так как, по его мнению: «Profeti armati vinsono» («Вооруженные проповедники побеждают») [Макиавелли, 1982]. В результате чего исторически в персоне короля аккумуляровались представления, как об идеальном воине Веры, так и земной проекции Христа. Наделенный целым рядом исключительных качеств, включающих и высшие добродетели, монарх в религиозном сознании человека средневековой и ренессансной культур воспринимался, в качестве живой реликвии – святого и чудотворца [Блок, 1998].

Однако, несмотря на то, что концу XVI века в европейской

культуре уже сформировалось представление и о том, как должен выглядеть монарх от телесной практики до особенностей костюма, сложился круг королевских регалий: корона, скипетр, мантия, сформировались способы репрезентации персоны короля в искусстве, в том числе и английской [Кирюхин, 2013], в пьесах Шекспира атрибутика королевской власти в описании внешности короля носит условный характер. Корона и скипетр в пьесах упоминаются, но ни их типы, ни материалы, ни декор не акцентируются. Зато персонажами с разных позиций (пол, возраст, социальный статус) постоянно обсуждаются моральные качества правителя, его слова и поступки.

Персона благочестивого и благородного монарха в метафизической иерархии христианского мироздания являла собой сакральный верх его земной части. Несоответствие этому идеалу королей – персонажей пьес В. Шекспира определяет драматизм происходящих в них событий, служит своеобразным индикатором дисгармоничности их универсумов и катализатором их гибели реальной (трагедии) или потенциальной («романтические пьесы» и комедии).

В качестве антипода королю выступает фигура шута, знаменующая собой нижний конец духовной вертикали и отрицательный полюс мироздания с соответствующими негативными значениями.

О шутах в контексте эпох Средневековья и Ренессанса библиография весьма обширна ([Газо, 2007], [Хейзинга, 1995], [Бахтин, 1990], [Даркевич, 2006], [Черноземовой, 2019]). Исследования же, касающиеся непосредственно «шекспировских» шутов немногочисленны, прежде всего, это соответствующая глава в книге А.А. Аникста «Театр эпохи Шекспира» [Аникст, 1965] и статьи И.А. Тайца «Идейная и художественная функция образа шута в комедиях У. Шекспира 90-х годов» [Тайц, 1985] и Н. Зубовой «Шуты и клоуны в пьесах Шекспира» [Зубова, 1967].

На их основе можно выявить характерные черты этого образа, как в эпоху Ренессанса, так и непосредственно в творчестве У. Шекспира.

Шут является пародией на персону власти в ее светском (король) и религиозном (епископ) проявлениях. Знаками пародийности оказываются как особенности внешности шута: физические дефекты тела, детали костюма, аксессуары, так и речевые и поведенческие особенности, зачастую отличающиеся провокативностью, оскорбительностью, а, порой, и непристойностью.

Так неприменный физический дефект (карликовость, горбатость, хромота и т. д.) воспринимался в культуре как пародия на королевскую осанку. Прямая спина и гордо поднятая голова монарха свидетельствовали о присутствии в его физическом теле нематериальной «сердцевины» – незримого стерж-

ня, который в представлениях средневековой теологии незримо шел вдоль позвоночника и пронизывал тело человека от темени до кресца, служа вместилищем Божьего дара – души и знаменуя связь с высшим миром. Эта «сердцевина» человека обозначалась вплоть словом «heart» до XVIII века [Лагутина, 2000].

Вполне закономерно, что, чем ниже был социальный статус человека, тем «хуже» должна была быть его осанка. Полное же отсутствие этой связи с высшим миром, а равно как и духовной оси, делало человека в глазах религиозного социума существом, лишенным образа и подобия Божьего, то есть в буквальном смысле слова безобразным. Так что непереносимое физическое уродство шутов (особенно горбатость) оказывалось в глазах современников-христиан знаком инферальности.

Обладателями тел с физическими дефектами в «театре мира» Шекспира оказываются лишь два персонажа: сын ведьмы Калибан («Буря») и король Ричард III из одноименной хроники. Оба не являются «профессиональными» шутами, но «шутовской» характер их внешности поддерживается пародийным, выморочным характером их речи и поступков. Стоит заметить, что уродство Ричарда III – художественный прием. Последний представитель дома Ланкастеров на английском троне не имел ярко выраженного физического дефекта

[Егоров, 2021]. Физическая безобразность этого персонажа является «визуализацией» его порочности, дискредитирующей политического соперника первого короля из дома Тюдоров. Об уродстве еще одного только говорится, но его физический дефект не указывается. Это Терсит – «безобразный и непристойный грек», как сообщает афиша пьесы «Троил и Крессида».

Специфические детали костюма и аксессуары придавали инферальному лейтмотиву образа шута еще и социальную аранжировку, пародируя символы королевской и духовной власти. Как представитель «антимира» в «мире Божьем», шут одновременно смешил и ужасал [Пинский, 1967]:

В пьесах Шекспира шуты уже не являются ни карликами, ни горбунами, ни умственно неполноценными людьми. Из всех внешних проявлений «шутовства» в разных пьесах драматургом акцентируется лишь четыре: физическое уродство («Ричард III», «Буря», «Троил и Крессида»); бритоголовость («Король Лир»); пестрота костюма («Сон в летнюю ночь», «Как вам это понравится», «Генрих VIII»). Однако они сохранили свое социальное и символическое противопоставление правителю, которое здесь выражается не столько во внешнем облике, который, как было указано выше, минимально акцентируется в тексте, но в мотивации их поступков (корысть, утверждение собственного превосход-

ства, удовлетворение физических влечений) и эмоциональной окрашенности речи (ирония, сардонический смех, сарказм) персонажей и сопутствующих им мотивов (дисгармония, безумие, смерть).

В первую очередь, «метафизическими» антагонистами в художественном универсуме Шекспира оказываются шуты-профессионалы (Фесте, Йорик, Оселок, Тринкуло, Лаваш, безмянные шуты короля Лира и Отелло), род деятельности которых определен в афише. Но в театре Шекспира проявляются инварианты этого типа персонажа – герои пьес, наделенные «шутовскими» качествами, но принадлежавшие к другим «амплуа».

Часто в качестве шута выступает клоун (clowns) – комический персонаж с низменными интересами (задира и провокатор Меркуцио из «Ромео и Джульетта»; слуги: оба Дромियो из «Комедии ошибок», Спид и Ланс из «Двух веронцев», стражники Башка и Клюква из «Много шуму из ничего»; ахейский воин Терсит из «Троила и Крессиды»; военный же гасконец Пароль из «Все хорошо, что хорошо кончается»; пасынок короля Клотен из «Цибелина», глупец-жених протеже короля-отца Турио из «Двух веронцев»; торговец и вор Автолик из «Зимней сказки»; пьяница дворецкий Стефано из «Бури»; ткач Основа из «Сна в летнюю ночь»; крестьянин из «Антония и Клеопатры» и пара могильщиков из «Гамлета» и другие). Эти «шуты» отлаются

вульгарными суждениями и сардоническим смехом. Их характерными качествами являются упрямство, лень, трусость, хвастовство, тщеславие, ложь, глупость. Все это усугубляется алкоголизмом. Пристрастие комических персонажей к выпивке постоянно акцентируется в пьесах. Вино не только употребляется ими в невероятных количествах. Оно также служит предметом для экстравагантной выходки (Йорик) и «валютой», способной обеспечить королевскую корону (Стефано).

Уподобление других персонажей шутам может выражаться характерным набором эмоционально-оценочных обращений бранного и унижительного характера: «дурак», «глупец», «тупица», «бездельник», «болтун», «шалопай», «чумовой сорванец» и прочие. Среди которых может использоваться и само слово «шут». Так «римским шутком» характеризуется соотечественниками-бриттами Якимо – трус, клеветник и интриган («Цимбелине»). Но «шут» может быть и самооценкой персонажа Пэк гордо заявляет встреченной им фее о том, что служит шутком у Оберона. («Сон в летнюю ночь»).

Характерным знаком «шутовства» в шекспировском мире становится осел. Это слово чаще всего служит очередным «хозяйским» обзывательством как провинившегося слуги (стражник Клюква из «Много шуму из ничего»). Это может быть эвфемизмом. Пословицей

с образом осла («Сколько осла ни погоняй, он шибче не пойдет») один из могильщиков характеризует несообразительность коллеги («Гамлет»). Это может быть «реализацией метафоры»: ослиную голову (и соответствующую потенцию) получает по воле Пэка ткач Основа («Сон в летнюю ночь»). Это может быть и самоощущение персонажа. Так к растроганный встречей с актерами, корящий себя за бездействие Гамлет сардонически заявляет: «Ну и осел же я!». После этого восклицания меланхолическая рефлексия сменяется у принца активным мыслительным процессом, результатом которого должен стать «шутовской» спектакль-провокация со сверхзадачей «петля для совести короля».

Более редким, является связь персонажей, выступающих в пьесах Шекспира качестве шута, с богом Меркурием. Лукавое античное божество не только покровительствует вора и торговцам, но и является посредником между мирами богов и людей. Так, вор и торговец Автолик («Зимняя сказка») утверждает, что рожден под знаком Меркурия. Веронец Меркуцио («Ромео и Джульетта») символически связан с inferнальным миром (монолог о королеве фей Маб) и своей гибелью «впускает» смерть в художественный универсум пьесы. Как видим, в драматургии Шекспира феномен шута не замыкается в рамках одного «амплуа».

Однако в качестве шутов ситуативно могут выступать и благородные (или считающие себя таковыми) господа, которым оказываются присущи свойственны «шутовские» качества или же те, что вынуждены в силу обстоятельств надеть маску шута или оказавшиеся в «дурацком» положении (дворецкий Мальволио из «Двенадцатой ночи»; наместник короля Анджело из «Меры за меру»; принц датский Гамлет; Бирон из «Бесплодных усилий любви»; Эдгар из «Короля Лира», Флоризель из «Зимней сказки»).

Как видим феномен шута не ограничивается рамками актёрской специализации или типа персонажа. Вариативность противопоставления короля и шута позволяет взглянуть на персону правителя и природу власти с различных сторон: метафизической, социальной и экзистенциальной.

Этот тип персонажа требовал от актера владения набором специальных компетенций: импровизацией, вокалом, широким кругозором [Ярош, Максимов, 2016]. Шуты-профессионалы в пьесах представляли интеллектуалами, способными дискутировать со своими образованными хозяевами на теологические, юридические, социальные темы. Остроумие, интеллект, свобода в высказываниях шутов-профессионалов стали причиной формирования в шекспироведении и художественных практиках (живопись и графика, театр и кинема-

тограф) устойчивого представления о безусловно положительном значении этого персонажа в судьбах их хозяев-монархов. Это отражается в произведениях изобразительного искусства, в театральных и кинематографических постановках. Мнение об «дружбе и значимости» как природе отношений шута и короля прочно укоренился в шекспироведении XX века [Котт, 2011].

Если король и шут воплощают разные полюса изначально гармоничного мироздания, то гипертрофированная активизация одного оказывается возможной только после того, как другой ослабеет. Именно это нарушение мировой гармонии и демонстрирует драматург уже в ранних своих произведениях. Постоянно рассуждающие порядке и закон правители в театре Шекспира оказываются неспособными удерживать мир в его гармоническом равновесии. При этом активизация роли шута оказывается в прямой зависимости от потери королем владения ситуацией.

Неспособность правителя поддерживать мир и порядок в стране проявляется на нескольких уровнях – социальном, семейном и личном.

Если в ранних произведениях Шекспира и Веронский («Ромео и Джульетта»), и Афинский («Сон в летнюю ночь») герцоги пребывают в уверенности своего полного владения ситуацией, то в более поздних произведениях правители понимают свою слабость и предпри-

нимают действия, способные усилить их власть (герцог Венский Винчецо в «Мере за меру»; Оберон в «Сне в летнюю ночь»).

Тем более самонадеянными оказываются правители, идущие на рискованный шаг отстранения (Просперо, Старый герцог из Арденнского леса) или даже отказа (Лир; Тит Андроник) от трона. Это приводит к узурпации власти их недостойными противниками, являющимися в большинстве случаев их же близкими родственниками. Отстранение и самоотстранение от роли короля является трагической виной персонажей, так как в той картине мира через них осуществлялась коммуникация мир небесного и земного миров.

Нарушение мировой гармонии в результате трагической вины короля, отражается на окружающем мире, в котором начинают отмечаться погодные аномалии и природные катаклизмы.

Многолетняя ссора Титании и Оберона приводит к ухудшению погоды и благосостоянию лесов. В момент кощунственного свадебного пира в Эльсиноре отмечают необычные холод, темнота и тишина, пугающие даже стражников королевского караула. Усиление качеств природных явлений обусловлено inferнальным характером последующего далее события – появления Призрака отца Гамлета [Летин, 2016].

Наиболее же частым символом дисгармонии мира в художествен-

ном универсуме Шекспира является буря. Она возникает, как следствие нарушения устоев мироздания. И тем сильнее, чем более пошатнулись устои и поправки главные законы.

Бури разражаются в комедиях («Двенадцатая ночь» и «Комедия ошибок»); трагедии («Король Лир»); «романтических пьесах» («Зимняя сказка», «Перикл», «Буря»).

Бури в комедиях представляют собой лишь роковое проявление стихии, неподконтрольной человеку. Их роль сугубо драматургическая, служить исходным событием, обуславливающим импульс развития сюжета.

Семантика бурь и катаклизмов в других пьесах более сложна. Они связаны главными героями – королями Лиром и Просперо, царь Антиох. Буря, переживаемая Лиром, воспринимается им как «природная» аналогия его семейной драмы. Буря и катаклизм могут восприниматься героем (Лир) или быть возмездием (Антиох) ему со стороны Высших сил.

Вариантом реализации в «Буре» мотива возмездия становится буря, инициированная магией Просперо как способ наказания давнего врага – Алонзо, герцога Неаполитанского. Это апофеоз проявления власти героя-мага над стихией и судьбами людей. Однако, этой по иронии судьбы этой бурей на остров приносится и «непредусмотренный» магом-«пантогратором» будущий возлюбленный его дочери

Миранды – принц Фердинад, сын Алонзо. Для новорожденной принцессы Утраты буря оказалась спасением, так как скрывает ее от возможных преследований разгневанного отца.

Наконец, бури могут быть связаны с проблемами политического характера, как в «Перикле». В первую бурю он попадает, спасаясь от преследования царя Антиоха, грозящего вторгнуться в его страну. А во вторую – узнав о готовящемся в Тире заговоре против него и пожелав вернуться. Буря наиболее ярко выражает идею метафизического хаоса, но в большинстве пьес бури разражаются и бушуют в душах персонажей.

В мире, в котором ослабла или скомпрометирована королевская власть оказываются возможным метафизические гротески. Фигуры короля и шута не только сближаются, но даже меняются обличьями и местами.

Индикатором прочности власти правителя в шекспировском универсуме могут служить отношения между членами его семьи. Для того времени было характерно отождествлять короля с отцом подданных. Эта концепция восходит еще к «Политике» Аристотеля, символически отождествившего власть государя и отца [Аристотель, 2016]. Перипетии семейных драм шекспировских персонажей являются своеобразным набором вариаций на данную тему. Конфликт в королевском семействе может быть как от-

крытым (ссоры, скандалы, различные формы публичного выяснения отношений) и скрытым (интриги, заговоры, психологические манипуляции).

Характерно, что чаще «бунтовщицами» оказываются дочери правителей, несогласные с отцовским выбором жениха (Цимбелин – Имогена; Герцог миланский – Сильвия; Просперо – Миранда, дядя-опекун сэра Тоби Белч и графиня Оливия). В этот ряд можно вписать конфликт между Эгеем и Гермией («Сон в летнюю ночь»), ставший предметом суда их «отца» – герцога Тезея. В этих матримониальных историях правитель обнаруживает качества деспота, считающего законом исключительно свою «отцовскую» волю, так семейная драма оказывается знаком метафизической дисгармонии универсума пьесы. Гораздо более драматичными для мира пьесы оказываются последствия незнания правителем истинной природы своих детей. Король бриттов Лир, предпочитая честную Корделию, лгуньям – Регане и Гонерилье, ставит государство под угрозу гражданской войны и французской интервенции. В художественном универсуме Шекспира дочь могла оказаться жертвой страсти отца, вызвав в нем гнев лишь своим рождением. В «Зимней сказке» мучимый ревностью король Сицилии Леонт, не признает новорожденную девочку своей и отдает распоряжение ее убить. Но только единожды в пьесах Шекспира дочь

будет убита рукой отца, запоздало спасающего ее честь: лавиния – Титом Андроником.

Однако, не только отец мог замыслить злодеяние против дочери. Гордичка Гонерилья превосходит сестру Регану в бесчинствах против отца. Она не только изгнала старого отца из своих владений, но и убедила ту выдворить старика и из её половины королевства. Апофеозом «дочерней» злобы, правда, символической, в мире Шекспира является образ леди Макбет. Мысль о том, что король Дункан своими благородным видом напоминает ей родного отца, ужасает героиню, но не останавливает от в отношении его преступных намерений.

Конфликт между отцом и дочерью обнаруживает важный для шекспировского универсума мотив гибели в мире чистой, не омраченной чувственностью, безусловной отцовско-дочерней любви.

А вот непосредственный открытый конфликт правителя с сыном представлен едва ли не тремя случаями. Оба связаны с несоответствующим статусом их избранниц их статусу. В «Зимней сказке» Богемский принц Флоризель влюбляется в пастушку Утрату, не зная о том, что это принцесса Сицилийская, «удочеренная» простолюдинами. Отцовско-королевский гнев обрушивается на Флоризеля в первую очередь из-за «низкого» происхождения девушки. К тому же переодевание сына в крестьянина, воспринимается королем как

предательство сана и долга. Абсурдность ситуации заключается здесь в том, что Утрата, будучи королевой сельского праздника очаровала короля и его спутника, а сам король в момент отцовского гнева переодет в костюм простолюдина.

В пьесе «Все хорошо, что хорошо кончается», наоборот, безродная, но добродетельная дочь лекаря Елена навязывается королем Франции в жены Бертраму Руссиньольскому в благодарность за эффективное лечение. Поначалу всплыв, молодой человек подавляет обиду и внимает доводам своего символического «отца». Но его непослушание «опекуну» приобретает характер внутреннего протеста: после свадьбы молодой человек оставляет супругу, предпочитая войну в Италии.

Однако в мире Шекспира отец-правитель может стать и убийцей сына в результате физического действия (Муций – Тит Андроник), магической связи (Маммилий – Леонт) и в силу обстоятельств, спровоцированных правителем. Так Тит Андроник напрасно жертвует собственной рукой ради двух других сыновей – условие императора для их «амнистии». Марций и Квинтий, оклеветанные любовником и сыновьями Таморы в смерти Бассиана – брата императора все же гибнут на плахе. Коварный же император присылает Титу и его руку, и головы сыновей.

В трагедии «Ромео и Джульетта» Герцог, избегая крайних мер наказания за убийство и нарушение

общественного порядка для наследника дома Монтекки, заменяет смертную казнь ссылкой. Но именно «облагодетельствованный» таким образом Ромео в итоге окажется убийцей его наследника Париса.

Но непосредственных сыновей – отцеубийц в художественном универсуме Шекспира нет. Однако можно найти два примера символического отцеубийства в пьесах: Сатурнином – Тита Андроника и Макбетом – Дункана.

Однако, отец-правитель может даже не знать судьбе своих детей, считая живых умершими. Цимбелин в течение двадцати лет не подозревал о том, что его сыновья Арвираг и Гвидерий живы. Он, Цимбелин, Перикл не узнают собственных дочерей после многолетней разлуки (Марину и Утрату) или переодетых юношей (Имогена).

Еще сильнее темы крови и власти переплетаются в тех случаях, когда конфликт оказывается скрытым. В этом случае ложь становится образом мыслей и жизни его приближенных. В качестве «домашних» врагов монархов в мире Шекспира выступают их родные братья (Клавдий, Антонио, Фредерик). Еще одну опасность для королей в театре Шекспира представляют их любимые (!) супруги (Королева хочет известить Цимбелина; Гертруда изменяет Гамлету-старшему и не возражает против его убийства, Тамора изменяет Са-

турнину, Титания оскорбляет Оберона).

Тайными врагами короля могут оказаться и его недавние друзья, и придворные (Леонт ссорится с Поликсеном; лорды Тира склоняли наместника царя к захвату трона в его отсутствие). В комическом варианте мотив убийства подданными короля варьируется в «Буре». Там злодейство замышляют пьяница Стефано с парой собутыльников.

Как можно заметить, неспособность правителя владеть ситуацией в государстве и семье является следствием того, что государь не способен владеть собой. Практически все шекспировские короли оказываются натурами страстными.

Набор эмоционально-чувственных проявлений правителей достаточно широк. Монархи в шекспировском универсуме горды, честолюбивы и амбициозны (Лир; Макбет; Цимбелин; король Франции из «Все хорошо, что хорошо кончается»), им свойственны вспышки ревности (Леонт) и гнева (Лир, Леонт, Поликсен, Цимбелин, Оберон, герцог Миланский), возжелание (Сатурнин, Клавдий, Тезей). При этом они могут быть настолько же романтичны и идеалистичны в отношении любимых ими королей (Гамлет-старший, Цимбелин, Сатурнин), благодушно-философичны (Старый герцог из Арденского леса) и беспощадно-мстительны (Тит Андроник, Просперо, Оберон).

И чем более правитель оказывается неспособным удерживать по-

рядок в мире, тем более активизируется рядом с ним шут-антагонист. Причем в метафизическом хаоса бытия в результате игры стихий, страстей и слов король и шут могут поменяться местами.

Перед лицом разбушевавшейся стихии капитан корабля в «Буре» нарушает субординацию и «свергает» короля Алонзо, заявляя собственные права на командование судном.

Это может происходить и в результате игры человеческих страстей.

Важным здесь является социальный аспект, связанный с радикальной сменой социального статуса персонажами. Знаком смены имиджа здесь является смена костюма. Скрываясь от отцовского гнева, принц Флоризель меняется одеждой с торговцем и вором Автоликом («Зимняя сказка»). В «Короле Лире» трансформация наследника престола в шута более концептуальна. Ставший жертвой клеветы брата и гнева отца Эдгар «превращается» в «бедного Тома». В таком обличье он успокаивает, спасает, дарит покой душам страдающих стариков Лира и Глостера, демонстрируя важное качество для потенциального короля восстанавливать порядок. Здесь «шутовские» внешние качества характерное для «полоумных» имя и «маргинальное» обличье противоречат оттеняют внутренние качества персонажа, его благородства и отвагу. Он чувствует себя королем Стефано, напяливший красивое платье с

герцогского плеча. При этом имя этого персонажа образовано от греческого слова «венец», который можно интерпретировать, как и как королевскую диадему, и как совершенное творенье Бога и его «роскошный» наряд гротескно оттеняют низменную природу пьяницы-дворецкого.

На честолюбии зловредного («mal» лат. – зло) Мальволио играет компания домочадцев графини Оливии. В строках рокового для его самолюбия письма можно распознать парафраз концепции обретения власти правителем из трактата Макиавелли «Государь». Согласно ему, достичь власти человек может с помощью добродетели («...одни рождаются великими...»), силы («...другие достигают величия...») или удачи (...к третьим оно приходит...») [Макиавелли, 1982]. Комический эффект здесь достигается тем, что для Макиавелли удача является самым невероятным способом стать правителем, так как она неподвластна воле человека. Но в письме именно этот способ и акцентируется. Поверивший «фортуне» Мальволио характеризуется как глупец.

Но самым изощренным вариантом «перемены мест» является игра словами. Здесь шутовство, аранжированное мотивами абсурдности бытия и безумия, приобретая экзистенциальный смысл. Благородные герои, притворяющиеся безумными или реально сходящие с ума, обретают духовное прозрение и свободу.

В роли шута, благодаря своим амбициям интеллектуала, оказывается наваррец Бирон («Бесплодные усилия любви»), посрамленный «женской логикой» француженок.

Шут и господин «вербально» меняются местами в «Короле Лире». Шут, оказавшись «в степи», действует вполне рационально и практично, в то время как Лир все больше теряет рассудок. В обращении к бывшему королю шут постоянно использует, характерные «шутовские» обращения, называя его «глупцом» и «дураком».

Притворившись безумным, Тит Андроник начинает стрелять из лука «по созвездиям». При этом к стрелам были прикреплены жалобы о преступлениях императорской семьи против семьи Андроников. Абсурдное по своей сути действие персонажа, пытающегося «достучаться до Небес», с одной стороны, показывает степень экзистенциального одиночества героя.

Целую сюиту символических перемен социальных ролей устраивает Шекспир в «Гамлете». Гамлет соотносит себя с актером, играющим королей, заявляя ему при первой встрече. Растроганный его монологом о Гекубе, принц признает способность актера владеть душами, обвиняя себя в пустословии и праздности («... я тупой и вялодушный дурень...»). Мысленно принц представляет актера на своем месте, точнее, воображает себя исполняемым им персонажем трагедии.

В сближении фигур короля и шута Гамлет идет дальше других

шекспировских персонажей, ставя между ними знак равенства. Глядя на череп Йорика, он задумывается над тем, что «Александр представлял в земле такое же зрелище? ...И так же вонял?».

Таким образом, дисгармонизации мира в художественном универсуме Шекспира начинается с дисгармонизации личности его правителя. А это напрямую связано с мотивом высокой и чистой любви, предательство которой и является корнем зла. Её воплощением служит образ благородной дамы, соединяющей физическую и духовную красоту. Это может быть жена или дочь правителя. В обоих случаях акцентируется тема любви, в первую очередь, как союза двух прекрасных душ. Предательство этой любви и является исходным событием эсхатологических мотивов в театре Шекспира.

Короли, поддавшись страстям, могут ошибиться в выборе идеала и/или отторгнуть его. Наиболее показательны, в связи с этим, истории королевы Гертруды и принцессы Корделии.

Имена обеих героинь восходят к латинскому корню «cor» – сердце, представляя собой «немецкую» и «французскую» его версии. То есть с учетом значения слов с таким корнем в европейской культуре средних веков и Ренессанса эти героини должны быть символическими воплощениями духовной вертикали.

Отрекшись от Корделии, король-отец, тем самым изгоняет из своего королевства любовь. В результате чего власть, аллегорией которой вы-

ступает Регана («regina» лат. – королева), превращается в тиранию, а честь, персонифицированная в образе Гонерильи («honor» лат. – честь), – в честолюбие. С исчезновением Корделии рядом с Лиром начинает активно проявляться шут.

Однако старший Гамлет «прочитался» с избранницей, предпочитавшей чувственное проявление любви. «Сердцевина» Гертруды оказалась «в пятнах черноты». Однако в лице невинной Офелии у Дании был шанс на спасение. Своей приемницей её видела королева Гертруда. Но интеллектуал-богослов с медицинским образованием Гамлет оказался неспособным понять Офелию. Отвергнув ее, он разбивает девушке сердце, усугубляя ситуацию убийством Полония. Погибшую Офелию хоронят в могиле королевского шута Йорика. Его зловонный череп оказывается знаком смерти, которая и настигнет в финале королевскую семью, знаменуя политический крах Дании.

Антиподами им являются правители идиллических сообществ: социального – Иллирии герцога Орсино; буколического – «двор» Старого герцога, живущего в Арденнском лесу; космогонического – «двор» Просперо.

Трагическая вина первой группы королей заключается в посягательстве на любовь в ее благородном духовном проявлении как на основной закон мироздания, которым определяется по Данте движение Солнца и других звезд. Вторые же сделали его основным законом сво-

его социума. Таким образом, образ короля занимает одно из ключевых мест в художественном универсуме Шекспира. В галерее созданных Шекспиром образов персонажей-правителей характерное для Ренес-

санса представление об идеальном правителе преломляется в контексте актуализации тенденций мировоззренческого кризиса, следующей историко-культурной эпохи – барокко.

Библиографический список

1. Александренко М. В. «Зимняя сказка»: трагедия Леонта // Шекспировские чтения: Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Шекспировская комиссия. Москва : Наука, 2011. С. 102–114.
2. Аникст А. А. Театр эпохи Шекспира. Москва : Искусство, 1965. 328 с.
3. Аристотель. Политика. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=216672&p=7> (дата обращения 12.02.2021).
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Художественная литература, 1990. 541 с.
5. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и в Англии. Москва : Язык русской культуры, 1998. 709 с.
6. Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов. Москва : изд. А. Вяткин, 2007. 382 с.
7. Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. Москва : ИНДРИК, 2006 г. 284 с.
8. Дюби Ж. Трехчастная модель, или представления средневекового общества о себе самом. Москва : Языки русской культуры, 2000. 320 с.
9. Егоров А. У короля Ричарда III был сколиоз, но горбуном он не был // Наука и жизнь. 2021. № 3. URL: <https://www.nkj.ru/news/24477/> (дата обращения: 12.02.2021).
10. Зубова Н. Шуты и клоуны в пьесах Шекспира // Шекспировский сборник. Москва, 1967. С. 187–194.
11. Кирюхин Д. В. Образы королей Генриха VII и Генриха VIII в английском парадном портрете эпохи Тюдоров. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-koroley-genriha-vii-i-genriha-viii-v-angliyskom-paradnom-portrete-epohi-tyudorov/viewer> (дата обращения: 12.02.2021).
12. Комарова В. П. Хроника Шекспира «Король Генрих VI» и проблема идеального правителя. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1976-5.html> (дата обращения: 12.02.2021).
13. Комарова В. П. «Ричард III» Шекспира как политическая трагедия // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1971. № 5. С. 40–53.
14. Комарова В. П. К вопросу о трактовке трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» // Вестник Ленингр. ун-та. / Серия истории языка и лит-ры. Вып. 3. 1959. № 14. С. 71–84.
15. Кондратьева А. О., Гасанова С. Ю. Специфика конфликта в пьесе «Макбет» у Шекспира. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-konflikta-v-piese-makbet-u-shekspira> (дата обращения: 12.02.2021).
16. Котт Я. Шекспир – наш современник. Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2011. 349 с.

17. Лагутина И. Н. Символическая реальность Гете : Поэтика художественной прозы // Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва : Наследие, 2000. 277 с.
18. Летин В. А. Символический универсум трагедии У. Шекспира «Гамлет» Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskiy-universum-tragedii-u-shekspira-gamlet/viewer> (дата обращения 12.02.2021).
19. Макиавелли Н. Государь. URL: <https://www.litmir.me> (дата обращения 12.02.2021).
20. Пинский Л. Комедия и комическое у Шекспира. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (дата обращения: 12.02.2021).
21. Рацкий И. А. «Цимбелин» Шекспира // Шекспировские чтения, Сб. ст. под ред. А. А. Аникста. Москва : Наука, 1986. С. 37–40.
22. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века: монография. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. 212 с.
23. Тайц, И. «Идейная и художественная функция образа шута в комедиях У. Шекспира 90-х годов». URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (дата обращения: 12.02.2021).
24. Тайц И. Идейная и художественная функция образа шута в комедиях У. Шекспира 90-х годов. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (дата обращения: 12.02.2021).
25. Хёйзинга Й. Х. Осень Средневековья: [Соч. в 3-х тт.] // Пер. с нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В. И. Москва : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. Т. 1. 416 с.
26. Черноземова Е. Н. Шуты и шутовство сквозь эпохи: социальный и эстетический аспекты. // Наука и школа. 2019. № 4. С. 20–27.
27. Ярош К. В., Максимов В. И. Амплуа в елизаветинском театре: актерские работы в спектакле театра «Глобус» «Отелло, венецианский мавр» (1604 г.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amplua-v-elizavetinskom-teatre-akterskie-raboty-v-spektakle-teatra-globus-otello-venetsianskiy-mavr-1604-g/viewer> (дата обращения: 12.02.2021).
28. Nestruck, J. Kelly A King Lear in need of a king. The Globe and Mail (13 мая 2012) // The globe and mail/ Theatre&Performance. URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/theatre-and-performance/a-king-lear-in-need-of-a-king/article4170464/> (дата обращения: 12.02.2021).
29. Smith H. Leontes' Affectio // Shakespeare Quarterly. Washington (DC) : Folger Shakespeare Library. 1963. Vol. 14. № 2. P. 163–166.

Reference list

1. Aleksandrenko M. V. «Zimnjaja skazka»: tragedija Leonta = The Winter's Tale: Leontes' tragedy // Shekspirovskie chtenija: Ros. akad. nauk, Nauch. sovet «Istorija mirovoj kul'tury», Shekspirovskaja komissija. Moskva : Nauka, 2011. S. 102–114.
2. Anikst A. A. Teatr jepohi Shekspira = Shakespearean theatre. Moskva : Iskusstvo, 1965. 328 s.

3. Aristotel'. Politika = Politics. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=216672&p=7> (data obrashhenija 12.02.2021).
4. Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennsansa = The work of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 541 s.
5. Blok M. Koroli-chudotvorcy: Oчерk predstavlenij o sverh#estestvennom karaktere korolevskoj vlasti, rasprostranjonnyh preimushhestvenno vo Francii i v Anglii = Miracle Maker Kings: An essay on the supernatural character of royal power, prevalent mainly in France and England. Moskva : Jazyk russkoj kul'tury, 1998. 709 s.
6. Gazo A. Shuty i skomorohi vseh vremen i narodov = Fools and clowns of all times and peoples. Moskva : izd. A. Vjatkin, 2007. 382 s.
7. Darkevich V. P. Svetuskaja prazdnichnaja zhizn' Srednevekov'ja IX–XVI vv. = Secular festive life of the Middle Ages in the IX–XVI centuries. Moskva : INDRIK, 2006 g. 284 s.
8. Djubi Zh. Trehchastnaja model', ili predstavlenija srednevekovogo obshhestva o sebe samom = The three-part model, or the ideas of medieval society about itself. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 320 s.
9. Egorov A. U korolja Richarda III byl skolioz, no gorbunom on ne byl = King Richard III had scoliosis, but he was not a hunchback // Nauka i zhizn'. 2021. № 3. URL: <https://www.nkj.ru/news/24477/> (data obrashhenija: 12.02.2021).
10. Zubova N. Shuty i klouny v p'esah Shekspira = Fools and clowns in Shakespeare's plays // Shekspirovskij sbornik. Moskva, 1967. C. 187–194.
11. Kirjuhina D. V. Obrazy korolej Genriha VII i Genriha VIII v anglijskom paradnom portrete jepohi Tjudorov = Kings Henry VII and Henry VIII in Tudor England ceremonial portraiture. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-korolej-genriha-vii-i-genriha-viii-v-anglijskom-paradnom-portrete-epohi-tyudorov/viewer> (data obrashhenija: 12.02.2021).
12. Komarova V. P. Hronika Shekspira «Korol' Genrih VI» i problema ideal'nogo pravitelja = Shakespeare's chronicle King Henry VI and the problem of the ideal ruler. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1976-5.html> (data obrashhenija: 12.02.2021).
13. Komarova V. P. «Richard III» Shekspira kak politicheskaja tragedija = Shakespeare's Richard III as a political tragedy // Nauch. dokl. vyssh. shkoly. Filol. nauki. 1971. № 5. S. 40–53.
14. Komarova V. P. K voprosu o traktovke tragedii Shekspira «Julij Cezar'» = On the interpretation of Shakespeare's Julius Caesar // Vestnik Leningr. un-ta. / Serija istorii jazyka i lit-ry. Vyp. 3. 1959. № 14. S. 71–84.
15. Kondrat'eva A. O., Gasanova S. Ju. Specifika konflikta v p'ese «Makbet» u Shekspira = The specifics of conflict in Shakespeare's Macbeth. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-konflikta-v-piese-makbet-u-shekspira> (data obrashhenija: 12.02.2021).
16. Kott Ja. Shekspir – nash sovremennik = Shakespeare is our contemporary. Sankt-Peterburg : Baltijskie sezony, 2011. 349 s.
17. Lagutina I. N. Simvolicheskaja real'nost' Gete : Pojetika hudozhestvennoj prozy = Goethe's symbolic reality : Poetics of fiction // Ros. akad. nauk. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moskva : Nasledie, 2000. 277 s.

18. Letin V. A. Simvolicheskiy universum tragedii U. Shekspira «Gamlet» Tekst nauchnoj stat'i po special'nosti «Jazykoznanie i literaturovedenie» = The Symbolic universe of Shakespeare's tragedy Hamlet. Research paper on Linguistics and Literary Studies. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskiy-universum-tragedii-u-shekspira-gamlet/viewer> (data obrashhenija 12.02.2021).
19. Makiavelli N. Gosudar' = The Sovereign. URL: <https://www.litmir.me> (data obrashhenija 12.02.2021).
20. Pinskij L. Komedija i komicheskoe u Shekspira = Comedy and the comic in Shakespeare's works. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (data obrashhenija: 12.02.2021).
21. Rackij I. A. «Cimbelin» Shekspira = Cymbeline by Shakespeare // Shekspirovskie chteniya, Sb. st. pod red. A. A. Aniksta. Moskva : Nauka, 1986. S. 37–40.
22. Sannikov S. V. Obrazy korolevskoj vlasti jepohi Velikogo pereselenija narodov v zapadnoevropejskoj istoriografii VI veka = The images of royalty at the time of the Migration period in VI-century Western European historiography: monografija. Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2011. 212 s.
23. Tajc, I. «Idejnaja i hudozhestvennaja funkcija obraza shuta v komedijah U. Shekspira 90-h godov» = «The ideological and artistic function of the fool in Shakespeare's comedies of the 90s». URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (data obrashhenija: 12.02.2021).
24. Tajc I. Idejnaja i hudozhestvennaja funkcija obraza shuta v komedijah U. Shekspira 90-h godov = «The ideological and artistic function of the fool in Shakespeare's comedies of the 90s». URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-1985-3.html> (data obrashhenija: 12.02.2021).
25. Hjojzinga J. X. Osen' Srednevekov'ja: [Soch. v 3-h tt.] = The autumn of the Middle Ages: [Works in 3 vols.] // Per. s niderland. Vstup. st. i obshh. red. Ukolovoj V. I. Moskva : Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. T. 1. 416 s.
26. Chernozemova E. N. Shuty i shutovstvo skvoz' jepohi: social'nyj i jesteticheskij aspekty = Fools and buffoonery through the ages: social and aesthetic aspects // Nauka i shkola. 2019. № 4. S. 20–27.
27. Jarosh K. V., Maksimov V. I. Amplua v elizavetinskom teatre: akterskie raboty v spektakle teatra «Globus» «Otello, venecianskij mavr» (1604 g.) = Characters in the Elizabethan theatre: acting in the Globe theatre's production of Othello, The Moor of Venice (1604). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amplua-v-elizavetinskom-teatre-akterskie-raboty-v-spektakle-teatra-globus-otello-venecianskiy-mavr-1604-g/viewer> (data obrashhenija: 12.02.2021).
28. Nestruck, J. Kelly A King Lear in need of a king. The Globe and Mail (13 maja 2012) // The globe and mail/ Theatre&Performance. URL: <https://www.theglobeandmail.com/arts/theatre-and-performance/a-king-lear-in-need-of-a-king/article4170464/> (data obrashhenija: 12.02.2021).
29. Smith H. Leontes' Affectio // Shakespeare Quarterly. Washington (DC) : Folger Shakespeare Library. 1963. Vol. 14. № 2. P. 163–166.

УДК 908

М. В. Александрова

<http://orcid.org/0000-0002-4709-5663>

Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии)

Для цитирования: Александрова М. В. Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 111–118. DOI 10.20323/2658-7866-2021-1-7-111-118

Статья посвящена исследованию восприятия иностранцами социокультурных реалий Ярославской губернии XIX века на примере путевых заметок французских писателей и публицистов Астольфа де Кюстина, Александра Дюма-отца, Теофиля Готье. Исследуются особенности конструирования и репрезентации образа российской провинции, адресованного европейскому читателю. На основе сопоставления травелогов иностранных путешественников с текстами российских авторов и историческими источниками оценивается степень влияния личности автора на сюжет повествования и особенности восприятия российской действительности представителями разных культур. Ярославская губерния, выступающая общей для трех текстов локацией, является в данном исследовании репрезентативным примером репрезентации образа России в жанре травелога. Объектами исследования выступают описания иностранными авторами таких городов, как Ярославль, Рыбинск, Романов-Борисоглебск (Тутаев), Углич, сельской местности и путей сообщения. В исследовании отражены тенденции к репрезентации особенностей быта разных слоев российского общества (крестьян, дворянства), специфики «русского типа» внешности и русского характера, градостроительной политики и архитектурного облика провинциальных городов, хозяйственных аспектов повседневной жизни. Авторы исследуемых травелогов уделяют внимание сюжетам русской истории, стремятся дать целостную характеристику населенным пунктам. Анализ текстов выявляет такие особенности авторского повествования, как субъективность, неточность, интерес к этнографическим и антропологическим аспектам, акцентирование экзотических для европейского читателя сторон российской жизни. В исследуемых травелогах отмечены стремление к конструированию художественного образа России и созданию увлекательного сюжета, влияние авторской позиции и персонального имиджа автора.

Ключевые слова: травелог, российская провинция, Ярославская губерния, культура повседневности.

M. V. Aleksandrova

The image of the Russian province in the travelogues of the XIX century foreign travelers (on the materials of the Yaroslavl province)

The article is devoted to the research of foreigners' perception of social and cultural realities of the 19th century Yaroslavl province, using travel notes of French writers and publicists

© Александрова М. В., 2021

Образ российской провинции в травелогах иностранных путешественников XIX века (на материалах Ярославской губернии) 111

Astolphe de Custine, Alexandre Dumas, Theophile Gautier as an example. The author studies specific construction and representation of the Russian provincial images, addressed to the European reader. Comparing the travelogues of foreign travellers with the Russian texts and historical sources, the author assesses the degree of influence of the author's personality on the narrative and the specifics of the perception of Russian reality by representatives of different cultures. The Yaroslavl province, which is a common location to the three texts, is a relevant example of presenting the image of Russia in the travelogue genre. The objects of the study are the descriptions by foreign authors of Yaroslavl, Rybinsk, Romanov-Borisoglebsk (Tutaev), Uglich, the countryside and the means of transportation. The study reflects the trends towards representing the features of everyday life of different Russian society strata (peasants, nobility), the specifics of the «Russian type» of appearance and Russian character, urban policy and the architectural styles of provincial towns, and the economic aspects of everyday life. The authors of the travesties under study pay attention to stories from Russian history and strive to give a coherent characteristic of the locations. The analysis of the texts reveals such features of the authors' narrative as subjectivity, imprecision, interest in ethnographic and anthropological aspects, and an emphasis on exotic aspects of Russian life for the European reader. The travelogues in question are marked by the desire to construct Russia's artistic image and create a fascinating plot, and by the influence of the author's position and personal image of the author.

Key words: travelogue, Russian province, Yaroslavl, everyday culture.

Жанр травелога, чрезвычайно популярный как в Европе, так и в России XIX века, предоставляет широкие возможности для изучения социокультурного пространства российской провинции. Наблюдения, сделанные путешественниками в непосредственном контакте с реалиями локальной культуры, являются уникальным источником информации о повседневной жизни провинции. Особенный интерес в этом отношении представляют путевые записки иностранных путешественников, конструирующих и предлагающих европейскому читателю динамичный образ России.

Тексты, выбранные для настоящего исследования, относятся к середине XIX столетия. Их авторы – маркиз Астольф де Кюстин, Теофиль Готье, Александр Дюма – сознательно ставят целью путешествия дать всеобъемлющую харак-

теристику Российской империи. Европейской аудитории были хорошо известны ранее изданные травелоги Астольфа де Кюстина и Александра Дюма, повествующие о путешествиях по Швейцарии, Англии, Шотландии, Италии и Испании. Россия в этом ряду выступает самой экзотической страной. Объектом внимания иностранцев здесь становятся быт придворных кругов в российских столицах и повседневная жизнь глубинки. Ярославская губерния, оказываясь общей для трех текстов локацией, выбрана нами как достаточно репрезентативный пример формирования образа российской провинции иностранным автором-путешественником.

Французский писатель и дипломат Астольф де Кюстин посетил Российскую Империю в 1839 году. Помимо Санкт-Петербурга, где маркиз был удостоен нескольких

аудиенций у Николая I, он посетил Москву, Владимир, Ярославль и Нижний Новгород, проехал десятки уездных городков и деревень. Его сочинение «Россия в 1839 году» было запрещено к публикации в Российской Империи, но снискало известность в Европе. В путешествиях по провинции он концентрируется на специфических деталях быта, описывая их в стилистике этнографического очерка: «крестьяне носят нечто вроде башмаков, грубо сплетенных из тростника; издали обувь эта отчасти походит на античные сандалии», «русские издают неприятный запах, который ощущается даже издали», «голые люди моют с мылом других голых, лежащих на раскаленных полках». При этом де Кюстин не чужд романтизации русской глубинки, используя художественные образы и клише, восхищается лицами стариков, похожими на иконописные лики, вслушивается в «гнусавое исполнение невнятно-жалобной мелодии бурлацкой песни» [Кюстин, с. 513–533].

Ярославль, именуемый де Кюстином «национальной столицей водных сообщений», как и Ярославская губерния служат автору материалом для рассуждений о русском характере. «Самое обыкновенное состояние духа в этой стране – печаль, скрытая под иронией. Простонародье топит свою тоску в молчаливом пьянстве, а знать – в пьянстве шумливом». «Здесь вечно кого-то или чего-то

опасаются. Суровый климат, принуждающий человека к постоянной борьбе, непреклонное правительство и привычка к шпионству делают характер людей желчным, недоверчиво-самолюбивым». При этом внешний облик населения Ярославской губернии, по мнению маркиза, представляет чистейший образец «русского типа красоты» [Кюстин, с. 522–523].

Отмечая «смешные претензии народа-выскочки», маркиз указывает на имперские градостроительные амбиции провинциалов: «Разве не высится в Ярославле колонна наподобие петербургской, а напротив нее – несколько зданий с аркой внизу, подражающих Генеральному штабу в столице?» [Кюстин, с. 518]. В данном отрывке речь идет о Демидовском столпе и ансамбле трех центральных площадей Ярославля, создававшихся в соответствии с регулярным планом города 1778 года. В их градостроительном и архитектурном решении исследователи отмечают ряд аналогий со столичным эталоном – застройкой Санкт-Петербурга [Александрова, с. 305]. Наряду с этим маркиз отмечает однообразие городского пейзажа: «город, несмотря на свое торговое значение, настолько плосок, настолько правильно расчерчен, что кажется вымершим; в нем пусто, печально и тихо» [Кюстин, с. 518].

Отдельного внимания в сочинении де Кюстина удостоена семья ярославского губернатора Констан-

тина Полторацкого: «это не чистокровные московиты, не настоящие бояре», «в провинции русская знать любезнее, чем при дворе». Маркиз поражен их великолепным знанием французского языка («я мог вообразить, что нахожусь в Лондоне или в Петербурге»), начитанностью и вместе с тем истовой набожностью. Следуя традициям путевых заметок, де Кюстин касается гастрономической темы: пишет о «завтраке, переходящем в обед, – как принято на Севере», специфическом слове «закуска», икре, стерляди и арбузах, удивляется любви русских к рубленому мясу и отвратительному кислому супу [Кюстин, с. 513–533].

Общим местом для путевых заметок о русской провинции становится критика состояния русских дорог и средств передвижения. Астольф де Кюстин отмечает, что «к прибытию в Ярославль ни одна часть моей коляски не осталась в целости» [Кюстин, с. 513]. Подобные утверждения можно встретить и в письмах И. С. Аксакова из Ярославской губернии, датированных тем же 1849 годом: «Дорога гнуснейшая всюду», «на большой дороге, ведущей из Ярославля в Романов, в версте от станции завяз в грязи... Надобно было вытаскивать народом, что продолжалось несколько часов. Этой участи в тот день подверглось 10 экипажей». «Сто верст от Углича до Ярославля – я ехал слишком сутки!» [Аксаков, с. 66, 134]. Остроумные замет-

ки о разбитых дорогах, вязнувших в песке лошадях, «самобытных» бревенчатых гатях через болота и дорожных катастрофах десятилетием позже опубликует и Александр Дюма. У Теофиля Готье описание встреченной в Ярославле «допотопной кареты, похожей на древние носилки» и именуемой «тарантас», займет несколько полных недоумения абзацев [Готье, с. 377].

Визит Александра Дюма в Россию, предпринятый в 1858–1859 гг., был частью масштабного издательского проекта, предполагавшего серию путевых очерков по странам Европы и Азии. И. А. Гончаров сообщал, что «Дюма... полагает написать до 200 волюмов путешествий, и между прочим определяет 15 волюмов на Россию, 17 на Грецию, 20 на Малую Азию... Ей богу так!» [Гончаров, с. 78] В Санкт-Петербурге и Москве Дюма провел три месяца, с начала сентября путешествовал по Волге от Нижнего-Новгорода до Астрахани, затем побывал на Кавказе и покинул Россию лишь в январе 1859 года. В путевых очерках Дюма стремился дать подробное описание увиденного, сопровождая рассказ отсылками к русской истории, перечислением местных достопримечательностей, попытками анализа социально-экономического положения регионов.

В сентябре 1858 года Дюма провел 8 дней в усадьбе камергера Дмитрия Нарышкина – в селе Елпатьево Переславль-Залесского

уезда. На примере жизни в Елпатьево, Дюма знакомит читателя с тонкостями русской охоты, дает общую характеристику края, «сурового к своим детям», «не получившего от природы жгучего зародыша изобилия» [Дюма]. Важной частью повествования становится путешествие по Волге – «царице рек Европы». Регулярное пароходное движение по Волге началось с 1846 года и речные круизы еще только начинали входить в моду. Находя волжские пейзажи достаточно унылыми и однообразными, Дюма украшает описание туристической поездки яркими эпизодами, достойными авантюрного романа. Поднявшись на борт в Калязине, он ухитряется захватить с собой провожавший его полковой оркестр, а угличские монахи будто бы принимают Дюма за «посла Англии». Сам древний Углич поразил Дюма своей полной драматизма историей. Формируя образ города, Дюма дополняет трагические факты прошлого собственными впечатлениями от ночной экскурсии по пустынному угличскому кремлю. Романов (Романов-Борисоглебск, ныне – Тутаев) был охарактеризован Дюма как «край, где делают лучшие тулупы». Легкие и теплые романовские полушубки славились по всей России и пользовались спросом не только в провинции. Однако, название породы знаменитых романовских овец Дюма трактует по-своему: «царь Петр I, который отнюдь не был ягненком, не

погнушался дать местным овцам свою фамилию» [Дюма].

Помимо личных впечатлений, Дюма использовал разнообразные источники – как относительно достоверные, так и полные субъективных оценок. К примеру, о Переславле-Залесском он судит исключительно на основе рисунков и рассказов своего попутчика – художника Муане. В самом Ярославле Дюма и вовсе не стал сходить на берег, получив представления о городе от попутчицы – княгини Анны Долгорукой. С ее слов Дюма изображает Ярославль в романтическом свете, отмечая, что город «славится красивыми женщинами и исключительными страстями: за два года пять молодых людей там сошли с ума от любви». Примечательно, что еще в 1702 году голландский художник Корнель де Бруин писал, что Ярославль знаменит удивительной красотой женщин, «которые в этом отношении превосходят всех женщин России» [Митрофанов, с. 5–6]. Необычайной привлекательностью ярославских девушек за 10 лет до Дюма восхищался и молодой Александр Островский, иронично замечая: «Ну тяпнешь горя в этой стороне... вот уж 8 красавиц попались нам на дороге» [Островский, с. 192].

Снабжая повествование любопытными историческими фактами, Дюма явно рассчитывает на кругозор европейского читателя, но грешит неточностями. Он акцентирует внимание на том, что именно в

Ярославль был «определен на жительство герцог Бирон, помилованный Павлом I, после возвращения из Сибири». Бывший фаворит императрицы Анны Иоановны жил в Ярославле на правах политического ссыльного почти 20 лет. Однако, Павел I, вступил на престол лишь через 24 года после смерти Бирона. Достаточно странным выглядит и утверждение Дюма, будто бы в Ярославле располагалось 7 российских лицеев.

Особое внимание Дюма привлекает представитель торгово-промышленной элиты Ярославля – месть Pastroukoff, которого романист называет «дважды или трижды миллионером», разбогатевшим «благодаря широкой торговле железом, в зависимость от которой попала вся Россия». Ярославский купец I гильдии Александр Матвеевич Пастухов был одним из самых богатых железоторговцев России. Однако, Дюма преувеличил размеры пастуховского капитала – по подсчетам исследователей, он составлял 1 миллион 750 тысяч рублей [Обнорская, с. 22]. Именно Пастухов, по свидетельству Дюма, владел «лучшим в России отелем и единственным, может быть, вне обеих столиц, где встретишь настоящие кровати». Напомним, однако, что ни гостиницу, ни сам Ярославль Дюма лично не посещал.

Российские современники отнеслись к публикациям Дюма прохладно, отмечая, что большую часть сведений автор получал от

субъективных информаторов. Вместе с тем, по мнению Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова, путевые впечатления Дюма можно отнести к такому типу травелога, как «познавательное путешествие» [Милюгина, с. 40].

Французский писатель Теофиль Готье, посетив Россию в 1861 году, публиковал репортажи во французской газете «Монитёр», а впоследствии издал их под заголовком «Путешествие по России» (1867). По мнению А. Р. Ощепкова, «путевые заметки Готье – это поэтический путеводитель по России» [Ощепков, с. 155]. В частности, Готье замечает, что на Ярославле «лежит печать старых русских городов, где побелка скрывает следы ветхости». Любуясь фресками ярославских церквей, он удивляется странной привычке русских регулярно поновлять рисунок росписей по мере их выцветания, пренебрегая эффектом благородной старины [Готье, с. 376]. Любимым развлечением торгового Рыбинска Готье называет страсть к цыганским песням и восторженно описывает собственные впечатления от специально организованного для него концерта: «цыганские песни имеют странную силу вызывать образы в головах слушателей, они будят первобытные инстинкты, стертые общественной жизнью...» Впрочем, сами цыганки, по словам Готье «походили на дурно одетых горничных... Всего лишь плохонькое подражание парижским модам в

сочетании с варварским вкусом, объясняющимся глухой провинцией» [Готье, с. 369–372].

Травелоги французских путешественников, безусловно, находятся в контексте персонального имиджа и художественного творчества их авторов – известных писателей и публицистов. При этом в путевых очерках иностранных авторов, рассчитанных на интерес европейского читателя, российская провинция – это, в первую очередь, экзотика, отчасти «азиатчина». Описание здесь нередко строится на контрастах и изобилует колоритными бытовыми деталями, опирается на

субъективные вкусы, недостоверные источники. Вместе с тем богатый, эмоционально насыщенный материал, предлагаемый в описании Ярославского края, характеризует не только топографию и историю посещаемых им городов, но и общественное мнение, повседневный образ жизни населения. Репрезентация образа русской провинции в путевых заметках иностранных авторов выступает примером диалога двух типов менталитета, открывая возможности для исследования межкультурной коммуникации в середине XIX столетия.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 2. Москва, 2004.
2. Александрова М. В. Имперский замысел в городском пространстве провинции: модус пограничности // Ярославский педагогический вестник. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2015. №5. С. 303–307.
3. Гончаров И. А. Письма к А. В. Дружинину // Гос. Лит. музей, Летописи. Кн. 9. Москва, 1948.
4. Готье Т. Путешествие в Россию. Москва : Мысль, 1988.
5. Дюма А. Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию / пер. с фр. В. А. Ишечкина; автор вступ. ст. и примеч. В. А. Ишечкин // Proza.ru. URL: <http://www.proza.ru/2010/01/29/899>
6. Кюстин А. Россия в 1839 году. Санкт-Петербург, 2008.
7. Милогина Е. Г. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Тверь, 2011. Выпуск 3. С. 40–48.
8. Митрофанов А. Г. Городские прогулки. Ярославль. Москва, 2008.
9. Обнорская Н. В. Купцы Пастуховы // «Имею честь быть вашим...». Рыбинск, 2000. С. 17–24.
10. Островский А. Н. Дневники // Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 13. Москва, 1952.
11. Ощепков А. Р. Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию» // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 154–158.

Reference list

1. Aksakov I. S. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'mah. T. 2 = Ivan Sergeevich Aksakov in his letters. V. 2. Moskva, 2004.

2. Aleksandrova M. V. Imperskij zamysel v gorodskom prostranstve provincii: modus pograničnosti = Imperial design in provincial urban space: the borderline mode // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2015. № 5. S. 303–307.
3. Goncharov I. A. Pis'ma k A. V. Družhininu = Letters to A. V. Družhinin // Gos. Lit. muzej, Letopisi. Kn. 9. Moskva, 1948.
4. Got'e T. Puteshestvie v Rossiju = Journey to Russia. Moskva : Mysl', 1988.
5. Djuma A. Iz Parizha v Astrahan'. Svezhie vpečatlenija ot puteshestvija v Rossiju = From Paris to Astrakhan. The latest impressions from a trip to Russia / per. s fr. V. A. Ishechkina; avtor vstup. st. i primech. V. A. Ishechkin // Proza.ru. URL: <http://www.proza.ru/2010/01/29/899>
6. Kjustin A. Rossija v 1839 godu = Russia in 1839. Sankt-Peterburg, 2008.
7. Miljugina E. G. Principy izučeniija «tverskih» travelogov XVI–XX vekov = Research principles of the 16th-20th century Tver travelogues // Vestnik TvGU. Serija: Filologija. Tver', 2011. Vypusk 3. S. 40–48.
8. Mitrofanov A. G. Gorodskie progulki. = City walks. Jaroslavl'. Moskva, 2008.
9. Obnorskaja N. V. Kupcy Pastuhovy = The Pastukhov merchants // «Imeju chest' byt' vashim...». Rybinsk, 2000. S. 17–24.
10. Ostrovskij A. N. Dnevnik = Diaries // Ostrovskij A. N. Polnoe sobranie sočinenij. T. 13. Moskva, 1952.
11. Oshhepkov A. R. Rossija v knige T. Got'e «Puteshestvie v Rossiju» = Russia in T. Gautier's book Journey to Russia // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2009. № 2. S. 154–158.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азеева Ирина Викторовна – кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и творческой работе, профессор кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: yrakh@rambler.ru

Александрова Мария Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: msheleh@mail.ru

Букарева Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: bukarevanu@mail.ru

Ван Луяо – доктор филологических наук, старший преподаватель института иностранных языков Университета Сунь Ятсена. 510275, КНР, г. Гуанчжоу, район Хайчжу, ул. Синьган, д. 135. E-mail: 596713326@qq.com

Добрынин Григорий Алексеевич – студент отделения «Актер театра драмы и кино» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: dobronin@yandex.ru

Калинина Татьяна Жяудятовна – магистр образования по направлению «Гуманитарные знания», преподаватель русского языка в Шидзяджуанском железнодорожном профессионально-техническом институте. 050000, КНР, уезд Чжендин, г. Шидзяджуан, провинция Хэбэй. E-mail: tatjana-kalinina5@rambler.ru

Коу Сяохуа Kou Xiaohua – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бейбей, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: 839367883@qq.com

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: Lotin@yandex.ru

Перфилов Артем Александрович – студент 3 курса, направление подготовки бакалавров «Театроведение» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: perfiloff.ar@mail.ru

Сюй Фэнцай – доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вестник Ляонинского педагогического университета», научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР. 116029, КНР, г. Далянь, район Шахэкоу,

ул. Хуанхэ, д. 850. E-mail:
626263214@qq.com

Чжао Жун – доцент института иностранных языков Хубэйского университета гуманитарных и естественных наук. 441022, провинция Хубэй, город Сяньян, район Сянчэн, ул. Таньси, дом 10. E-mail: zhaorui@163.com

Чжоу Синь – кандидат филологических наук, заместитель декана филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. 5181000, КНР, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюань. д. 1. E-mail: xingwuzhou@yandex.ru

Чжэн Вэньдун Wendong Zheng – доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Уханьского университета. 430072, КНР, г. Ухань, район Учан, ул. Баи, номер 299. E-mail: qingqing282@163.com

Янь Куань – преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и Пекинским политехническим институтом (университетом) в г. Шэньчжэнь. 5181000, КНР, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюань. д. 1. E-mail: yuki-niqe@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandrova Maria Vyacheslavovna – candidate of history sciences, senior lecturer at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: msheleh@mail.ru

Azeeva Irina Viktorovna – candidate of cultural studies, associate professor, vice-rector for research and creative work, professor, the Department of general humanities and theatre studies, Yaroslavl state theatre institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43. E-mail: yrakh@rambler.ru

Bukareva Natalja Jurjevna – candidate of philological sciences, associate professor of Russian literature department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: bukarevanu@mail.ru

Dobrynin Grigory Alekseyevich – student, Theatre and Film Actor department, Yaroslavl state theatre institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43. E-mail: dobronin@yandex.ru

Kalinina Tatiana Zhyaudyatovna – master of education in the field of humanitarian knowledge, teacher of the Russian language in Shijiazhuang railway institute of professional and technical education. 050000, PRC, Zhejiangdin county, Shijiazhuang, Hebei province. E-mail: tatjanakalinina5@rambler.ru

Kou Xiaohua – candidate of philological sciences, associate professor at the Institute of foreign languages, Southwestern University of the PRC. 400715, PRC, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2. E-mail: 839367883@qq.com

Letin Vyacheslav Aleksandrovich – candidate of cultural studies, associate professor of the department of general humanities and theatre studies, Yaroslavl state theatre institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43. E-mail: Lotin@yandex.ru

Perfilov Artem Aleksandrovich – 3rd year student, bachelor's degree programme in theatre studies, Yaroslavl state theatre institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43. E-mail: perfiloff.ar@mail.ru

Wang Luyao – doctor of philology, senior lecturer at the Institute of foreign languages, Sun Yatsen university. 510275, PRC, Guangzhou, Heizhou District, Xingang st., 135. E-mail: 596713326@qq.com

Xu Fengqai – doctor of philology, professor, editor-in-chief of the journal Bulletin of Liaoning University of Education, researcher of the Center for the study of Russian-speaking countries, Southwestern university, Ministry of Education of the PRC. 116029, PRC, Dalian, Shahekou District, Huanghe st., 850. E-mail: 626263214@qq.com

Yan Kuan – lecturer at Lomonosov Moscow state university and Beijing polytechnic institute (university) in Shenzhen. 5181000, PRC, Guangdong province, Shenzhen city, Lungang district, Dayunxincheng, Guojidasyuan st., 1. E-mail: ykuniqe@yandex.ru

Zhao Rong – associate professor at the Institute of foreign languages, Hubei university of humanities and natural sciences. 441022, Hubei province, Xiangyang city, Xiancheng district, Tangxi st., 10. E-mail: zhaorru@163.com

Zheng Wendong – doctor of philology, professor, dean of the Russian language department, Wuhan University. 430072, PRC, Wuhan, Wuchang District, Bai st., 299. E-mail: qingqing282@163.com

Zhou Xinwu – candidate of philological sciences, deputy dean of the faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT university. 5181000, PRC, Guangdong Province, Shenzhen city, Lungang district, Dayunxincheng, Guojidasuang st., 1. E-mail: xingwuzhou@yandex.ru

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

должна быть написана на русском и английском языках;

должна содержать описание основных целей и задач исследования; в

общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименова-

ний, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионно-

го соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING
COUNTRIES» AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

- surname, first name, patronymic name (if applicable);

- address with postcode;

- contact phone number;

- e-mail;

- scientific degree and status;

- job title;

- place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

- each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

- pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

- pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

- captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

- the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

- 2 copies of completed and signed author's contract.

- An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 1 (7)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редактура – Т. В. Шаркова

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 15,75 п. л., 7,94 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.
Заказ № 75. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 14.04.2021

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44